

№

СТАВРОПОЛЬСКИЙ
СЛАВЯНО-ВЕДЕНСКИЙ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

2010

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2010

ЯНВАРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ФЕВРАЛЬ •

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Виноградов В.Н.</i> (Москва). Распад Австро-Венгрии и Румыния	3
<i>Асташин Н.А.</i> (Москва). Дальневосточный вектор венгерской внешней политики: XX век	12
<i>Колонтари А.</i> (Печ). Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году	19
<i>Морозов С.В.</i> (Санкт-Петербург). К вопросу о роли так называемой буковинской железной дороги в развитии Мюнхенского кризиса	31
<i>Аржакова Л.М.</i> (Санкт-Петербург). Долгая пауза после блистательных успехов: Русская историческая полонистика на исходе XIX века	44
<i>Шведова Н.В.</i> (Москва). «Я не мог видеть самые черные вещи на свете». Ожидание будущего в сюрреалистической поэзии Владимира Райсела	54
<i>Пилипенко Г.П.</i> (Москва). Разработка вопросов интерференции и заимствования в лингвистической литературе	62
<i>Шабалина Е.В.</i> (Екатеринбург). Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков)	74

СООБЩЕНИЯ

<i>Птицын А.Н.</i> (Ставрополь). Предприниматели из австро-венгерских земель в России (XIX – начало XX века)	83
<i>Бухарин Н.И.</i> (Москва). К вопросу о российско-польских отношениях (1992–2008)	91

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Никифоров К.В.</i> Н. Алексун, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич. История Центрально-Восточной Европы	98
<i>Петровская О.В.</i> Российские и славянские исследования. Вып. 3	106
<i>Косик В.И.</i> Р. Дамянова. Эмоции в культуре на болгарского възраждане	112
<i>Анисимова Д.Ю.</i> М. Čudić. Danilo Kiš i moderna mađarska poezija	114
<i>Макарова А.А.</i> Slovník pomístních jmen v Čechách	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бодрова А.Г., Чепелевская Т.И. Международная конференция «X Славистические чтения памяти проф. Г.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова» 123

ЮБИЛЕИ

Старикова Н.Н. К юбилею Галины Яковлевны Ильиной 126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зак. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: *Jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2010 г.
© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2010 г.

© 2010 г. В.Н. ВИНОГРАДОВ

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ И РУМЫНИЯ

Национальное движение в населенных сербами и румынами землях двуединой австро-венгерской монархии имело свои особенности. Общее правило – от национальных движений к созданию национальных государств – здесь не действовало, такие государства в данном случае существовали (княжества Румынские – Молдавия и Валахия и Сербское) и служили центром притяжения «австрийских» сербов и румын. Сербию именовали даже балканским Пьемонтом. По венской версии причин Первой мировой войны, именно притязания Сербии на населенные соотечественниками австро-венгерские территории породили тот ультиматум, с которого Первая мировая началась.

Нужно, однако, иметь в виду и другое. Развитие народов связано с жизненным пространством, наиболее благоприятные условия для экономического прогресса создаются в больших, самодостаточных государственных образованиях. Пример тому – Царство Польское в составе Российской империи, хозяйственное чудо конца XIX – начала XX в., сменившееся стагнацией и застоєм в межвоенной Польской Республике.

Австро-венгрия. Кайзер Франц Иосиф незадолго до кончины с грустью констатировал: «Я уже давно убедился, какую аномалию представляем мы в современном мире» [1. С. 45]. А еще за полвека до него французский император Наполеон III называл Австрийскую монархию антиквариатом.

Но все же это был антиквариат европейский, а не азиатский – без жандармских преследований, казнокрадства сверху донизу и с определенным соблюдением законов. Индустриальное сердце монархии располагалось в Чешских землях. Национально угнетенные румыны в Трансильвании жили на порядок лучше, нежели их соотечественники в независимом княжестве.

Экономические реалии находили отражение в политической сфере. Видимо, не случайно и в царской России, и в двуединой монархии перед Первой мировой народы хотели получше устроиться, а не бежать из них. Самое радикальное из национальных движений в России, польское, сняло из своих программных установок требование независимости в пользу широкой автономии. В Австро-Венгрии чехи выступали за преобразование ее в триединую, в пользу славянских народов, румыны тоже настаивали на федерализации. А.К. Попович в 1906 г. выпустил книгу с характерным заголовком «Соединенные Штаты Великой Австрии» [2]. После начала мировой войны лидеры Румынской национальной партии Трансильвании засвидетельствовали верность трону, епископы обеих церквей,

Виноградов Владилен Николаевич – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

православной и униатской, вознесли молитвы о ниспослании победы императорско-королевскому войнству, о чем А. Вайла-Воевод, будущий премьер-министр Румынии, известил Бухарест.

Но не все ставилось на одну карту. В. Голдиш, редактор газеты «Românul», отказался подписать свидетельство о лояльности. Партия свернула деятельность до лучших времен. 40 казненных и тысячи загнанных в концлагеря трансильванских румын свидетельствовали о наличии оппозиции решительнее официальной.

Священник В. Лукач и поэт О. Гога бежали в Румынию и активно включились в проантантовскую агитацию, участвуя в шумных манифестациях во имя освобождения закарпатских братьев.

Переговоры самих трансильванцев и официального Бухареста с венгерским правительством о расширении национальных прав румын успехом не увенчались, их провал часто приписывается непримиримой позиции премьер-министра Иштвана Тисы. Наверное надо подходить к вопросу шире. Венгерское королевство являлось тогда многонациональным государством, в котором мадьяры составляли меньшинство населения. Удовлетворение требований славян и румын привело бы, в плане социальном и политическом, к установлению в нем власти инонационалов (точнее – их элит), к прекращению тысячелетней истории королевства св. Иштвана в прежнем виде, а в ином варианте – к сокращению его площади втрое, ограничению его пределами расселения мадьярского этноса. Ни ту ни другую комбинацию никто в венгерских верхах не принимал. Ситуация сложилась тупиковая, распад Венгерского Королевства в процессе распада двуединой монархии был предreshен. В плане румынского участия в нем решающую роль сыграл официальный Бухарест.

С 1883 г. Румыния состояла в блоке Центральных держав – Германии, Австро-Венгрии и Италии, доминировавшей тогда в Европе военной группировке, с надеждой поживиться за счет России. Союз в последний раз был продлен в 1913 г. Но он изжил себя, объединительные поползновения Бухареста изменили направление и устремились на Трансильванию и Банат, а не на Бессарабию.

Июнь 1914 года. Николай II с визитом в Констанце. Вывод министра иностранных дел С.Д. Сазонова из бесед с румынскими партнерами: Румыния примкнет к той стороне в надвигающейся войне, которая окажется сильнее и предложит больше. Он вместе с премьер-министром И. Брэтиану совершил автомобильную экскурсию по Карпатским горам. Путники «случайно» пересекли границу и покатались по трансильванским дорогам. Собеседник давал понять: его страна ничем не связана и открыта для переговоров. Вскоре до Петербурга дошло высказывание Брэтиану в частной беседе: он хочет войти в зал мирной конференции под руку с победителем.

На коронном совете Румынии 3 августа «пруссак на престоле» Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген (Кароль I), убежденный в победе фатерлянда в наступившей войне и предложивший сохранить верность союзу, остался почти в одиночестве. По подсчетам австро-венгерского посланника Оттокара Чернина, лишь одна десятая часть общества придерживалась тогда подобной точки зрения. Уклониться от выполнения союзных обязательств оказалось нетрудно, альянс по форме был оборонительным, а представить хищную австро-немецкую группировку в виде жертвы агрессии выходило за пределы человеческих возможностей. Коронный совет, однако, провозгласил не нейтралитет, а вооруженное выжидание. В телеграммах Брэтиану в Берлин и Вену не говорилось о разрыве союза, а позиция Румынии объяснялась ее неготовностью к участию в войне и нависшей над нею

угрозой русского нашествия. Шанс возвращения в альянс в случае его торжества на поле боя сохранялся.

В окутавшем Европу пороховом дыму угадать победителя было невозможно, и Брэтиану неторопливо вел переговоры о присоединении к Антанте с российским посланником С.А. Поклевским. А в Германию направлялся поток зерна, десятки тысяч вагонов, на радость посаженным на скудный паек бюргерам. До поры до времени подобная ситуация устраивала российскую ставку – в эффективность румынских вооруженных сил она не верила, а так 400 км границы на юго-западе находились вне зоны военных действий.

В начале мая 1915 г. ситуация изменилась, войска фельдмаршала А. Макензена совершили прорыв у Горлицы, и началось великое и трагическое отступление страдавшей от недостатка вооружения, и прежде всего артиллерии, русской армии. Ставка стала проявлять интерес к полумиллиону и даже больше румынских штыков. Позиции С.Д. Сазонова в переговорах оказались опрокинутыми. Россия признала право Румынии присоединить населенные ее соотечественниками территории Австрии и Венгрии. Но претензии Бухареста, по российским оценкам, выходили за рамки того, что можно было объяснить и оправдать этническими принципами, и распространялись на земли, населенные преимущественно русинами в Буковине, венграми и сербами в Трансильвании и Банате. Календарь российских уступок в изложении румынского посланника К. Диаманди выглядел так: «В самый день падения Перемышля нам дали понять, что можно получить [границу] по Пруту и Черновцы, после эвакуации Львова темп уступок усилился, почти что в день занятия немцами Варшавы все требования были выполнены» [З. Р. 389]. Сазонов капитулировал.

Брэтиану откладывал и откладывал выступление Румынии. И, наконец, произошло нечто, представлявшееся невероятным и неправдоподобным: коллеги Брэтиану по кабинету, по всеобщему мнению, покорные его воле, «взбунтовались» и выступили против вовлечения страны в войну – слишком опасно! Брэтиану, с видом смущенным и растерянным, сообщил о сем С.А. Поклевскому, добавив, что считает соглашение (о разграничении) достигнутым. Такого коварства от него не ожидали. Но все же, с другой стороны, в отличие от болгарских правителей, в тяжелое для России время без оглядки и на горе себе бросившихся в объятия Германии, бухарестская элита к неприятелю не перебежала.

Брэтиану выжидал и взвешивал. От посланников Центра поступили соблазнительные посулы – к Бессарабии в качестве добычи прирезать Одессу с округом. «Россия еще не разбита», – заметил он в ответ.

Немецкое наступление выдохлось, измотанные войска остановились, фронт стабилизировался, стратегической цели – вывести Россию из строя – неприятелю достичь не удалось, она наращивала силы.

В малом часто отражается великое: в Бухаресте на торжественный молебен по случаю дня рождения кайзера Франца Иосифа из двадцати румынских генералов явились двое, такого пренебрежения раньше не случалось.

4 июня 1916 г. войска Юго-Западного фронта под командованием А.А. Брусилова начали свой знаменитый прорыв. Итог длившегося с перерывами до сентября наступления – разгром противостоявших им австро-венгерских армий, занятие 25 тыс. кв. км территории. Потери неприятеля одними пленными составили 400 тыс. чел., всего же – до полутора миллионов. Чтобы заткнуть зияющие прорехи фронта, германскому и австро-венгерскому командованию пришлось перебросить из Франции и Италии 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийские дивизии. По

словам генерала М. Гофмана, их «нацарапали со всех углов и концов» [1. С. 186]. Габсбургская монархия от разгрома так и не оправилась, число ее солдат в румынском плену почти сравнялось с числом сражавшихся. Ее представитель в Румынии О. Чернин с «математической точностью» предрекал поражение державы в войне, в лучшем случае она продержится до весны 1917 г.

Впечатление от Брусиловской победы в Румынии иначе как колоссальным не назовешь. В разгар сражения газета «Ероса» опубликовала статью под заголовком «Брусилов-врач». Автор не жалел красок, описывая обрушившиеся на соседей бедствия: «Австрийская навозная куча, так долго отравлявшая воздух, разбросана русскими штыками», «войска шенбруннского старца» (то бишь Франца Иосифа) «бегут на фронте в 300 километров». Российский генерал излечивает румынское правительство от «микроба нейтралитета». Пора кончать колебания и вступать в дело [4].

Роли по сравнению с предшествовавшим годом переменялись, уже не Антанта, а румынская сторона домогалась договоренности. Брэтиану лично явился в румынскую миссию и принес поздравления.

Но Ставку вновь одолели сомнения: стоит ли румынское участие в войне тех уступок, что добывается Бухарест? Военное положение представлялось прочным, численность войск на фронте на 600–700 тыс. чел. превосходила численный состав неприятеля. «Мы не стремимся вовлечь румын в войну», – наставлял генерал М.В. Алексеев военных атташе в Бухаресте [5. Д. 64. Л. 601].

Иную позицию занимали союзники, в первую очередь французы, замороженные цифрой 500–600 тыс. румынских штыков. Кровавая мельница под Верденом унесла уже жизни 300 тыс. их солдат. Дипломаты Франции, Англии и Италии осадили Министерство иностранных дел Российской империи, их демарши превратились в подлинное домогательство. Президент Р. Пуанкаре обратился лично к Николаю II. Рушить согласие в Антанте представлялось опасным. 17 (30) июня Алексеев телеграфировал в Бухарест: «Выступление Румынии будет иметь соответствующую ценность, чего не могу сказать, если решение будет отложено на неопределенное время. Обстановка повелевает румынам присоединиться к нам или теперь, или никогда» [6. Ф. СА. 1916. Д. 503. Л. 153].

Жесткое указание срока имело глубокое основание, дорог был каждый день, вмешательство имело смысл на пике русского натиска, при полном расстройстве неприятельской обороны, а не тогда, когда наступление стало выдыхаться и к австрийцам на помощь начали подтягиваться стойкие немецкие дивизии. Брэтиану похоронил этот замысел.

Румынский сфинкс, как часто называли современники И. Брэтиану, представляется мне психологической загадкой. Можно составить коллекцию из случаев, когда он нарушал достигнутые в международном плане договоренности, почему-то не допуская, что партнеры могут ответить ему той же монетой, и домогался все новых и новых уступок с их стороны. Брэтиану настаивал на том, чтобы англо-французы перешли в наступление на Салоникском фронте, а русские – в Карпатах, требовал от последних сосредоточить в Добрудже двухсоттысячный ударный кулак против болгар с целью, как писал Морис Палеолог, добиться «бесповоротного разрыва между Россией и Болгарией» [7. С. 43]. Вырисовался план сфинкса, в котором русским отводилась роль заслона против болгар, а румынской армии предназначался освободительный поход в Трансильвании.

Сора насмерть с болгарами совсем не входила в замыслы самодержавия. Вдобавок ко всему Брэтиану сам подвел мину под свой замысел, он собирался

объявить войну одной лишь Австро-Венгрии, обращенное к России требование соорудить заслон от Болгарии теряло всякий смысл. Союзникам с трудом удалось уговорить Ставку отправить в Добруджу 47-й армейский корпус из двух пехотных и одной казачьей дивизии.

В довершение всего на державы Согласия обрушился каскад заказов, создавалось впечатление, что румынскую армию предстояло не только вооружить, но одеть, обуть и даже накормить (помимо пушек и винтовок, патронов и снарядов, поступил запрос на 400 тыс. шинелей и еще сукна на миллион мундиров, на шаровары, сапоги, патронташи, оружейные ремни, упряжь, мыло, консервы и еще многое другое) [8. С. 97].

После маневров 1915 г. Брэтиану приобрел репутацию человека коварного и двуличного. Летом 1916 г. из Парижа в Петербург поступили успокоительные разъяснения: на бумаге можно согласиться со всеми румынскими запросами, что же Румыния получит в действительности – покажет война. Посол, М. Палеолог, ознакомил российских коллег с мнением главы французского кабинета: «Г-н Бриан придерживается на этот счет следующего взгляда: или по окончании войны союзники будут столь сильны, что им легко будет выговорить для Румынии все обещанные ей земельные приращения, и в таком случае обязательство не заключать мир без осуществления этого условия не создаст никаких затруднений, или союзники принуждены будут сами поступиться некоторыми своими требованиями, и в таком случае Румыния волей-неволей склонится перед т.н. *force majeure*, не настаивая на осуществлении державами неприемлемых пожеланий» [7. С. 34].

30 июля посол в Париже А.П. Извольский сообщил, что А. Бриан подтвердил ему «указанную точку зрения». В тот же день Николай II выразил с ней свое согласие [9. С. 70].

4 (17) августа 1916 г., в глубокой тайне в доме у брата премьер-министра Винтилы Брэтиану состоялось подписание двух конвенций, политической и военной, о присоединении Румынии к Антанте. Союзники согласились с вхождением в королевство территорий, оговоренных в 1915 г., причем с некоторыми приращениями, согласованными в последнюю минуту. Румынское правительство обязалось не заключать сепаратный мир и обещало объявить войну только Австро-Венгрии. И. Брэтиану питал вполне призрачную надежду, что столкновения с Германией, Болгарией и Турцией удастся избежать. Румынский король Фердинанд I спешил проявить к этим государствам чрезвычайную предупредительность, заверяя их представителей, что о войне не может быть и речи. Сбить с толку никого не удалось. Самый проникательный из посланников, О. Чернин, еще весной пришел к выводу, что Румыния к Антанте примкнет и в войну вступит во второй половине августа. Информацию о подписании конвенций Вена получила на третий день после события [10; 6. Ф. Полит. архив. 1916. Д. 704. Л. 71–72]. 14 (27) августа румынский посланник в Вене вручил декларацию об объявлении войны. Еще через два дня представители Германии, Болгарии и Турции осуществили ту же миссию в Бухаресте. Надежда Брэтиану на то, что с этими странами удастся избежать столкновения, разлетелась прахом.

Сколь ни критически относились в Ставке к военному потенциалу Румынии, разразившейся катастрофы здесь все же не предвидели. Статистические данные вообще сулили румынам успех. В Трансильвании располагались снятые с фронта и находившиеся на отдыхе или в состоянии переформирования венгерские части, всего четыре с половиной дивизии. Укреплений не было возведено, чтобы «не дразнить румын». Те бросили в наступление несколько пехотных и кавалерий-

ских дивизий и еще одну пешую и три конных бригады. Первые дни породили надежду на успех, наступающие спустились с Карпатских гор, заняли город Брашов (Брашшо), их авангарды подошли к Сибю (Надьсебеню). Но тут подоспели вести, что на юге силы немцев, болгар и турок под командованием фельдмаршала А. Макензена взяли крепость Силистрию, переправились через Дунай и теснят румынскую армию и 47-й корпус российских войск. Командование королевской армии впало в панику, прекратило наступление на севере, погрузило часть войск в эшелоны и начало их переброску на юг. В разгар боев несколько дивизий оказались на колесах.

И союзники, и враги сходились в высокой оценке румынского солдата, стойкого и выносливого, и в критическом отношении к командованию, особенно высшему. По свидетельству генерал-квартирмейстера прусской армии Э. Людендорфа, румыны «продвигались вперед черепашым шагом» (3 километра в сутки), их генералы, «не понимая большой войны, [...] не использовали благоприятных обстоятельств, которые время от времени создавались для них» и «попусту теряли время» [11. С. 225]. Операция на юге продолжалась три дня, часть войск возвратили в Трансильванию. Поздно. Неприятель успел сосредоточить здесь ударный кулак, через месяц после начала войны инициатива перешла к нему [12. Р. 417]. Румын оттеснили к Карпатам, они держались стойко, месяц затратили австро-немецкие силы на преодоление хребта. 4 (17) ноября румынские войска потерпели поражение в битве у Тыргу-Жиу, 8 (21) числа они оставили Крайову, центр Олтении, западной части страны. Немцы захватили мост через реку Олт, не успевшие переправиться румынские части очутились в плену. 23 ноября (6 декабря) был занят Бухарест.

С конца сентября в Петроград и в Ставку в Могилев стали поступать отчаянные телеграммы о помощи от короля Фердинанда, Брэттиану и даже от королевы Марии, вспомнившей, что она приходится внучкой Александру II и двоюродной сестрой царствовавшему императору: «Мне не стыдно обращаться к вам с этим криком о помощи, я пытаюсь спасти свою страну всеми возможными путями» [13. Р. 65–66].

В Ставке к передаваемым из Бухареста сведениям о численности неприятеля (500–600 тыс. чел.) относились с недоверием. Это, недоумевал М.В. Алексеев, 50 дивизий: «Откуда их возьмут немцы? Им едва ли удастся наскрести двадцать дивизий» (на самом деле – 19 пехотных и 3 кавалерийские) [5. Д. 60. Л. 61–62; 14].

Но заниматься подсчетами было уже бесполезно, румынская армия стремительно отступала. По единственной одноколейной дороге, соединявшей Унгены с Яссами, протискивались эшелоны с российскими войсками, ничего похожего на линию фронта не существовало, солдат прямо с колес бросали в бой. 28 декабря 1916 г. (10 января 1917 г.) неприятеля удалось остановить силами 400-тысячной российской армии. От румынских войск в строю осталось 70 тыс. чел. Образовался Румынский фронт, названный так по местоположению, протянулся он на 430 верст, из общей численности войск на нем на переломе 1916–1917 гг. в 423 тыс. штыков и 44 400 сабель на долю румынских приходилось всего 44 700 штыков и 2 100 сабель, и занимали они отрезок протяжением в 30 верст [15. С. 108]. В издаваемой газетой «The Times» «Истории и энциклопедии войны» содержится свидетельство краткое, выразительное и убедительное: 500 тыс. русских образовали завесу, за которой воссоздавалась и реорганизовывалась румынская армия [16. Р. 18–21]. Сейчас в Румынии не любят вспоминать об этой драме: в вышедшей в 1998 г. «Истории Румынии» о ней вообще не упоминается [12. Р. 417].

К лету 1917 г. с помощью французской военной миссии боеспособность армии страны была восстановлена, ее численность доведена до 400 тыс. чел. В России, напротив, после Февральской революции начался развал вооруженных сил, не выдержавших испытания демократизацией. Летом 1917 г. войскам фельдмаршала А. Макензена в сражениях при Мэрэшти и Мэрэшешти не удалось прорвать оборону румынских войск, действовавших при поддержке российских.

После Октябрьской революции правительство И. Брэтиану поспешило занять место в антисоветском строю держав. В декабре 1917 г. подчиненные ему войска воспрепятствовали стихийному возвращению на родину русских солдат, разоружая их и загоняя в концентрационные лагеря. 9 декабря 1917 г. состоялось заключение перемирия с Центральными державами. В январе – феврале 1918 г. произошла оккупация Бессарабии с санкции как австро-германского блока, так и Антанты. В марте румынский король поручил формирование правительства консерватору А. Маргиломану, надеясь с помощью этого германофила добиться более снисходительных условий мирного договора. Расчет оказался ложным. Бухарестский трактат (24 апреля – 7 мая 1918 г.) по тяжести условий сравним с Брест-Литовским: Румыния лишилась Добруджи и полосы земли вдоль прежней границы с Венгрией, так что открывалась для вторжения с Карпатских гор, должна была оплатить оккупационные расходы неприятеля, по соглашениям с Германией о нефти и сельском хозяйстве превратилась в сырьевой придаток второго рейха.

Державы Антанты резко отрицательно реагировали на подписание Бухарестского договора. Они не согласились с румынской точкой зрения, согласно которой страну, в случае отказа от его подписания, ожидал разгром. У Германии, доказывали их представители, не осталось для этого сил, все солдаты моложе 35 лет были переброшены на Западный фронт, в Румынии их находилось не более 100 тыс. боеспособных.

Казалось бы, утверждения о немецком бессилии противоречат начатое в марте немецкое наступление на севере Франции. Это был акт отчаяния, – мелькнула последняя надежда на достижение почетного мира. С выходом России из войны и ликвидацией Восточного фронта «освободилась» сотня немецких и австрийских дивизий. На западе силы противников если и не уравнились, то были все же сопоставимы: 4 млн немецких солдат против 5 млн французских, британских, бельгийских, американских и даже португальских. Следовало спешить, через три–четыре месяца ожидалось прибытие во Францию миллионной массы американцев, и тогда – каюк.

Поредевшие кайзеровские дивизии были пополнены выписанными из госпиталей ранеными и призывниками 1920 г., восемнадцатилетних юнцов бросили на заклание. В ходе начатого 21 марта (4 апреля) наступления ценой больших потерь удалось потеснить англичан, от оказавшихся в пекле двух португальских дивизий остались одни воспоминания. В июле вконец измотанные, потерявшие 800 тыс. чел. наступающие силы достигли реки Марны в 70-ти км от Парижа. Последовал контрудар войск Антанты, переросший во всеобщее наступление. 8 августа генерал Э. Людендорф назвал черным днем немецкой армии, последние надежды на успех рухнули. Блок Центральных держав разваливался, 29 сентября капитулировала Болгария, 3 ноября Австро-Венгрия, Османская империя агонизировала. Войска Антанты под командованием генерала Л. Франшэ д'Эспре продвигались к Дунаю. Он не откликнулся на просьбу фельдмаршала А. Макензена – позволить тому вывести войска из Румынии, чтобы избежать кровопролития. 6 ноября король Фердинанд уволил прогерманский кабинет Маргиломана в отставку, сооб-

щив, что его посетили посланники Антанты и заявили, что не питают доверия к правительству. 9 ноября силы Франшэ д'Эспре начали переправу через Дунай, и в тот же день новый кабинет генерала К. Коанды предъявил Макензену ультиматум: вывести войска из Румынии или сложить оружие в 24 часа, что представлялось явно нереальным. Десятого срок истек, утром одиннадцатого было подписано перемирие в Компьене. Первая мировая война завершилась. 1 декабря 100 тыс. трансильванских румын, собравшихся в Альба Юлии, высказались за объединение с королевством. То же самое сделали румыны Буковины, но русины этой провинции на народном вече высказались за вхождение в Советскую Украину.

На Антанту возвращение румынских правителей «на поле боя» за сутки до окончания войны впечатления не произвело. Нельзя сказать, чтобы И. Брэтиану, вернувшегося к власти, встретили приветливо в Париже. На мирный конгресс он прибыл с ворохом требований: он настаивал на том, чтобы граница с Венгрией была проведена по линии, начерченной по договоренности с Антантой в августе 1916 г. (хотя Румыния нарушила конвенцию, запрещающую ей заключать сепаратный мир), на присоединении к королевству Бессарабии, Буковины и Баната. В отношении Трансильвании он мог опереться на решение собрания от 1 декабря 1918 г. Венгерское население этой области из волеизъявления исключалось, по словам Брэтиану, «Румыния боролась ради того, чтобы навязать свою волю венгерскому меньшинству» [17. Р. 92–93]. В Буковине многочисленное русинское население протестовало против присоединения к Румынии. Относительно судьбы Баната предстоял спор с Сербией, против оккупации Бессарабии протестовали советские правительства России и Украины.

Большая четверка на Парижском конгрессе (представители США, Великобритании, Франции и Италии) выступила с декларацией, не допускавшей двойного толкования: «Мы объявляем, что любая попытка предвосхитить решения мирной конференции, захватить или оккупировать вооруженными силами какие-либо земли не только не будет способствовать делу тех, кто прибегает к подобным методам, а, напротив, чревата нанесением ему вреда в глазах союзников» [17. Р. 80].

Но 21 марта 1919 г. мирным путем произошло установление советской власти в Венгрии, гидра большевизма, к ужасу собравшихся в Париже миротворцев, проникла в Центральную Европу. Нельзя сбрасывать со счетов и распространившееся на континенте движение солидарности с Советской Россией. В 1919 г. произошло восстание на судах французской эскадры в Черном море. Позже, во время советско-польской войны, в Англии развернулось массовое движение под лозунгом «Руки прочь от России!» Интервенты в нашей стране стали терпеть неудачу, тушить очаг большевизма в Венгрии было просто некому. Французы в Центральной Европе располагали дивизией в 15 тыс. штыков, итальянцы – одним батальоном, английских солдат и офицеров насчитывалось сорок человек [17. Р. 168]. А для подавления революции в Венгрии требовалось, по подсчетам военных, 100 тыс. солдат и офицеров.

И тут, как нельзя вовремя, свои услуги предложил бухарестский кабинет. По словам министра иностранных дел М. Ферекиде, дело Румынии – «служить стражем европейского порядка от большевистского варварства, и роль эта перманентна» [18. Р. 330–333]. Пресса разных направлений требовала не поддаваться на «ламентации дипломатов» и принести мир «на острие штыка». На конгрессе у Румынии были влиятельные ходатаи во главе с маршалом Ф. Фошем.

«Ламентации», действительно, кончились. Д. Ллойд-Джордж перестал име-

новать И. Брэтиану «разбойником с большой дороги, выжидающим удобного случая, чтобы стащить территорию» [19. Р. 349–352]. 27 июля 1919 г. румынские войска переправились через реку Тису, 3 августа заняли Будапешт. Во вторжении участвовали и чехи. Интервенты широко прибегали к реквизициям, тщетно из Парижа шли напоминания – сие должно осуществляться с общего согласия и по единому плану. Антанта в ультимативной форме потребовала у Бухареста ускорить подписание договора с Австрией и акта о соблюдении прав национальных меньшинств. Но срок ультиматума переносился и переносился. Белое движение в России дышало на ладан, услуги румынской олигархии как авангарда антисоветских сил ценились высоко. Неуступчивый Брэтиану находился уже в отставке, его преемники действовали более гибко, признали выработанную Антантой линию разграничения с Венгрией. В обмен на уступку Румыния получила многое. По Сен-Жерменскому договору с Австрией (10 сентября 1919 г.) в ее состав вошла Буковина; по Трианонскому миру с Венгрией (4 июня 1920 г.) – Трансильвания, в определенных руководителями держав Согласия границах, и две трети Баната.

28 октября того же 1920 г. в Париже был подписан протокол о признании присоединения к королевству Бессарабии. В подписании участвовал и японский представитель, но Япония его не ратифицировала. США отказались участвовать в расчленении России, произведенном без согласия ее народа. Осталось четверо участников акта – Великобритания, Франция, Италия и Румыния. Правительства Советской России и Советской Украины заявили резкий протест против учиненного произвола, белое движение отказалось его признать.

Процесс национального объединения имеет глубокие корни в толще народной. В варианте, осуществленном румынской элитой в 1918–1920 гг., он сопровождался округлением страны за счет земель соседних народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мировые войны XX столетия. М., 2005. Т. 1.
2. *Popovici A.C.* Die Vereinigten Staaten von Gross Österreich. 1906.
3. *România in relațiile internationale.* București, 1980.
4. Ероса. 1916. 29 V (12 VI), 2 (15) VI.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СА. 1916.
7. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
8. *Федоров А.* Русская военная миссия в Румынии // Вопросы истории. 1947. № 8.
9. Красный архив. 1929. Т. 32.
10. Царская Россия в мировой войне. Л., 1925. Т. 1. № 137.
11. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 г. М., 1923. Т. 1.
12. *Barbulescu M. etc.* Istoria României. București, 1998.
13. *Marie, Queen of Roumania.* The Story of My Life. London, 1935. Vol. 3.
14. *Der Weltkrieg 1914–1918.* Berlin, 1936. Bd. 11. Приложение *Krafteeinsatz gegen Rumanien.*
15. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922.
16. *The Times History of the War.* London, 1918. Vol. 17.
17. *Spector Sh. D.* Rumania at the Paris Peace Conference. New York, 1962.
18. *Desăvîrsirea unității național-statale a poporului Român.* Bucuriști, 1986. Vol. 3.
19. *Mantoux P.* Deliberations de Conseil de quatre. Paris, 1955. Vol. 2.

© 2010 г. *Н.А. АСТАШИН*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВЕНГЕРСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: XX ВЕК

Исторически интерес Австро-Венгрии к развитию отношений с азиатскими государствами и возможности приобретения там колоний и опорных пунктов был меньше, чем у других ведущих стран Европы. Это было обусловлено доминированием в австрийской внешней политике европейского направления (и в особенности балканского), от успехов на котором зависело не просто благосостояние государства, а зачастую его внутренняя стабильность и внешняя безопасность. Ранние связи дунайской монархии с Поднебесной стали производной от системы внешнеполитических контактов Австро-Венгрии в Европе: участие в проникновении в Китай ее ведущих контрапартнеров вынуждало Габсбургов обозначить свое присутствие в Цинской империи хотя бы из соображений международного престижа.

Установив официальные отношения с Китаем и Японией в 1869 г. (первое почетное консульство Австрии было открыто в китайском Гуанчжоу в 1781 г.), Австро-Венгрия поддерживала ограниченную торговлю преимущественно с Китаем [1–2] и в 1900–1901 гг. приняла ограниченное участие в международной карательной операции против ихэтуаней [3].

Ситуация времен Первой мировой войны во многом определялась блоковой системой в Европе, где следование Австро-Венгрии в фарватере германской политики привело к тому, что дунайская империя оказалась с Китаем и Японией (последняя в годы восстания ихэтуаней была военной союзницей Австро-Венгрии) по разные стороны от линии фронта. В дальнейшем именно производностью от более важных и масштабных связей (с державами «оси» и Советским Союзом) характеризовались венгеро-китайские и венгеро-японские отношения в правление Хорти и социалистический период развития.

Ввиду слабости взаимодействия на межгосударственном уровне отношения между Венгрией и странами Дальнего Востока в значительной степени были проектом национальных элит и, в первую очередь, – интеллигенции, которой была интересна идея об отдаленном лингвистическом родстве венгров и японцев и возможном пребывании в Китайском Туркестане (Синьцзяне) представителей восточной ветви потомков этноса, из состава которого выделились древние мадьяры, в дальнейшем ушедшие на Запад.

Уже в первой половине XIX в. на западные районы современной КНР обратил внимание выдающийся венгерский ориенталист Александр Чома де Кёрёш

Асташин Никита Александрович – редактор энциклопедии «Политический атлас современности» (МГИМО).

(Шандор Кёрёши Чома), стремившийся отыскать корни венгерского народа в Центральной Азии. Хотя обстоятельства не позволили ему побывать там, за годы проживания в Индии он в совершенстве овладел тибетским языком и заложил основы европейской тибетологии [4]. В последней трети XIX в. в Китае побывали экспедиции Белы Сечени и Енё Зичи, существенно расширившие представления венгерских ученых об этой стране [5].

В свою очередь, Венгрия интересовала китайскую интеллигенцию как пример государства, основанного народом – выходцем с Востока, сумевшим занять свое место на Западе.

Так, китайский мыслитель и общественный деятель Лян Цичао написал в 1902 г. биографию Лайоша Кошута, который интересовал его как идеальный пример для новых китайских элит, стремившихся вывести Китай из кризиса. Если подлинные герои китайской истории были слишком удалены во времени, а примеры Западной Европы и США могли оказаться чуждыми для китайского этоса, то Кошут, в трактовке Ляна, был потомком «желтой расы», жил в деспотическом государстве, напомиравшем автору биографии Цинский Китай, и, как и поборники реформ в Китае, сталкивался с многочисленными трудностями на своем пути [6. Р. 82].

Горизонтальные связи с Японией в 1920–1940-е годы в значительной степени были связаны с популярной в Венгрии националистической мифологией туранизма – идеи родства народов, чья историческая прародина якобы находилась в Центральной Азии (Туран – древнеиранское название этого региона). К числу таковых туранисты относили тюрков, угро-финнов, японцев, корейцев [5; 7].

Отдельные венгерские приверженцы туранизма видели в своей стране будущего лидера сообщества туранских народов [8]. Туранисты были представлены в высших эшелонах венгерской политики – так, Пал Телеки (премьер-министр Венгрии в 1920–1921 и 1939–1941 гг.) в 1913–1916 гг. был председателем Туранского общества, основанного в 1910 г. Вместе с тем «культурная дипломатия» венгерских и японских туранистов так и не привела к превращению их расовой доктрины в полноценную идеологическую основу венгеро-японских отношений [7].

В интересах развития двусторонних связей было использовано и имя Александра Чома де Кёрёша: названное в его честь общество стало одной из структур, занимавшихся пропагандой японской культуры в Венгрии [4]. Существовали и другие подобные организации, выступавшие за дальнейшее укрепление контактов (речь шла и о политических связях, но практические результаты были больше заметны в области культуры). Так, с 1924 г. действовало Венгерское японское общество, одним из сопредседателей которого был Шандор Шимони-Шемадам (в 1920 г. – премьер-министр Венгрии). С 1932 г. начало работу Венгерское восточное общество, к сфере интересов которого относился ряд стран Азии [9. Р. 394].

Отдельные энтузиасты компенсировали своей активностью отсутствие в столицах двух стран формальных представительств. С японской стороны функцию неофициального посла фактически выполнял известный деятель культуры и мадярофил Дзюициро Имаока, также пропагандировавший туранизм [10].

Потребность в такой деятельности отпала с учреждением посольств. Хотя венгеро-японские дипломатические отношения были установлены в 1921 г. [11], однако посольства в двух столицах были открыты только восемнадцать лет спустя [9. Р. 395], что в значительной степени было обусловлено присоединением Венгрии в 1939 г. к Антикоминтерновскому пакту [12]. Несмотря на то что в годы Первой мировой войны Австро-Венгрия и Япония входили в разные блоки, у них

очень быстро появился повод для сближения – стремление подвергнуть ревизии Версальско-Вашингтонский порядок, закреплявший территориальные потери Венгрии и не отвечавший японским амбициям.

Никакого заметного военного сотрудничества между Венгрией и Японией не существовало по чисто географическим причинам, однако участие Венгрии и других стран в пакте в определенной степени позволяло нейтрализовать последствия дипломатической изоляции, в которой Япония оказалась в связи с агрессией против Китая и выходом из Лиги Наций. Венгрия, наряду с другими участниками пакта, входила в число немногих государств, официально признавших Маньчжоу-Го [9. Р. 395] – марионеточное государство, созданное Японией на территории Северо-Восточного Китая.

Союзные отношения с Японией автоматически наделяли Венгрию статусом противника китайского правительства во главе с Чан Кайши. Кроме того, венгерское руководство, как и все прочие правительства стран Антикоминтерновского пакта, признавало коллаборационистское правительство Китая во главе с Ван Цзинвэем, созданное в Нанкине под эгидой японцев и присоединившееся к пакту в 1941 г. [13. С. 7]. С формальной точки зрения Венгрия была враждебна и Корею, поскольку была союзницей Японии, осуществлявшей оккупацию корейской территории.

В начале ноября 1944 г. один из главных венгерских правых экстремистов Ференц Салаши, поставленный нацистами у руководства Венгрии, выступил с речью о необходимости укрепления венгеро-японских отношений, однако эта инициатива носила утопический характер ввиду неблагоприятной стратегической обстановки, складывавшейся для Венгрии в Европе [14].

Быстрое признание Венгрией Китайской Народной Республики (КНР) после ее провозглашения в октябре 1949 г. не столько отражало заинтересованность нового венгерского руководства в расширении круга внешнеполитических контактов, сколько говорило о росте внешнеполитической несамостоятельности страны. ВНР установила дипломатические и прочие отношения со страной, в первую очередь представлявшей интерес для ее внешнеполитического патрона – Советского Союза, что стало одним из первых проявлений тенденции, получившей развитие в дальнейшем. О формализме отношений до определенной степени говорит и то обстоятельство, что на ранних этапах двустороннего взаимодействия посольства демонстрировали весьма низкое качество работы [15. Р. 6–7, 11].

Более заметным динамизмом характеризовались экономические связи, которые страны начали выстраивать практически с нуля. Если в 1938 г. на Китай приходилось 0,3% венгерского экспорта, а китайские товары в Венгрию не импортировались вообще, то в 1960 г. поставки в Китай составляли 4,7% от всего объема венгерских поставок за рубеж, а из КНР ввозилось уже 3,8% венгерского импорта [16. С. 98]. Популярностью в Китае пользовались, в частности, венгерские автобусы «Икарус» [15. Р. 6].

Вместе с тем венгерская сторона часто срывала планы поставок или не выполняла свои обязательства по контрактам в полном объеме [15. Р. 5–6]. Трудности начального периода были во многом обусловлены значительной географической удаленностью двух стран друг от друга.

Связи Венгрии и корейских государств были изначально крайне политизированы и находились в контексте холодной войны. Венгрия приняла ограниченное участие в Корейской войне 1950–1953 гг. на стороне КНДР (дипломатические отношения были установлены в 1948 г. [17]), оказывая Северной Корее матери-

альную помощь и отправив на фронт военный госпиталь им. Матьяша Ракоши, который после войны действовал уже как гражданский вплоть до 1957 г. [18].

Вместе с тем данное начало не предшествовало заметному сотрудничеству, поскольку, несмотря на общий дружественный тон отношений, они не подкреплялись выгодным практическим взаимодействием (так, в 1980 г. доля КНДР составляла 0,05% от венгерского экспорта и 0,07% – от импорта [19. С. 277]).

Следует также отметить, что информация о Корейской войне использовалась руководством Венгерской партии трудящихся для нагнетания в Венгрии обстановки страха перед империалистической агрессией, мнимая угроза которой позволяла оправдывать жесткий внутривластный курс [20. Р. 52].

События 1956 г. в Восточной Европе вызвали неоднозначную реакцию у китайских властей. Поначалу руководство КНР выступало против планов применения силы для стабилизации положения в Польше, поскольку видело в своей оппозиции намерениям СССР возможность подорвать советскую властную монополию в рамках социалистического лагеря и укрепить собственные позиции там.

В дальнейшем соображения безопасности собственного режима привели Мао Цзедуна и его однопартийцев к смене политики. Происходящее в Венгрии было расценено ими как контрреволюционный мятеж, который надлежало подавить, причем просьба о помощи со стороны Имре Надя, адресованная китайским властям, осталась без ответа [21. Р. 24–35].

У руководства Коммунистической партии Китая (КПК) возникло опасение, что нечто подобное венгерским событиям может произойти и в самой КНР, где сравнительно недавно завершилась гражданская война и еще оставалось много потенциальных «очагов контрреволюции». Как следствие, отказ от критики советского «гегемонизма» в связи с событиями в Восточной Европе оставлял китайской стороне определенное пространство для маневра на случай внутренних неурядиц.

В 1956 г. в КНР действительно имели место многочисленные акции протеста. После их пресечения руководство решило использовать венгерскую тематику уже в собственных интересах и, проводя параллели между кризисом в ВНР и ситуацией в Китае, развернуло масштабную кампанию по борьбе с оппозицией, призванную устранить внутренние угрозы социалистическому строительству [15. Р. 25–26].

Китай сыграл важную роль в восстановлении венгерской экономики после событий 1956 г., предоставив ВНР безвозмездную помощь и значительные долгосрочные кредиты. По своему объему они стали крупнейшими после советских, причем только СССР и КНР как наиболее состоятельные социалистические государства смогли позволить себе предоставлять кредиты и в товарах, и в свободной валюте [22. С. 70].

В дальнейшем китайские власти использовали в своей пропаганде венгерские события в качестве примера того, как ревизионизм ведет к контрреволюции, намекая на то, что советских «ревизионистов» может ждать похожая участь [15. Р. 34–35].

После 1956 г. судьба страны, подарившей миру фактического основателя тибетологии, оказалась причудливым образом связана с судьбой духовного центра буддизма. Противники Советского Союза и Китая предприняли попытку пропагандистского наступления сразу против обоих крупных центров соцлагеря, объявив с трибуны Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН «коммунистической агрессией» и операцию 1956 г. в Венгрии, и подавление восстания в Тибете в 1959 г.

В 1961 и 1965 гг. делегация СССР голосовала против резолюций ГА по тибетской проблематике, указывая, что под видом борьбы за права человека в Тибете осуществляется вмешательство во внутреннюю политику КНР. При этом советское руководство также увязывало воедино два вопроса – так, в 1961 г. вышло постановление Президиума ЦК КПСС «О мероприятиях с целью снятия с повестки дня ГА “венгерского” и “тибетского” вопросов».

Если в 1963 г. с восстановлением членства Венгрии в ООН первая проблема отпала, то актуальность второй сохранялась, хотя помощь Советского Союза постепенно отходила на второй план в свете обострения советско-китайских отношений [23. Р. 367, 373, 379]. Вместе с тем венгерское социалистическое руководство стабильно поддерживало КНР в тибетском вопросе [24].

В 1956 г. Японией было создано общество помощи венграм, разместившееся в Австрии и оказывавшее финансовую и иную поддержку беженцам из ВНР, перешедшим на территорию этой нейтральной страны после советского вмешательства [25]. Особенную активность на этом направлении продемонстрировал Дзюициро Имаока [10].

Таким образом, давний конфликт Китая и Японии, дополнительно приобретший в годы холодной войны идеологическую окраску, смог проявиться в одном из острых эпизодов противостояния двух систем, поскольку в ходе венгерских событий КНР и Япония поддержали разные стороны конфликта.

Янош Кадар при осуществлении внешней политики старался не отходить от советской позиции, чтобы не обострять отношения с СССР. Как следствие, Венгрия выступала против курса маоистского руководства КНР на международной арене и в первую очередь против его антисоветской составляющей [26. С. 185–186]. Вместе с тем венгерская сторона весьма четко разграничивала межгосударственные и межпартийные отношения и не критиковала внутреннее положение в Китае, что позволило даже в период максимального обострения советско-китайских отношений избежать полного замораживания политических и экономических связей между ВНР и КНР.

Во время войны во Вьетнаме 1964–1975 гг. Венгрия вместе с Польшей и Советским Союзом пыталась выступать в качестве посредника при организации переговорного процесса между США и Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ), причем венгерские дипломаты сталкивались с противодействием китайцев, считавших подобные усилия преждевременными и использовавших свое влияние на северовьетнамское руководство, чтобы их нейтрализовать.

КНР осудила участие Венгрии в операции Организации Варшавского договора в Чехословакии, как и акцию в целом. Руководство Китая опасалось, что за подавлением Пражской весны могут последовать карательные действия против других «инакомыслящих» государств соцлагеря. После того как пограничные провокации китайцев вылились в 1969 г. в столкновения на острове Даманском и у озера Жаланашколь, Венгрия и другие страны ОВД, стремясь избежать начала полномасштабного советско-китайского вооруженного конфликта, по мере своих возможностей содействовали дипломатическому разрешению противоречий [27. Р. 68–69, 73, 77, 106–116].

Интерес ВНР к Японии был в первую очередь обусловлен стремлением использовать японские технологии для развития собственного производственного потенциала.

В период между 1964 и 1989 гг. Венгрией и Японией было заключено несколько соглашений, так или иначе затрагивавших в основном экономическое сотрудни-

ничество, однако реальное наполнение для них появилось только с началом кардинальных политических и экономических преобразований в Венгрии. До этого момента объем торговли оставался весьма незначительным (так, в 1986 г. на Японию приходилось 1,5% венгерского импорта и 0,5% экспорта [28]), и Япония не включалась исследователями в список важных внешнеэкономических партнеров Венгрии [19. С. 290].

Из значимых экономических инициатив этого периода следует отметить создание нескольких совместных предприятий, часть из которых функционировала на территории Японии [26. С. 179].

В 1989 г. венгерская общественность, уже успевшая ощутить атмосферу преобразований, была шокирована событиями на площади Тяньаньмэнь в Пекине, где были жестоко подавлены демонстрации, участники которых выступали за либерализацию политического режима КНР.

Со стороны венгерских граждан в адрес венгерского правительства стали поступать требования обозначить позицию страны в связи с китайскими событиями. Венгрия обратилась к Китаю с официальным протестом по поводу инцидента на Тяньаньмэнь [29], а многие сторонники демократических преобразований в Китае нашли в Венгрии прибежище [30].

В значительной степени такая неожиданная реакция на разных уровнях в Венгрии (к примеру, консервативное руководство ГДР поддержало действия китайских властей) была обусловлена тем, что решительные меры по подавлению выступлений китайской оппозиции, весьма напоминавших начало «бархатных революций» в Восточной Европе, заставили венгерское общество и политическую элиту задуматься о том, что реформы у них в стране тоже могут иметь обратимый характер, причем в умах рисовалась угроза как реванша консерваторов из Венгерской социалистической рабочей партии, так и вмешательства СССР.

И по сей день на Западе существует практика сравнения событий 1956 г. в Венгрии и 1989 г. в Китае на площади Тяньаньмэнь [35]. Вместе с тем конец 1980-х годов охарактеризовался не только вышеупомянутым кризисом в венгеро-китайских отношениях. В конечном итоге, вопросы экономического сотрудничества оказались важнее прочих, и двусторонние контакты быстро нормализовались и стали демонстрировать тенденцию к нарастающей активизации.

При Я. Кадаре Венгрия продолжала выступать на стороне КНДР, поддерживая ее требования о выводе американских войск из Южной Кореи и планы мирного объединения двух корейских государств [26. С. 185].

Вместе с тем в 1988–1989 гг., когда возникла возможность отдать предпочтение реальным экономическим интересам, а также начать сотрудничать не только с ведущими странами Запада, но и их союзниками в других регионах мира, Венгрия первой среди членов социалистического блока признала гораздо более развитую в экономическом отношении Республику Корею и установила с ней дипломатические отношения, чего ранее не могла сделать вследствие курса соцстран на непризнание Южной Кореи. После признания Республики Корея отношения Венгрии с КНДР свелись до минимума [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agstner R.* 225 Jahre diplomatische und konsularische Präsenz. URL: http://www.aussenministerium.at/up-media/2470_225_jahre_diplomatische_und_konsularische_pr_senz.doc
2. *Japan und Österreich.* URL: http://www.bmeia.gv.at/view.php3?f_id=13332&LNG=de&version=
3. *Lehner G., Lehner M.* Österreich-Ungarn und der Boxeraufstand. Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs, Wien, 2002. Bd. 6.

4. Hungarian Oriental Studies. URL: <http://www.terebess.hu/english/orient.html>
5. *Vámos P.* Magyar misszionáriusok Kinában. A magyar külmissziós mozgalom belpolitikai háttere az 1920–1930-as években. URL: <http://www.vigilia.hu/2004/7/vamos.htm>
6. *Tang X.* Global Space and the Nationalist Discourse of Modernity: The Historical Thinking of Liang Qichao. Stanford, 1996.
7. *Ablonczy B.* «Ländzsahaegy», néprokonság, small talk. Turanizmus és keleti gondolat a két világháború közötti magyar külpolitikai gondolkodásban//Magyar külpolitikai gondolkodás a 20. században. A VI. Hungarológiai Kongresszus (Debrecen, 2006. augusztus 22–26.) szimpóziumának anyaga. URL: <http://www.mek.oszk.hu/05200/05284/05284.htm>
8. *Szendrei L.* A turanizmus. URL: <http://www.kagylokurt.hu/kulturtortenet/a-turanizmus.html>
9. *Marczell P.* Boddhisattva Csoma de Koros: Myth or Reality? // Recent Research on Ladakh 4 & 5: Proceedings of the Fourth and Fifth International Colloquia on Ladakh. 1996.
10. *Palanovics N.* Umemura Yuko: A Japán-tengertől a Duna-partig. Imaoka Dzsúicsiró életpályája a magyar-japán kapcsolatok tükrében. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00039/00010/pdf/k-magyarjapan.pdf>
11. Conventional Relations. URL: http://www.mfa.gov.hu/kulkepvisolet/JP/en/en_Bilateralis/en_bi_egyezesmenyes.htm
12. Chronology: Treaties and Agreements Made and Broken, and Territorial Readjustments Affecting Hungary, from 1933 to 1945 // *Montgomery J.F.* Hungary: The Unwilling Satellite. URL: <http://www.hungarian-history.hu/lib/montgo/montgo23.htm>
13. «Антикоминтерновский пакт» 1936 // Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1.
14. *Deak I.* Endgame in Budapest. URL: <http://www.hungarianquarterly.com/no179/2.html>
15. *Vamos P.* Sino-Hungarian Relations and the 1956 Revolution. Cold War International History Project Working Paper #54. URL: http://www.wilsoncenter.org/topics/pubs/WP54_Final2.pdf
16. Венгерский статистический справочник. Будапешт, 1961.
17. Kétoldalu Kapcsolatok. Koreai Népi Demokratikus Köztársaság (Észak-Korea). Diplomáciai kapcsolat. URL: <http://www.kulugyminiszterium.hu/kum/hu/bal/Kulpolitikank/Ketoldalukapcsolatok/ketoldalukapcsolatok.aspx?d=Politikai%20kapcsolatok&c=171&z=%c3%81zsia>
18. *Kocsis P.* Magyar orvosok Koreában (1950–1957). URL: http://www.natarch.hu/archivnet/rovat/cikk.phtml?cikk_kod=180
19. Венгерская Народная Республика. М., 1983.
20. *Fendler K.* The Korean War (1950–1953) in the Foreign Affairs of Hungary: Forms of Hungarian Assistance // Korea Journal. 1990. Vol. 30 № 11.
21. *Shen Zhuhua.* Mao and the 1956 Soviet military intervention in Hungary// The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc Countries: Reactions and Repercussions. Budapest, 2007.
22. *Лаврин В.* Внешняя политика и международные отношения Венгерской Народной Республики // Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря. М., 1958.
23. *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.
24. Hungary. Bilateral Relations. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zjzg/xos/gjlb/3175/default.htm>
25. Inagawa Teruyoshi nagykövét előadása Keckeméten. URL: <http://www.hu.emb-japan.go.jp/hun/embassy/old/greeting6.htm>
26. Венгерская Народная Республика. М., 1975.
27. China and Eastern Europe, 1960s – 1980s. Proceedings of the International Symposium: Reviewing the History of Chinese – East European Relations from the 1960s to the 1980s. Beijing, 24–26 March 2004. URL: <http://www.isn.ethz.ch/pubs/ph/details.cfm?lng=en&id=10435>
28. Rank Order of Hungary's Principal Trading Partners, 1984, 1985, and 1986 // Hungary: a country study. URL: http://lcweb2.loc.gov/frd/cs/hungary/hu_appen.html
29. Diplomatic Bluebook for 1989. Section 6. Soviet Union and Eastern Europe. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1989/1989-3-6.htm>
30. From Tiananmen to Budapest: Refugees help China's EU trade. URL: <http://www.iht.com/articles/2006/04/04/bloomberg/bxchina.php>
31. «Torn From the Flag» – New Documentary Film for the 50th Anniversary of the 1956 Hungarian Revolution. URL: <http://www.huembwas.org/News2/LantosTornFlag.htm>

© 2010 г. А. КОЛОНТАРИ

ПЕРЕГОВОРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ВЕНГЕРСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ В 1934 ГОДУ

Взаимоотношения Венгрии и Советского Союза в межвоенный период отличались своеобразием, особенно в 1920-е годы. Ведь между двумя странами не было столкновения интересов, дипломаты и политические деятели обоих государств говорили о необходимости пересмотра Версальской системы, и, более того, у обеих стран были свои территориальные претензии к Румынии, хотя и официально не предъявленные. При всем при этом между Москвой и Будапештом не было не только эффективного взаимодействия по интересующим вопросам, но даже отсутствовали «нормальные» дипломатические связи. Генуэзские и берлинские встречи венгерских и советских дипломатов в первой половине 1920-х годов остались безрезультатными. В последнем случае венгерское правительство отказалось от ратификации уже подписанного договора об установлении дипломатических и торговых отношений (подробнее см. [1]).

Однако нельзя сказать, что вопрос был полностью снят с повестки дня. Венгерские и советские дипломаты на своих встречах в третьих странах часто затрагивали проблемы двусторонних отношений. В посольских донесениях и записках Министерства (Народного комиссариата) иностранных дел нередко встречаются ссылки на выгоды нормализации связей. По этому поводу в венгерской прессе уже летом 1926 г. развернулась серьезная дискуссия, инициатором которой выступил сам премьер-министр Иштван Бетлен. Большинство ведущих политиков и промышленников на страницах разных газет высказывались за признание СССР. Среди поддерживающих идею сближения Венгрии с советским государством следует упомянуть, кроме Бетлена, бывшего министра иностранных дел Г. Дарувари, бывшего министра и посланника венгерского правительства в Вене Г. Граца и генерального секретаря Союза венгерских промышленников М. Феньё. О ходе этой дискуссии руководители советской внешней политики получали обстоятельные отчеты советского полпреда в Вене Я. Берзина. «Из этой дискуссии выяснилось, что подавляющее большинство так называемого “общественного мнения” Венгрии за восстановление сношений с СССР», – подводил итоги обзора печати Берзин. В то же время он не исключал возможность, что выступление Бетлена было всего лишь попыткой оказать давление на соседние государства, «чтобы,

Колонтари Аттила – доцент университета в г. Пече (Венгрия).

припугнув их призраком СССР, добиться от них известных уступок, хотя бы по текущим спорным вопросам» [2. Ф. 04. П. 68. Д. 946. Л. 3–12].

После отказа венгерского правительства внести подписанные в 1924 г. в Берлине договоры для ратификации в парламент, НКВД относился к перспективе возобновления переговоров очень сдержанно и особой заинтересованности в этом вопросе не проявлял. Однако все же были отдельные моменты, когда советские дипломаты были готовы пойти на серьезные уступки. В декабре 1928 г. М.М. Литвинов писал И.В. Сталину, что НКВД предложил установить контакты с Венгрией *без немедленного обмена полпредствами, путем аккредитирования венского полпреда в Будапеште*. По мнению замнаркома, подобная уступка могла бы рассеять недоверие и страх венгров перед большевистской пропагандой. Стремление Литвинова даже такой ценой договориться с венграми объясняется тем, что он опасался создания польско-румынско-венгерского блока, направленного против Советского Союза. Как свидетельствует протокол Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 января, предложение Литвинова было принято единогласно [2. Ф. 04. П. 68. Д. 946. Л. 20]. Дальнейший ход событий нам пока неизвестен, по имеющимся документам невозможно даже установить, было ли доведено это предложение Литвинова до сведения венгров.

На пороге 1920–1930-х годов Германия пыталась содействовать советско-венгерскому сближению. Немецкие генералы – в том числе В. фон Бломберг, начальник генерального штаба Рейхсвера, и К. фон Хаммерштайн-Экворт – в своих разговорах с венгерским военным атташе в Берлине Д. Стояи (Стояковичем) неоднократно ссылались на желательность присоединения Венгрии к «германско-советскому» блоку. По словам Хаммерштайна-Экворда, И. Уборевич во время своего последнего пребывания в Берлине специально затрагивал этот вопрос. Хаммерштайн в качестве первого шага предложил Стояи встретиться с советским военным атташе в Берлине В. Путной [3. 4831. ѓ.е. 878–880 л.; 4810. ѓ.е. 26–31 л.]. Из Министерства обороны был дано добро на встречу «частного характера», однако венгерский военный атташе – по полученным инструкциям – должен был вести себя сдержанно и, не вступая в разговоры на политические темы, выслушать предложения или соображения советской стороны. Мы пока не располагаем сведениями о том, встретился ли Стояи с Путной, зато нам известен «результат»: в начале 1930-х годов в Венгрии как политическое, так и военное руководство отказалось от всякой формы официального сотрудничества с советскими военными и политическими кругами. Сотрудничество считали невозможным, с одной стороны, по моральным соображениям: преследование церкви, террор против крестьян, злодеяния ОГПУ и Коминтерна. С другой – в венгерском Министерстве обороны не рассматривали Красную армию как «самостоятельную политическую силу», «хранительницу русской национальной идеи», наоборот, предполагали, что воинские части РККА в значительной степени уступают войскам ОГПУ [3. 4810. ѓ.е. 26–31 л.].

После прихода к власти в Германии Гитлера политическая обстановка в Европе существенно изменилась: начался медленный, но решительный поворот во внешнеполитической ориентации Советского Союза и, в том числе, что было важно для венгерских политиков, по вопросу о ревизии парижских мирных договоров. Венгерский посланник в Хельсинки М. Юнгерт в своих донесениях информировал об этом руководителей венгерской внешней политики. 26 февраля 1933 г. он, описывая свою встречу с советским полпредом в Таллине Х. Раковским, писал следующее: «Непонятно, сказал он (Раковский. – А.К.), почему Венгрия не уста-

навливает с нами дипломатических сношений, несмотря на то, что ее политика соответствует нашей внешнеполитической линии и поддерживает наши внешнеполитические цели, поскольку выступает за ревизию Трианонского договора и считает необходимым изменение всей Версальской системы договоров» [4. К-63-1933-24/7-648. 3 л.]. Однако через несколько месяцев, в связи с подписанием Восточного пакта¹ и ухудшением немецко-советских отношений, Юнгерт оценил ситуацию следующим образом: «Россия вместо своих прежних друзей была вынуждена искать возможность присоединиться к антиревизионистскому лагерю и сближается с группой Франции, Польши и Малой Антанты». В то же время венгерский дипломат добавил, что пока еще не ясно, в какой степени изменится позиция СССР в вопросе территориальной ревизии [4. К-69-1933-24-2358. 31-32 л.]. Ответственность за изменение поведения Москвы Юнгерт однозначно возлагает на Германию. Русские, говорится в одной из его записок, не без причины нервничают по поводу изложенных в «Майн Кампф» антирусских планов Гитлера [4. К-63-24-1933-2547. 38-41 л.]. Юнгерт правильно понимал, хотя, естественно, конечных результатов предсказать не мог, что из-за агрессивности (по его словам, «непродуманности») германской внешней политики Советский Союз из противника Версальской системы может превратиться в главного защитника мирных договоров. Венгерские политические круги не без опасения обращали внимание на то, что в лексике советских дипломатов появились выражения «коллективная безопасность», «неделимость мира» и вместо традиционного разделения европейских государств на страны-победительницы и побежденные в Москве стали разделять их на агрессивные и неагрессивные.

Вследствие этого поворота в советской внешней политике Венгрия оказалась в еще более неблагоприятном внешнеполитическом положении, чем в 1920-е годы. В Центральной Европе разворачивалось своеобразное соперничество между сторонниками ревизии Версальской системы и защитниками status quo. Венгрия нуждалась в поддержке советской дипломатии. Поэтому, как уже во время советско-венгерских переговоров заявил Юнгерту заведующий Политическим отделом итальянского МИДа Джино Бути, желательно иметь «постоянного посланника в Москве, который, с одной стороны, будет стараться влиять на российские политические круги в интересах нашей политики, а с другой стороны, попытается парализовать интриги и влияние группы, проводящей враждебную нам политику, в первую очередь Малой Антанты» [4. К-64-1934-24-32. 40 л.]. В Будапеште больше всего боялись того, что Советский Союз вступит в контакт или подпишет соглашения с Малой Антантой, т.е. с группой государств, явно враждебной Венгрии.

К концу 1933 г. венгерское политическое руководство пришло к выводу, что при данной расстановке сил на международной арене необходимо наладить контакты с СССР. Сближение Турции (за которой, по мнению венгерских политиков, стоял Советский Союз) со странами Малой Антанты создало неблагоприятную для Венгрии обстановку на Балканах [5. С. 26-27]². Чтобы восстановить

¹Под «Восточным пактом» Юнгерт подразумевает конвенцию, подписанную представителями Советского Союза, Польши, Эстонии, Латвии, Чехословакии, Румынии и т.д. об определении понятия агрессора и агрессии.

²Справедливости ради необходимо отметить, что Москва не только не была инициатором так называемого Балканского пакта, но смотрела на шаги Турции с определенным недоверием, считая, что пакт может ущемить советские интересы, в частности Турция может гарантировать границы Румынии [6. Т. 17. С. 44-45].

равновесие в этом регионе, в Будапеште считали необходимым под руководством Италии и с возможным вовлечением СССР активизировать те силы, которые были незаинтересованы в усилении Малой Антанты. Визит М. Литвинова, народного комиссара по иностранным делам, в Рим в декабре 1934 г. дал возможность прозондировать отношение Москвы к этому вопросу. «Если бы на основе переговоров с Литвиновым итальянское правительство пришло бы к выводу, что советское правительство готово было бы содействовать этому, но преградой подобного сотрудничества явилось бы отсутствие советско-венгерских сношений, то венгерское правительство в интересах общих итальянско-венгерских целей сделало бы все возможное, чтобы те чисто внутривосточные причины, которые до сих пор препятствовали советско-венгерскому сношению, были устранены» [7. С. 141]. С этого сложного предложения начинается история римских переговоров между Советским Союзом и Венгерским королевством по установлению дипломатических отношений. Что касается преград внутривосточного характера, то здесь в первую очередь следует упомянуть отказ регента страны, адмирала Хорти от признания СССР. Министр иностранных дел Венгрии К. Каня неоднократно пытался убедить регента в необходимости наладить контакты с Москвой. По мнению А.И. Пушкина, Хорти дал согласие на переговоры только при условии, что в венгерской столице не будет самостоятельной советской дипломатической миссии, а советская сторона аккредитуется в Будапешт своего венгерского представителя по совместительству [8. С. 247].

22 декабря 1933 г. К. Каня поручил венгерскому посланнику в Риме проинформировать итальянское правительство о готовности венгров начать переговоры с Советским Союзом по вопросу установления дипломатических отношений и одновременно попросить итальянцев довести это до сведения советского полпреда в Риме. Каня также добавил, что на переговорах венгерскую сторону будет представлять М. Юнгерт, недавно назначенный посланником в Анкару и считающийся экспертом венгерского правительства по «советским делам». Представитель итальянского МИДа Помпео Алоизи сообщил об этом советскому полпреду в Италии В. Потемкину, который, в свою очередь, передал полученную информацию Литвинову [8. С. 247–248]. Следовательно, венгерская сторона приняла предложенное посредничество дружественной ей Италии, несмотря на то что до этого она предпочитала в качестве места переговоров Турцию. С одной стороны, турецкая дипломатия в прошлом проявляла немалую активность в налаживании венгерско-советских отношений, с другой стороны, венгерские политики хотели воспользоваться поддержкой своих турецких коллег, чтобы усилить позиции на переговорах. (Как мы позже увидим, подобные ожидания со стороны венгров были и в отношении Италии, но они не оправдались.)

Не случайно в Анкару был назначен посланником именно М. Юнгерт, который присутствовал и на берлинских переговорах 1924 г. Юнгерт вручил свою верительную грамоту президенту республики 9 января 1934 г. и уже 11 января нанес визит своему советскому коллеге, Я. Сурицу, чтобы представиться ему. Последний уже во второй половине следующего дня – т.е. в дипломатическом протоколе за необычно короткое время – явился к Юнгерту с ответным визитом. Это указывает на то, что оба дипломата хотели поскорее «приступить к делу». Уже в первых беседах с Сурицем Юнгерт затронул вопрос об установлении дипломатических отношений и сообщил, что переговоры, если вопрос вновь станет актуальным, состоятся в Анкаре. Юнгерт подчеркнул, что сейчас премьер-министру Д. Гёмбёшу намного легче добиться признания СССР, чем в свое время Бетлену. По его

словам, единственная проблема заключалась в финансовом положении, которое не позволяло венгерскому правительству учредить дипломатическое представительство в Москве в текущем бюджетном году. «Венгрия вернется к старой схеме установления дипотношений без обмена миссиями, поручив представительские функции одной из соседних миссий», – суммировал свои впечатления советский полпред. Суриц не исключал, что именно на его венгерского коллегу в Анкаре будет возложена такая задача [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 28. Л. 57–58].

В дневнике Юнгерта содержится запись, согласно которой он только вечером 12 января узнал о том, что должен срочно ехать в Рим на переговоры с советскими дипломатами. Перед отъездом ему еще предстояло сообщить эту неприятную новость турецкому министру иностранных дел Тефрику Рюшту-бею, который уже знал об этом из других источников и, видимо, был несколько разочарован, хотя и ответил, что понимает решение венгерского правительства о перемещении места переговоров в итальянскую столицу [5. 54–56 old.].

На подготовительном этапе обе стороны определили свои позиции. Как в Будапеште, так и в Москве исходили из подписанного, но не ратифицированного договора 1924 г. В Будапеште особое внимание обращали на то, чтобы найти такую форму, которая позволяла бы действовать в обход парламента. Для этого Юнгерт предложил пропустить торговую часть и ограничиться обменом четырьмя нотами. Во-первых, с заявлением обоих правительств о решении установить дипломатические отношения. Во-вторых, о методах установления дипломатических отношений на основе договора 1924 г. В-третьих, о немедленном начале торговых переговоров после назначения посланников. В-четвертых, нота о возвращении на родину военнопленных [5. 57–58 old.]³.

Важнейшие пункты были уточнены 18 января на совещании у Кани, где кроме министра иностранных дел Венгрии и Юнгерта присутствовали заведующий Политическим отделом МИДа Г. Апор, инспектор Международного правового отдела МИДа П. Данилович, сотрудник Политического отдела граф Д. Телеки и сотрудник Отдела экономической политики МИДа Д. Баркоци. Из договора 1924 г. предполагалось сохранить статьи, регулирующие курьерскую службу, запрещающие пропаганду, определяющие условия учреждения и содержания дипломатических представительств, а также планировался секретный обмен письмами относительно численности работников посольств [5. 60–62 old.]. Что касается дипкурьеров, здесь венгерская сторона хотела четко определить их маршруты, частоту курьерских поездок и вес дипломатической почты, не подлежащей таможенному досмотру. Относительно состава персонала дипломатического представительства кроме определения численности дипломатов венгры особо настаивали на запрещении брать на службу бывших граждан другой страны. В Будапеште главным образом опасались того, что из Советского Союза пошлют на

³ По венгерским оценкам, на территории СССР остались 6–10 тысяч бывших венгерских военнопленных еще со времен Первой мировой войны. Основная часть этой группы добровольно решила не возвращаться на родину по семейным, экономическим или по политическим соображениям. Но среди бывших военнопленных были и такие, которые просто не имели возможности возвратиться в силу отсутствия денежных средств, необходимых документов или просто информации. Их положение было затруднено тем, что советские власти с 1933 г. стали считать советскими подданными всех, кто не владел действующим загранпаспортом. На местах уже гораздо раньше этого часто требовали от военнопленных принятия советского гражданства, в противном случае им грозило увольнение с работы. (Об оценке положения бывших венгерских военнопленных в СССР см. [4. К–73–Т–22–1936–1940. 1. 27].)

дипломатическую службу какого-либо венгерского эмигранта-коммуниста, который, воспользовавшись экстерриториальностью и дипломатической неприкосновенностью, может развернуть свою подрывную деятельность против политической системы страны. В дальнейшем эти опасения оказались необоснованными, ибо к середине 1930-х годов структуры Коминтерна и НКВД уже были отделены друг от друга в кадровом отношении, чтобы не провоцировать излишние дипломатические скандалы.

В Москве на совещании в НКВД также взяли за основу договор 1924 г. Во избежание повторения его судьбы, участники совещания сочли необходимым зафиксировать, что ратификация должна произойти не позже одного месяца после подписания документов об установлении дипломатических отношений и что обмен посланниками должен быть произведен не позже одного месяца со дня вступления в силу договора [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 2–3]. Заместитель народного комиссара иностранных дел Н. Крестинский 13 января сообщил В. Потемкину указания Литвинова: «Мы предпочитаем обменяться с венграми краткими нотами о возобновлении дипломатических и консульских отношений, отложив урегулирование всех остальных практических вопросов до того момента, когда в Москве и в Будапеште будут организованы венгерская миссия и советское полпредство» [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 11]. По всей видимости, руководители советской внешней политики отдавали себе отчет в том, что с венграми будет непросто договориться, поэтому они оставили в запасе ряд уступок. В случае, если венгры начнут настаивать на одновременном урегулировании нескольких вопросов, Потемкин мог бы согласиться на краткий протокол, «содержащий некоторые пункты из основного соглашения 1924 г.». Данный протокол, по представлениям советской стороны, состоял бы из четырех пунктов (о единственном представительстве, о дипломатических привилегиях миссий, о положении работников советского торгпредства в Будапеште и о том, что до заключения консульской конвенции консульские функции выполняются дипломатическими миссиями). В крайнем случае советская дипломатия считала возможным уступить венграм в вопросе определения числа сотрудников и зафиксировать это либо в конфиденциальном письме, не подлежащем публикации, либо как 5-й пункт протокола. Но в отличие от достигнутого в Берлине соглашения, НКВД хотел, чтобы состав посольства СССР в Будапеште состоял из двадцати сотрудников (вместо четырнадцати) [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 11–12]. Как видно из вышесказанного, исходные позиции были относительно далеки друг от друга, однако обе стороны считались с тем, что в ходе переговоров в том или ином пункте придется пойти на компромисс.

Первая встреча венгерской и советской делегаций произошла 22 января 1934 г. в здании венгерской миссии в Риме. В ней из-за болезни Потемкина принимал участие первый секретарь советской миссии Л. Гельфанд. Он имел указание полпреда, не открывая дискуссии по поводу отдельных вопросов и не раскрывая советской позиции, предупредить Юнгера, что Москва рассчитывает ограничиться простым обменом нотами. В начале переговоров Юнгерт высказал мнение, что на самом деле советское и венгерское правительства уже в 1924 г. договорились об условиях установления дипломатических отношений и речь идет только о возобновлении этого соглашения путем обмена нотами, подписания протокола и обмена конфиденциальными письмами. Гельфанд ответил, что обстановка с тех пор значительно изменилась, и ныне Советский Союз никаких предварительных условий не приемлет. Он сначала отказался принять у Юнгера проекты протокола, «которые сразу вывели бы переговоры из нормального, с большим количест-

вом стран, существующего русла» [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 33]. Юнгерт спешил успокоить своего партнера, что «венгерское правительство не хочет навязывать советскому правительству ничего унижительного и оскорбительного», что «речь идет просто о том, чтобы зафиксировать те принципы, с помощью которых мы на практике можем осуществить установление отношений» [4. К-64-1934-24-32. 27 л.]. Венгерский дипломат в своем донесении в МИД отмечает, что, судя по инструкциям Гельфанда, «Россия после признания со стороны США считает себя во всех отношениях равноценным и равноправным с великими державами международным субъектом, и при установлении дипломатических отношений с оставшимися еще малыми государствами требует соблюдения тех же формальностей, которые приняты между двумя, скажем, “нормальными” государствами» (курсив мой. – А.К.) [4. К-64-1934-24-32. 28 л.].

После этого они, по предложению Юнгерта, перешли к чтению и обсуждению конкретных пунктов. После обмена нотами Гельфанд заявил, что на том советское правительство считает дело законченным, а все остальные вопросы могут быть решены путем «джентльменского соглашения» после назначения посланников. К удивлению Юнгерта, Гельфанд не возражал против первой статьи протокола, в которой со ссылкой на финансовые затруднения констатировалось, что венгерское правительство пока не собирается учреждать отдельную миссию в Москве. (При этом венгерский дипломат устно предложил аккредитовать в Будапеште посланника Советского Союза в Вене.) По впечатлению Юнгерта, этот пункт оказался немного неожиданным для советской стороны, и этим он объяснял нерешительность своего партнера [4. К-64-1934-24-32. 29 л.]. Гельфанд, по его словам, выразил свое недоумение, зачем нужно фиксировать финансовые трудности венгерского правительства в протоколе.

Что касается остальных статей, Гельфанд категорически отказался от письменного изложения пунктов о налаживании почтового и телеграфного обмена (§ 5), об обеспечении здания для посольства за соответствующую арендную плату (§ 6), о праве на паритетных началах беспошлинно ввозить предназначенные для посольства материалы, продукты, инвентарь и т.д. (§ 7), об урегулировании курьерской службы (§ 9) и возражал против того, чтобы в протоколе были зафиксированы запреты на прием на работу бывших граждан другого государства (§ 10) и на агитацию и пропаганду против правительства и правительственных учреждений принимающей страны (§ 11). Эти пункты, по мнению Гельфанда, отчасти являлись излишними, потому что в Москве все дипломатические представительства работали на основе международного права, отчасти же могли посеять взаимное недоверие. Здесь венгерский дипломат ссылаясь на реальные трудности работы иностранных миссий в Москве, начиная с аренды здания и кончая приобретением вещей, необходимых для работы посольства. Когда Гельфанд уверял в отсутствии опасности коммунистической пропаганды, Юнгерт процитировал ему соответствующую статью обмена нотами с американцами. Он был хорошо информирован, на какие именно уступки пошла советская дипломатия при установлении дипломатических сношений с США на ноябрьских переговорах президента Рузвельта и наркома Литвинова⁴. Что касается ст. 10 о запрете дипломатической службы для бывших граждан другой страны, то Гельфанд практически повто-

⁴ В частности, в подписанных документах подробно говорилось о запрещении пропаганды, направленной против территориальной целостности, общественного порядка, политической системы и правительства другой страны. (О подробностях установления дипломатических отношений между СССР и США см. [6. Т. 16. С. 641–652].)

рил Юнгерту слова Крестинского во время берлинских переговоров в 1924 г.: «Неужели вы думаете, что мы намерены назначить в Будапешт Белу Куна?» [4. К-64-1934-24-32. 32 л.].

Юнгерт особенно отстаивал ст. 9–11, которые якобы были предназначены для успокоения венгерского общественного мнения [4. К-64-1934-24-32. 29–32 л.; 2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 35]. В конце переговоров Гельфанд заявил, что ему необходимо обратиться в Москву за новыми инструкциями, и «дружески посоветовал» Юнгерту «получить согласие Будапешта на ограничение переговоров простым обменом нотами и во всяком случае на снятие всех одиозных статей ...» [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 36].

На следующий день, в ходе второй встречи с Гельфандом, развернулся острый спор вокруг ст. 9–11. Гельфанд, по словам Юнгерта, не возражал против содержания этих статей, но по соображениям престижа отказывался от изложения их в протоколе. Советский дипломат, отвечая на вопросы своего венгерского коллеги, «признался», что они действительно не хотят вмешиваться во внутренние дела Венгрии, не намерены принимать на работу в посольство бывших венгерских коммунистов и не хотят посылать больше дипкурьеров или больше не подлежащих контролю курьерских материалов, чем это определяется в статье 9 венгерского проекта (один дипкурьер в неделю, 16 кг не подлежащих таможенному досмотру посланий). В крайнем случае, эти вопросы могли быть решены путем «джентльменского соглашения». Юнгерт, сознательно не реагируя на это предложение, подчеркивал, что желание венгерского правительства держать в стороне от советского посольства венгерских коммунистов вытекает из особого характера существующих между двумя странами отношений. Этот вопрос должен был быть урегулирован одновременно с установлением дипломатических отношений, подобно тому, как установление дипломатических отношений с Францией увязывалось с обязательством расплатиться по долгам, или с США – ставилось в зависимость от обеспечения свободы вероисповедания. Принимая во внимание такое расхождение взглядов, Гельфанд отозвался весьма пессимистически о самой возможности подписания соглашения. Юнгерт уверял своего партнера, что можно прийти к согласию, если советское посольство войдет в положение венгерского правительства и разъяснит ситуацию своему правительству, как это сделали в свое время Литвинов и Крестинский. Несмотря на пессимизм Гельфанда, хотя еще очень слабо, но начали вырисовываться основы компромисса. Для того чтобы советская сторона приняла ст. 9–11, венгерской делегации пришлось бы пожертвовать ст. 5–8, регулирующими работу дипломатической миссии, которые без учреждения представительства и так теряли свое практическое значение, – подвел итоги второго дня переговоров М. Юнгерт [4. К-64-1934-24-32. 35–39 л.].

Несколько неожиданно для Юнгерта после первых дней переговоров советская делегация сосредоточила свою деятельность на том, чтобы склонить венгров к скорейшему учреждению дипломатических представительств. В этом стремлении их поддерживала итальянская дипломатия, которая была заинтересована в успешном завершении начатых переговоров. Итальянские политики Д. Бути (директор политического отдела МИДа Италии), Сувич (государственный секретарь Министерства иностранных дел), как, впрочем, и сам Муссолини, проявляли мало интереса к «особым проблемам» венгров, они считали, что венгерские требования могут только осложнить соглашение. Итальянская позиция была известна обеим сторонам. 25 января Потемкин в своем донесении писал, что Бути, который поддерживает тесные контакты с венграми, с досадой говорит об их требованиях,

и не исключено, что итальянцы «будут пытаться воздействовать на Юнгерта и на миссию, чтобы побудить их к большей сговорчивости» [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 111. Л. 48]. Первые шаги в этом направлении итальянская внешняя политика сделала уже 24 января. Муссолини решил дать указание итальянскому посланнику в Будапеште герцогу А. Колонна, чтобы тот заявил, будто по мнению итальянского правительства все преимущества установления отношений будут сведены на нет без учреждения в Москве миссии [5. 70 old.]⁵. По этому поводу Юнгерт в тот же день нанес визит Бути, чтобы разъяснить венгерскую позицию по данному вопросу. Кроме финансовой стороны проблемы Юнгерт указал и на внутренние трудности. Общественному мнению якобы необходимо привыкнуть к мысли о появлении советского посольства в венгерской столице. Правительство должно считаться с личным пожеланием регента М. Хорти, который дал согласие на переговоры лишь при условии, что в Будапеште не будет постоянного «русского посланника» [5. 71 old.]⁶.

Бути, по словам Юнгерта, принял эти аргументы с улыбкой и отметил, что при наличии доброй воли со стороны правительства эти трудности можно устранить. Венгрия – государство маленькое, оно не может диктовать условия Советскому Союзу. В этом случае советская делегация может встать из-за стола переговоров и договориться с государствами Малой Антанты. Из разговора с Бути для Юнгерта стало ясно, что деятельность итальянской дипломатии будет направлена скорее на то, чтобы «мы отказались от наших, по их мнению, устаревших требований, и они вовсе не намерены оказывать давление на русских с тем, чтобы те приняли наши условия» [4. К–64–1934–24–32. 44 л.]. Поведение итальянцев Юнгерт объяснял тем, что их положение в Москве сильно пошатнулось из-за усиления французской ориентации в советской внешней политике и отрицательного отношения Москвы к пакту четырех. «Тем, что нас ведут в Москву, хотя это и в наших интересах, они [итальянцы. – А.К.] хотят упрочить там свою позицию [...] привести в Москву укрощенным самого одержимого советского противника» [4. К–64–1934–24–32. 44 л.; 8. С. 265]. Следовательно, вопреки ожиданиям венгров, итальянцы развернули свою посредническую деятельность в первую очередь в интересах советской стороны⁷. Как отметил Потемкин в одном из донесений, итальянцы руководствовались в основном своими политическими интересами, но «объективно их посредничество для нас оказалось отнюдь не бесполезным». Советский полпред считал необходимым выразить Муссолини свою благодарность «за дружественное содействие» в установлении отношений с Венгрией [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 28 (111/Ве). Л. 61].

Выздоровевший полпред В. Потемкин принял Юнгерта 27 января и к великому удивлению последнего сообщил, что советское правительство дало согласие на включение в протокол ст. 9–11. (Как Юнгерт с некоторой иронией отметил на встрече с Бути, видимо, Литвинов все-таки придает определенное значение установлению отношений с Венгрией [5. 86. old.]) Разногласия сохранялись лишь в той части ст. 1 венгерского проекта, где, со ссылкой на финансовые трудности, говорилось об отсрочке учреждения дипломатической миссии в Москве. Потем-

⁵ 26 января, следуя полученным указаниям, А. Колонна нанес визит министру иностранных дел К. Кане и передал ему соображения Муссолини по этому поводу.

⁶ В венгерских документах того времени не делали разницу между понятиями «русский» и «советский», они очень часто употреблялись как синонимы.

⁷ Еще до отъезда Юнгерт писал в своем дневнике: «Я имею указания пользоваться посредничеством итальянцев в случае возникновения трудностей». См. [5. 62 old.]

кин, следуя указаниям Литвинова, настаивал на немедленном открытии дипломатических представительств после вступления в силу соглашения. Одновременно с этим советская сторона сделала еще одну, не очень решительную попытку добиться от венгров увеличения числа сотрудников дипломатических миссий с четырнадцати до двадцати человек, но Юнгерт отклонил это предложение, придерживаясь установленных в секретном обмене письмами 1924 г. цифр. После этого в течение нескольких дней переговоры топтались на месте. Только 31 января поступили новые директивы из Будапешта, согласно которым в конечном случае, если позиция, занятая венгерской стороной, угрожает срывом, Юнгерт может обещать, что к началу следующего финансового года, т.е. к июлю, посольства будут учреждены [5. 82 old.].

Юнгерт сразу после получения последних указаний нанес визит в советское посольство, Потемкину и Гельфанду. На этой встрече он опять попытался провести венгерские предложения. Он (без особых успехов) уверял своих партнеров, что нормальные отношения между двумя странами могут быть обеспечены в том числе и тем, что венгерское правительство сразу после подписания соглашения назначило бы его посланником в Москву (по совместительству. — А.К.), и он в Анкаре поддерживал бы тесные контакты с советским полпредом Я. Сурицем. Потемкин сообщил ему, что советское правительство в крайнем случае даст согласие на отсрочку учреждения постоянной миссии до 1 июля 1934. [5. 82–83 old.]. Подобный разговор, с теми же аргументами, повторился 3 февраля. Москва, сказал Потемкин, не может согласиться на установление дипломатических отношений без открытия миссии, ибо это могло бы стать прецедентом и дало бы возможность другим странам, не открывая своих представительств в советской столице, устанавливать контакты в такой фиктивной форме. Юнгерт по-прежнему выражал сомнение в том, что его правительство сможет выделить средства на учреждение посольства [5. 89 old.].

В своих дневниковых записях Юнгерт выразил недовольство собственным начальником, министром иностранных дел, К. Каней, который не уделял достаточное внимание подготовке почвы переговоров и не спешил осведомить регента и правительство о том, что естественным и неизбежным последствием установления дипломатических сношений будет учреждение советской миссии в венгерской столице [9. 972. f. 3. б.е. 98 л.].

За это время в Будапеште на совещании у Хорти министру Кане все-таки удалось убедить регента в несостоятельности его прежней точки зрения и в неизбежности появления советской миссии в Будапеште. К удивлению Кани Хорти относительно легко сдался: «Раз начали, то следует дело довести до конца» [8. С. 271]. В связи с этим можно полностью согласиться с оценкой российского историка А.И. Пушкаша: «Так фактически было снято единственное препятствие на пути установления дипломатических отношений с СССР» [8. С. 271]. Вечером 5 февраля Юнгерт получил полномочия подписать согласованные документы, что произошло на следующий день в торжественной обстановке в здании советского полпредства в Риме.

Что касается перспектив венгерско-советских отношений, у венгерской дипломатии были и далеко идущие планы. «Если Литвинов готов открыто сотрудничать с нами, как Чичерин в 1922–1923 гг., нам надо назначить в Москву одного из самых выдающихся дипломатов с большим штатом сотрудников. Если Литвинов не склонен к этому, то я создал бы меньшую по составу миссию во главе с дипломатом, обладающим хорошим политическим чутьем», — изложил Юнгерт Кане

свои представления. Каня в комиссии по внешней политике парламента определил две главные цели венгерской внешней политики относительно Советского Союза: во-первых, предотвратить присоединение СССР к «антиревизионистскому блоку» и, во-вторых, сотрудничать с Советами против Румынии на основе нерешенного бессарабского вопроса [5. 100–101 old.]. Венгерская дипломатия не смогла реализовать ни первое, ни второе направление.

Руководители советской внешней политики не придавали слишком большого значения установлению отношений. Об этом свидетельствуют в том числе слова В. Потемкина при подведении итогов переговоров: «Конечно, удельный вес самой Венгрии не столь уже значителен. Но в комплексе все расширяющихся внешних отношений СССР и она – приобретение, значение которого не следует недооценивать» [2. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 28. Л. 62]. С одной стороны, признание и установление контактов с Венгрией вписываются в общее русло советских внешнеполитических устремлений. В декабре 1933 г. при обсуждении на заседании Политбюро ВКП(б) условий вступления в Лигу Наций было решено настаивать на том, чтобы все члены Лиги восстановили с СССР нормальные отношения [10. С. 407]. С другой стороны, в свете все ухудшающихся советско-германских отношений для советского руководства не было безразлично, в какой степени Венгрия сотрудничает с Германией, однако это вовсе не означало поддержки венгерских интересов и внешнеполитических ориентаций.

В венгерской историографии и в наши дни часто упрекают тогдашние венгерские правительства и руководителей внешней политики в том, что в вопросе налаживания отношений с СССР они руководствовались главным образом эмоциональными, идеологическими соображениями вместо учета реальных политических интересов. Это привело к тому, что дипломатические отношения были установлены довольно поздно, в 1934 г., хотя первые попытки были сделаны уже в начале 1920-х годов. В 1924 г. – как мы видели – в Берлине был даже подписан договор по этому поводу, однако венгерская сторона все время откладывала его ратификацию, пока Москве это не надоело, и весной 1925 г. советская дипломатия сообщила, что считает подписанный договор утратившим силу. «Уже невозможно точно сказать, сколько ущерба нанесли венгерским интересам в следующие десятилетия эти промедления и волокита. Ясно только то, что с эмоциональной, идеологической позиции нельзя вести рациональную и эффективную внешнюю политику» [11. 159 old.], – пишут авторы монографии «История внешней политики Венгрии в XX веке». В этом есть, конечно, определенная доля правды. Вместе с тем необходимо сделать некоторые уточнения.

Одной из причин неприязни венгерской политической элиты к СССР было обстоятельство, что Москва поддерживала и финансировала зарубежные компартии и управляла их деятельностью, ее дальней стратегической целью являлось свержение существующей правительственной системы и общественного порядка в данной стране. Опыт 1940-х годов однозначно показал, что Советский Союз не потерпит никакой другой альтернативы в попавших в его сферу влияния государствах кроме единовластия компартий. То есть с этой точки зрения опасения венгерских политических сил в какой-то мере были обоснованы, хотя их конкретные формы приобретали иногда безусловно иррациональный характер. Судьба той или иной страны в расширяющейся сфере влияния Москвы не зависела от того, когда она установила дипломатические отношения с СССР.

Второй вопрос, могла ли бы Венгрия обеспечить себе поддержку Москвы в своих ревизионистских устремлениях – как это внушают некоторые историки – в

случае более раннего установления дипломатических отношений. Учитывая всю совокупность вопроса, это тоже представляется сомнительным. Несмотря на частые высказывания советских дипломатов «о сочувствии побежденным народам» и «о несправедливости мирных договоров» в 1920-е годы, отношение Москвы к Версальской системе мирных договоров определялось не моральными или принципиальными соображениями, а исключительно интересами СССР. С изменением международной обстановки в 1930-е годы, т.е. *по не зависящим от венгерской дипломатии причинам*, менялась и позиция Советского Союза в этом вопросе, и параллельно с ухудшением советско-германских отношений после прихода к власти Гитлера Москва интенсифицировала свои связи с Францией и Чехословакией, подписав договор о взаимопомощи с ними. Последняя даже на несколько месяцев позже установила дипломатическое сношение с Советским Союзом, чем Венгрия. Подобный поворот во внешнеполитической ориентации СССР – который, между прочим, и тогдашние венгерские дипломаты, в частности М. Юнгерт, считали вынужденной и естественной реакцией на политику Гитлера – исключил все возможности сотрудничества между Москвой и Будапештом на основе отклонения парижской системы мирных договоров и стремления изменить послевоенный status quo. К моменту римских переговоров В. Потемкина и М. Юнгерта «поезд уже ушел». Советско-венгерские отношения в последующие годы характеризовались взаимными упреками в присоединении к враждебным СССР или Венгрии комбинациям, шумными кампаниями в прессе о красной опасности, висящей над Европой, или о феодально-фашистской Венгрии и дипломатическими протестами по этому поводу в Москве или в Будапеште.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ormos M. A Bánffy-Csicserin találkozó(k) Genovában 1922 // Kutatási füzetek. Pécs, 1998. C. 33–39; Kolontári A. Magyar-szovjet tárgyalások a diplomáciai és kereskedelmi kapcsolatok felvételéről (Berlin, 1924) // Kutatási Füzetek. Pécs, 1999. C. 3–29.*
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Hadtörténeti Levéltár (Архив военной истории) VKF 2 В/188.
4. Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив).
5. *Jungert-Arnóthy M. Moszkvai Napló. Budapest, 1989.*
6. Документы внешней политики СССР. М., 1971.
7. *Pritz P. Magyarország külpolitikája a Gömbös kormány idején. 1932–1936. Budapest, 1982.*
8. *Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии (апрель 1927 г. – февраль 1934 г.). М., 1995.*
9. Politikatörténeti Intézet Levéltára (Архив Института политической истории).
10. *Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. М., 2000. Ч. 1.*
11. *Fülöp M., Sipos P. Magyarország külpolitikája a XX. században. Budapest, 1998.*

© 2010 г. С.В. МОРОЗОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ БУКОВИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В РАЗВИТИИ МЮНХЕНСКОГО КРИЗИСА

Международные отношения в Европе в предвоенный период привлекают в последнее время пристальное внимание историков: появились достаточно серьезные основания для того, чтобы вписать в историю новые, до сей поры малоизвестные, но весьма важные страницы. Это относится и к проблеме, связанной со строительством так называемой буковинской железной дороги в 1936–1938 гг., которая должна была пройти через Румынию, связав территорию Чехословакии с Советским Союзом, и стать технической основой для выполнения советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. Его заключение, равно как и заключение советско-французского договора о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., было вынужденным шагом, который сделали Париж, Москва и Прага в ответ на замыслы правящих кругов Берлина, Варшавы и Токио развязать ориентировочно в течение второй половины 1935 г. войну, что нашло частичное отражение в секретном польско-германском договоре от 25 февраля 1934 г. [1. С. 211–213].

Весной 1936 г. стал очевиден крах прежней системы безопасности в Европе, и перед европейскими странами встала актуальная задача создания новой системы. Великие державы выступили с инициативой заключения так называемого Западного пакта. Чехословакия предпринимала активные попытки участвовать в процессе его обсуждения и одновременно была занята поиском альтернативных путей обеспечения своей безопасности. Договор о взаимопомощи и воздушная конвенция, заключенная с Москвой 17 мая 1935 г., позволяли чехословацкому министру иностранных дел Эдуарду Бенешу начать подготовку к наихудшему варианту развития событий, т.е. на случай военной агрессии со стороны гитлеровской Германии: укрепить северо-западные границы, создать стратегические резервы на восточных границах страны, модернизировать вооруженные силы, укрепить контакты с руководством Красной армии и т.д. Однако отсутствие общей советско-чехословацкой границы затрудняло перспективу двустороннего стратегического взаимодействия. Одной из немногих возможностей ее решить было согласие Бухареста на перемещение советских военных сил через румынскую территорию в случае германской агрессии против ЧСР. Поэтому для чехословацкого руководства задачей первостепенной важности становилось достижение соответствующей политической договоренности с румынским руководством. На горизонте маячил силуэт советско-чехословацко-румынского политического сотрудничества.

Осенью 1935 г. появились первые признаки сближения Румынии с Чехословакией и Советским Союзом. Прага добивалась согласия Бухареста на пропуск

Морозов Станислав Вацлавович – д-р ист. наук, г. Санкт-Петербург.

советских войск [2. Т. I. С. 305], а Москва стремилась к заключению договора о взаимной помощи на случай войны. Следует отметить, что согласие на пропуск советских войск рассматривалось как обязательство-минимум, а задачей-максимум должен был стать тесный военный союз. Этот договор был бы третьим, недостающим, звеном в системе договоров СССР – Франция и СССР – ЧСР и придал бы им более конкретный характер.

Появились первые плоды начавшегося советско-румынского сближения. Уже в середине октября 1935 г. был восстановлен Тираспольский мост через р. Днестр, который был частично разрушен в связи с бессарабскими событиями в 1919 г. На мосту были уложены как европейская, так и российская (широкая) колеи. Предполагалось, что Советский Союз оборудует свой подвижной состав специальными устройствами, позволяющими быстро переводить его на более узкую [3. Оп. 28/2. Д. 333. С. 76. Д. 39. Л. 15].

Проходившие весной 1936 г. переговоры между Москвой, Прагой и Бухарестом предусматривали заключение советско-румынского договора о взаимной помощи и соглашения о пропуске через румынскую территорию, в случае возникновения угрозы для независимости Чехословакии, советских войск во исполнение условий советско-чехословацкого договора. Переговоры шли очень медленно, так как встречали на своем пути значительное противодействие со стороны влиятельных придворных и военных кругов Румынии, которые решительно выступили против возможности предоставления советским войскам права прохода через Буковину.

Заключение германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г. форсировало румыно-чехословацкое сближение. Между Чехословакией и Румынией была достигнута договоренность о сооружении железной дороги Висаул – Ватра-Дорней, которая связала бы Чехословакию с Советским Союзом через румынскую территорию [4. С. 236–237; 5. С. 129]. 15 июля 1936 г. в Праге было подписано соглашение о предоставлении Румынии займа в сумме 220 млн крон сроком на 10 лет для оплаты румынских военных заказов в Чехословакии. Одновременно Румынии был предоставлен заем в сумме 80 млн. крон на «милитаризацию» румынских железных дорог, т.е. фактически на строительство железной дороги, которая бы связала ЧСР и СССР [6. С. 159; 7. Р. 407–409]. Совместный шаг Бенеша, ставшего в декабре 1935 г. президентом страны, и румынского министра иностранных дел Николае Титулеску имел важнейшее значение, так как после завершения ее строительства военно-стратегические позиции ЧСР существенно бы усилились.

Но эти обстоятельства доставляли немалое беспокойство главе польского МИД Юзефу Беку. Его деятельность во второй половине лета 1936 г. была чуть ли не целиком связана с румынским направлением, вернее, с попытками добиться отставки неугодного ему Титулеску. Следует отметить, что эту же цель преследовал и МИД Германии: зная, что король Кароль II поручил Титулеску окончательно урегулировать проблему Бессарабии, провоцировал последнего на выдвигание максималистских требований, прекрасно понимая, что СССР не собирался заключать какие-либо соглашения под румынскую диктовку. В этом же направлении действовали Рим и даже союзный Белград [8. С. 435]. Но, как писал С. Цат-Мацкевич, «львиную долю работы по дискредитации Титулеску проделал Арцишевский»¹ [9. С. 121].

¹ М. Арцишевский – польский посланник в Бухаресте.

Бек действовал аналогично через А. Пониньского, поверенного в делах польского дипломатического представительства в Бухаресте. В беседе с маршалом Авереску 23 июня 1936 г. Пониньский подчеркнул, что польский МИД обладает информацией, свидетельствующей об обещании Титулеску оказать эвентуальную помощь СССР и ЧСР путем вхождения Румынии в систему франко-советско-чехословацкого союза. Далее он указал на близкие контакты Титулеску с советским полпредом в Бухаресте М.С. Островским. Этот факт, как и ряд других, в том числе и визит Титулеску ночью перед его отъездом в Монтре 22 июня 1936 г. в советское представительство в Бухаресте, должны были свидетельствовать, по мнению польского дипломата, о ведущихся тайных закулисных советско-румынских переговорах. В ходе беседы маршал заявил, что «советофильская политика г. Титулеску не имеет никакой поддержки в массах и столкнется с решительным противодействием всех понимающих свою ответственность сил в Румынии» [10. С. 114].

Тучи над главой румынского МИД все более сгущались, и после того, как Титулеску с Литвиновым согласовали положения будущего советско-румынского договора в июле 1936 г. в Монтре на конференции по проливам² [11. Р. 59; 12. С. 329], его судьба была предreshена. После того, как в августе 1936 г. в германской печати появилось сообщение о том, что Румыния предполагает приступить к постройке железнодорожной линии, соединившей бы через румынскую территорию Чехословакию с СССР, а румынское дипломатическое представительство в Берлине его опровергло³ [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 2], отставка румынского министра стала неминуемой. Она последовала 29 августа 1936 г. [13. Р. 96; 14. С. 425–426; 10. С. 104–123]. Польская пресса с энтузиазмом приветствовала это событие, сообщая, что «пребывающий на Ривьере Титулеску о создании нового кабинета был проинформирован пост-фактум», и что этот успех – заслуга польской дипломатии и ее руководителя Ю. Бека [15]. Хорошо осведомленный о положении в Румынии орган польских торговых кругов «*Codzienna gazeta handlowa*» писал о сознательном стремлении к тесному политическому и военному сотрудничеству Румынии и Польши [14. С. 13].

Политическая ситуация в Европе продолжала развиваться неблагоприятным для Чехословакии образом. Через три дня после соглашения о сооружении железной дороги Висаул – Ватра-Дорней, 17–18 июля 1936 г. в Испании начался вооруженный мятеж во главе с генералом Франко, на помощь которому пришли Гитлер и Муссолини, что способствовало дальнейшему политическому сближению Германии и Италии. 25 октября 1936 г. итальянский министр иностранных дел Г. Чиано подписал в Берлине с Риббентропом официальное соглашение о создании «оси Берлин – Рим». Гитлер одобрил захват Эфиопии Италией, обе державы оси признали правительством Франко, стороны договорились о разграничении сфер экономической деятельности Германии и Италии на Балканах и в Дунайском бассейне [16. С. 582–583]. Начало сбываться пророчество американского посла в Берлине Вильяма Додда, сделанное им в связи с подписанием соглашения Гора – Лавалья, о том, что оно открыло дорогу к заключению германо-итальянского союза, который мог превзойти французское политическое влияние на европейские дела [17. С. 366].

Несмотря на лихорадочные попытки Польши и Чехословакии каким-то образом уберечь от ревизии свои границы, руководству обеих стран постепенно

² Титулеску показал свою запись о беседе с Литвиновым Полю Бонкуру.

³ Эта информация 13 августа 1936 г. поступила из Берлина по каналам ТАСС.

становилось ясно, что они фактически не в силах воздействовать на складывающиеся обстоятельства. Усилия, которые министр Бек прикладывал на западном направлении, так и не вывели Польшу на уровень великой державы. Действия Бенеша также не увенчались успехом, но в отличие от Бека у него еще оставалась возможность усилить позиции – построить из СССР в ЧСР через румынскую территорию стратегическую магистраль, скрывая этот факт от западных партнеров.

Тем не менее, кое-какая информация все же просачивалась в печать. 13 ноября 1936 г. газета «Národní listy» в связи с поездкой заместителя министра иностранных дел Румынии В. Бэдулеску в Прагу указывала, что особое внимание будет уделено вопросу финансирования строительства новой железной дороги, которая свяжет Чехословакию и СССР [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 58]. Другими словами, и румынское руководство, несмотря на политический флирт с Варшавой, не упускало из виду советское направление в двусторонних отношениях с ЧСР.

Учитывая тот факт, что новый глава кабинета министров Румынии В. Антонеску продолжал заверять польское руководство в том, что позиция его кабинета на случай предполагаемого прохода советских войск через территорию Румынии остается без изменений [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 65], чиновники польского МИД были вынуждены сосредоточить на двустороннем сотрудничестве особое внимание. Польская сторона стремилась к установлению доверительной атмосферы, однако поступавшие сообщения вызывали у нее настороженность и подозрения, что румыны все-таки продолжают вести переговоры с русскими. Для оказания давления на Бухарест были использованы те пункты договора о польско-румынском военном союзе, которые обязывали стороны консультироваться между собой в случае присоединения к новым соглашениям [18. S. 34].

С середины ноября атмосфера в международных отношениях стала сгущаться, и это было, в частности, связано с подписанием между Германией и Японией 25 ноября 1936 г. так называемого антикоминтерновского пакта. Особое значение имел второй пункт соглашения, предписывавший сторонам принимать необходимые меры против тех, кто действует в пользу Коммунистического Интернационала, что давало возможность договаривающимся сторонам под предлогом борьбы против Коминтерна вмешиваться в дела других государств [16. С. 591]. Тайная часть пакта включала дополнительный протокол, состоявший из трех статей, а также двух нот с его интерпретацией, которыми обменялись Риббентроп и японский посол в Берлине. Тайный дополнительный протокол содержал взаимные обязательства сохранять дружественный нейтралитет и консультироваться, если одна из сторон окажется в состоянии войны с СССР. Вторая статья протокола обязывала обе стороны воздерживаться от заключения с СССР политических договоров, противоречащих духу пакта. Как и пакт, оба протокола были действительны в течение 5 лет [19. S. 493].

Подписание антикоминтерновского пакта сопровождалось слухами о существовании планов раздела Чехословакии. Например, в письме от 26 ноября 1936 г. советскому полпреду в Праге С. Александровскому нарком М. Литвинов, в частности, сообщал: «Из источника, за безусловную достоверность которого я не ручаюсь, известно, что Муссолини предлагал Белграду следующую комбинацию. Германия получает согласие на аншлюс, Италия, Югославия и Венгрия заключают блок, к которому присоединяется Польша, которая в результате раздела Чехословакии получает общую границу с Венгрией. Чехословакия делится между Венгрией, Польшей и Германией, взамен чего Германия отказывается от

дальнейшей экспансии на восток и поворачивается фронтом к Франции и Великобритании, добываясь колоний» [20. Т. XIX. С. 781].

В ответном письме от 1 декабря 1936 г. Александровский подтвердил информацию о планах раздела ЧСР, но уже полученную от чешской стороны. «В разговоре со мной 1 ноября с.г. Крофта⁴ упоминал о польском проекте раздела Чехословакии. Сейчас по Праге ходит слух, преподносящий вопрос о плане раздела Чехословакии в следующей развернутой версии. Судето-немецкие части отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений на своей границе в Татрах и Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь в незначительной части. Карпатские же горы отходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении “естественный характер”. Я ни в какой степени не выдаю изложенное за сколь-нибудь серьезный план. Разговоры на эту тему слышны в журналистских кругах. Однако, поскольку изложенное в главных чертах совпадает с тем, что Вы сообщили мне в Вашем письме от 26 ноября, я решил Вас осведомить об изложенном и попытаться следующей почтой произвести проверку в первоисточниках» [20. Т. XIX. С. 626].

Тревожные слухи относительно будущего Чехословакии заставляли ее руководство постоянно заботиться об укреплении обороноспособности страны, что побуждало развивать военное взаимодействие с Советским Союзом. Источник польской разведки в ЧСР сообщал 28 ноября 1936 г.: «Между СССР и Чехословакией начато далеко идущее сотрудничество в области авиации. Строятся аэродромы в Ужгороде, Кошицах, Зилине, Тренчине, Нитре и Пахе, а еще в 38 районах исследуются условия для их строительства» [21. Оп. 3. Д. 357. Л. 45].

Но чехословацкий президент занимал очень осторожную позицию в вопросах военного взаимодействия с Москвой. В частности, 9 ноября 1936 г. из Генерального штаба РККА поступило предложение углубить и укрепить существующие связи между чехословацкими и советскими военными путем обсуждения между «соответствующими военными представителями основных линий стратегического плана действий». Проинформировав Париж об этом предложении, Бенеш предлагал использовать русский козырь лишь в том случае, если усилия к достижению соглашения с Германией натолкнулись бы на трудности и препятствия [22. С. 434]. Одновременно представители официальных властей отрицали причастность СССР к военным мероприятиям, проводившимся в ЧСР [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 53, 81].

Советское политическое руководство внесло соответствующее положение в новую конституцию, чем еще раз демонстрировало свою серьезную готовность прийти союзникам на помощь в случае возникновения для них реальной опасности. Московский корреспондент полуофициального органа чехословацкого МИД «Prager presse» в статье от 8 декабря 1936 г. об итогах работы VIII чрезвычайного всесоюзного съезда Советов сообщил, что окончательная формулировка ст. 49 новой конституции позволит СССР оказывать помощь другим государствам в соответствии с договором о взаимопомощи. Во всяком случае, французские делегаты пришли к выводу, что прежняя формулировка делала проведение его в жизнь затруднительным [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 75].

Наиболее важным следствием пережитого чехословацким руководством в конце 1936 г. ощущения опасности стала определенная эволюция внешнепо-

⁴К. Крофта – министр иностранных дел ЧСР.

литической позиции самой влиятельной парламентской партии аграриев. Это следует из донесения польской военной разведки «Новые пути чехословацкой внешней политики» от 10 декабря 1936 г. Во-первых, в нем говорилось о том, что сближение с Советским Союзом в военной области было не эпизодом, а носило характер долговременного сотрудничества. Источник анализировал expose Крофты в комиссиях по иностранным делам обеих палат парламента, ставшее своеобразным подведением итогов внешней политики Чехословацкой республики в 1935–1936 гг., и подчеркивал, что, хотя в выступлении министра тема отношений с СССР и мера обеспечения безопасности государства на случай нападения Германии не была затронута напрямую, главной была именно она. Во-вторых, в донесении содержался весьма важный вывод, что «при необходимости обеспечить безопасность государства от внешних угроз, в первую очередь со стороны Германии, и в условиях весьма ухудшившихся отношений с Польшей [...] аграрии отказались от проводимого с момента возникновения республики сотрудничества политике сближения с СССР и дали свое согласие на соответствующий союз» [21. Оп. 3. Д. 357. Л. 53].

Эволюция внешнеполитических взглядов в рядах чехословацкого руководства не осталась незамеченной и в польской печати. «Kurjer roranny» поместил 22 декабря 1936 г. передовую статью под заголовком «Чехословакия накануне пересмотра основ своей внешней политики». В ней говорилось, что прежняя внешняя политика ЧСР потерпела фиаско. Упомянув последнее expose Крофты, в котором содержалось «отступление от официальных тезисов чехословацкой внешней политики», газета выразила сожаление по поводу того, что подобные оговорки не оформлены в «единую концепцию» [3. Оп. 28/2. Д. 114. Л. 85]. В целом позиция газеты отразила ситуацию, когда обе стороны относятся друг к другу со значительной долей недоверия.

И донесение польской разведки, и статья в газете свидетельствовали о том, что чехословацкое руководство изменило свою позицию и исподволь подготавливало общественное мнение относительно возможности дальнейшего сближения с Советским Союзом в том числе на румынском направлении.

31 марта 1937 г. газета «Berliner tagesblatt» сообщила, будто бы в Бухаресте получена нота советского правительства, содержащая признание «суверенитета Румынии над Бессарабией». Подобное сообщение поступило в этот же день и из Лондона [3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 50]. Это известие многие рассматривали в качестве косвенного подтверждения того, что между СССР и Румынией заключен союзный договор. 1 апреля 1937 г. в газете «Evening standard» московский корреспондент Бритиш Юнайтед пресс сообщил, что советское правительство не посылало Румынии ноту, но официального опровержения ТАСС через агентство Рейтер не последовало [3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 53].

Еще большее беспокойство у официальной Варшавы мог вызвать тот факт, что эта тема стала активно обсуждаться в дипломатических кругах. В частности, утром в субботу 3 апреля 1937 г. американского посла в Берлине Додда посетил чехословацкий посланник В. Мастны, который сообщил, что между Румынией и Россией на днях заключен договор о признании границ и сотрудничестве в вопросе о мире. Американский дипломат подтвердил, что уже слышал об этом [17. С. 483].

Своеобразным аккомпанементом к этой информации звучало интервью министра Крофты для газеты «Ce soir», опубликованное 31 марта 1937 г. В частности, он отметил прочность Малой Антанты и заявил, что Чехословакия *радуется* (кур-

сив мой. – С.М.) польско-румынскому сближению, а также итало-югославскому договору не менее, чем договору о взаимной помощи между Прагой и Москвой [3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 53].

Германские дипломаты действовали по классическому завету Талейрана: «Язык должен скрывать истинные мысли», имевшему в виду официальные заявления. В частности, в конце марта 1937 г. министр иностранных дел Германии фон Нейрат с удовлетворением отмечал, что «Малая Антанта начинает давать трещину» [23. Р. 262]. В неофициальных же беседах особо не церемонились. Германский посол в Варшаве Ганс фон Мольтке во время беседы с заместителем министра польского МИД графом Я. Шембеком 6 апреля 1937 г. оказывал на него сильнейший нажим в связи с предполагаемым согласием Румынии пропустить через свою территорию советские войска в Чехословакию в обмен на признание ее суверенитета над Бессарабией [24. Оп. 1. Д. 130. К. 67–71].

Не на шутку обеспокоенный Бек решил лично удостовериться в том, насколько обоснованы все эти слухи. Этой цели должен был служить его визит в Румынию, намеченный на первую половину третьей декады апреля. Однако сначала он, по согласованию с Берлином, совершил блиц-поездку в Вену, где, по утверждению Папена⁵, уговаривал австрийских политиков воздерживаться от близкого сотрудничества с Прагой [25. S. 340–343; 12. S. 375]. 19 апреля 1937 г. глава польского МИДа сформулировал цель своего визита в Бухарест во время своей беседы с германским послом в Варшаве Мольтке – «укрепить Румынию в ее самостоятельной политике» [26. S. 330]. Европейская печать, не скупясь, комментировала его предстоящую поездку. 18 апреля 1937 г. из Бухареста по каналам ТАСС сообщали, что в Румынии придают большое политическое значение предстоящему приезду польского министра. В журналистских кругах утверждали, что во время своего пребывания в гостях Бек обменяется мнениями с румынскими государственными деятелями по поводу ведущихся в настоящее время итало-румынских переговоров о заключении двустороннего соглашения [3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 67]. В отличие от румынских журналистов, нарочито демонстрировавших полное неведение касательно цели приезда польского гостя, французские журналисты проявили самаритянскую заботу о польско-чехословацких отношениях. Бухарестские газеты наперебой цитировали выдержки из статьи французской газеты «Le Temps» о положении в Центральной Европе: «Более тесное сотрудничество Варшавы с Бухарестом даст возможность уладить в критические моменты трения, встречающиеся между Прагой и Варшавой» [3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 69].

Сообщения, поступавшие с телетайпной ленты после прибытия Бека в Бухарест, сразу же все поставили на свои места. 24 апреля 1937 г. французское информационное агентство Гавас (Navas) сообщило, что во время переговоров обсуждалась возможность расширения сотрудничества между генеральными штабами обеих стран. Как известно, польско-румынский союзный договор 1921 г. предусматривал взаимную помощь в случае агрессии с любой стороны, но практически учитывал лишь советское направление, поэтому для Бека не составляло труда обстоятельно обсудить интересовавшую его тему. Это подтверждается сообщением корреспондента того же агентства 25 апреля, что в ходе визита подробно рассматривался вопрос о взаимоотношениях Румынии и Польши с Советским Союзом. По имеющимся сведениям, Бек особый упор делал на демонстрации тех опасностей, которые повлечет за собою советофильская политика Румынии

⁵ Ф. Папен – в 1933–1934 гг. вице-канцлер, в 1934–1938 гг. – посол Германии в Австрии.

[3. Оп. 28/2. Д. 185. Л. 70–71]. Судя по всему, у польского министра появились весомые основания полагать, что слухи, для проверки которых он, собственно говоря, и совершил визит к союзнику, достаточно обоснованы, и на пути советско-румынского сближения сделан реальный шаг. Это означало, что в случае опасности для Праги на помощь ей через румынскую территорию пойдут эшелоны с советской военной помощью.

Многочисленные публикации в печати, неофициальные свидетельства дипломатов, высказывания Бека на завершающем этапе его визита в Бухарест, ничем неприкрытое натравливание Гитлером на ЧСР венгерских ревизионистов, развернувшаяся кампания в чехословацкой печати партии аграриев за пересмотр внешней политики страны, уверенное поведение министра Крофты – в совокупности все эти факты можно рассматривать как свидетельство того, что Бухарест достиг определенной договоренности с Москвой. Ведь еще в феврале 1937 г. Румынией был выпущен заем на сумму 3 млн ф. стерл., покрытый главным образом французским и чехословацким капиталом, на строительство из советских материалов так называемой буковинской железной дороги длиной в 200 миль [3. Оп. 28/2. Д. 333. Л. 76–77].

Следует полагать, что многочисленные данные о подписании в конце марта 1937 г. советско-румынского договора означали, что началась фактическая реализация этого плана. Следовательно, румынская сторона, несмотря на все старания польской дипломатии воспрепятствовать, пошла на правовое оформление договоренности с Москвой о пропуске советских войск через свою территорию⁶ [27]. Это означало, что после создания стратегического железнодорожного коридора применить ст. 19 Устава Лиги Наций, предусматривавшей мирную ревизию границ, в отношении Чехословакии будет затруднительно. Бенеш был опытным политиком и, заимев такой рычаг, как защищенную правовой договоренностью железнодорожную связь с СССР, получил бы возможность исключить в отношении своей страны эту опасность. А вот шанс «перевести стрелку» на поляков, с тем чтобы западные державы предложили им решить проблему немецкого меньшинства в Польше и произвести ревизию польско-германских границ, мог представиться весьма серьезный. Ведь в подписанном польско-германском договоре о нацменьшинствах от 5 ноября 1937 г. не было подтверждено существовавшее ранее *status quo* по Данцигу и положению немцев на западе Польши, что позволяло Гитлеру в любой момент поставить эти вопросы [1. С. 353]. Поэтому, заполучив в свое распоряжение буковинскую железную дорогу, чехословацкий президент мог попытаться шантажировать англичан и французов, в том числе и разыгрывая «советскую» карту. Скорее всего поляки не согласились бы на ревизию своих границ и в результате славянские Варшава и Прага могли пойти на взаимное сближение и более тесное сотрудничество с СССР, отношения которого с Германией в тот момент были весьма прохладными.

Ю. Бек не мог не понимать эту неприятную для его страны перспективу. 25 апреля 1937 г. он дал интервью представителю итальянского агентства Стефани, в котором призвал к созыву международного совещания для нового урегулирования вопросов сотрудничества европейских государств [28. S. 311]. Польский министр указал на необходимость изменения Устава Лиги Наций с учетом изменений в международной жизни. В заключение Бек заявил, что сказанное им «не

⁶ В официальном сборнике дипломатических документов, выпущенном МИД РФ и МИД Румынии в 2000 г., этот документ не опубликован.

должно рассматриваться как выступление против каких-либо идеалов, а всего лишь как реалистическая оценка существующего положения вещей» [2. Vol. III. S. 253]. Польский министр иностранных дел не мог не понимать, что через год-другой, когда окончится срок действия секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г. [1. С. 211–213, 295, 386], может выясниться, что польско-германская декларация от 26 января 1934 г. для Гитлера ничего уже не значит. Практически повлиять на создавшуюся ситуацию Бек был не в силах, поэтому ему оставалось лишь призывать к пересмотру Устава Лиги Наций – он, конечно же, имел в виду ст. 19.

Внешнеполитические построения Бенеша свидетельствовали о том, что он умел смотреть на вещи глубже, чем правительство Польши. Весна 1935 г. показала, что помочь защитить ЧСР от территориальной ревизии реально проявил готовность лишь СССР. Поэтому весной 1937 г., когда планы создания советско-чехословацкого стратегического коридора через румынскую территорию были переведены в практическую плоскость, Бенеш чувствовал себя намного спокойнее и увереннее, по сравнению с Беком. Однако верный чувству самосохранения он тщательно скрывал свой просоветский курс не только от западных, но и от своих дипломатов, камуфлируя его видимостью различных комбинаций с другими странами. В разосланной 9 мая 1937 г. инструкции дипломатическим учреждениям за границей, где разъяснялось отношение Чехословакии к возможным международным комбинациям, назывались восемь европейских государств, но Советский Союз не был упомянут [29. С. 282].

Тактику Бенеша следовало признать весьма разумной – он укреплял военно-стратегическое сотрудничество с СССР, а Западу постоянно демонстрировал свою готовность к ведению с ним диалога. Строительство стратегической магистрали через румынскую территорию приобретало для него в тот период неимоверную важность, так как давало шанс избежать территориальной ревизии государственных границ.

Польское руководство стремилось всячески привлечь румын на свою сторону – в июне 1937 г. Румынию посетили президент И. Мосцицкий и министр Ю. Бек, а во время ответного визита короля Кароля в Варшаву в июле 1937 г. ранг дипломатических представительств был поднят до уровня посольств [26. S. 212]. Официальные лица при случае не упускали возможность осведомиться, насколько далеко зашло советско-румынское сотрудничество. В третьей декаде июля 1938 г. в Бухарест на похороны королевы-матери в качестве представителя президента Польши И. Мосцицкого отправился граф Шембек. 26 июля в ходе длительной беседы он пытался убедить румынского министра иностранных дел Н. Петреску-Комнена в необходимости улучшения отношений с Венгрией, что вызвало у последнего ряд возражений. Когда же заместитель Бека попытался выяснить, насколько верны слухи о том, что Румыния готова предоставить советским войскам право прохода для выполнения обязательств по советско-чехословацкому договору, реакция главы бухарестского МИД оказалась, по меньшей мере, странной. Он категорически заявил, что Румыния не пропустит через свою территорию ни одного советского солдата, но добавил, что говорит это не как министр иностранных дел, а «как господин Комнен» [12. S. 429].

Слова главы румынского МИД свидетельствовали о том, что Румыния стремилась прежде всего в максимальной степени соблюсти свои экономические интересы: развитие инфраструктуры страны. Дорога шла от Тирасполя до Кымпулунга, откуда была построена совершенно новая магистраль длиной 60 миль, пересекав-

шая Карпаты в направлении Закарпатской Украины и проходившая через Трояна Стампи, Борша и до Валеа Вишэулуй. Здесь линия разветвлялась: одна ветка шла на север к городу Ясиня на границе с Польшей и была известна как Ясинская железная дорога. Другая – к Сигету, где она пересекала границу Закарпатской Украины примерно в 40 милях к востоку от Хуста. Несмотря на то что румынский король Кароль высказывал открытое недоверие Москве, он не противодействовал прокладке этой железной дороги, более того, «работы производились строго под охраной жандармерии и самолетов» [3. Оп. 28/2. Д. 333. Л. 75].

К началу сентября 1938 г. оставались недостроенными около 10 миль. Следует полагать, что чехословацкое руководство было заинтересовано в том, чтобы дорогу ввести в эксплуатацию до наступления холодов, т.е. в октябре – ноябре. Возможно, что завершение строительства позволило бы президенту Бенешу занять более жесткую позицию в отношении требований западных держав уступить Гитлеру в судетском вопросе.

Усиление стратегических позиций ЧСР не входило в планы великих держав. Еще весной 1936 г. британское руководство проявило интерес к региону возможной прокладки стратегической железнодорожной магистрали. 15 апреля 1936 г. польский резидент сообщал из Закарпатья, что под видом учителя английского языка в Ужгород прибыл капитан британской разведки Стенли Мортон [21. Оп. 3. Д. 360. Л. 147]. К осени 1938 г., когда до завершения строительства буковинской железной дороги оставалось не более двух десятков миль, влиятельные английские политики осознали, что промедление в решении «судетского вопроса» для них подобно смерти. Как известно, 15 сентября 1938 г. британский премьер Н. Чемберлен летал в Германию, где имел трехчасовую беседу с Гитлером в Берхтесгадене. Вернувшись оттуда и посоветовавшись со своим неофициальным уполномоченным в Чехословакии У. Ренсименом и главой Форин Оффис Э. Галифаксом, он пригласил в Лондон французского премьера Э. Даладье и министра иностранных дел Ж. Боннэ. В течение 18–19 сентября 1939 г. ими был принят ряд политических решений, в том числе относительно Чехословакии. В телеграмме, отосланной в Прагу британскому посланнику, Галифакс просил сообщить Бенешу, что лондонское совещание считает целесообразным решение чехословацкого кризиса путем передачи Судетской области Германии [2. Vol. III P. 404–406].

Однако президент Бенеш не собирался так просто сдаваться, и 20 сентября в 19 ч. 30 мин. посланникам Англии и Франции был вручен ответ Чехословакии. Прага просила пересмотреть решение Лондона и Парижа и передать вопрос на арбитражное разбирательство в соответствии с германо-чехословацким договором 1925 г. 21 сентября в 2 ч. ночи Бенеш был поднят с постели приходом посланников Великобритании и Франции. Это был уже пятый визит Б. Ньютона и Делакура на протяжении суток. Они предъявили ультиматум, в котором от имени своих правительств потребовали немедленной и безоговорочной капитуляции Чехословакии. Бенешу пригрозили, что в случае отказа «весь мир признает Чехословакию единственной виновницей неизбежной войны». Ему также объявили, что его шаг мог нарушить англо-французскую солидарность: ведь если Париж и придет на помощь Праге, то Лондон не вступит в войну [16. С. 635]. Затем посланники добавили: «Если же чехи объединятся с русскими, война может принять форму крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции трудно будет остаться в стороне» [16. С. 635]. Бенеш предложил дипломатам изложить их требования в письменном виде, чтобы иметь официальный документ, подтверждающий нарушение Францией союзного дого-

вора, чехословацкому правительству. Это также позволяло выиграть время. Буковинская железная дорога, которой предстояло соединить Советскую Украину с Чехословакией, была его последней надеждой уберечь чехословацкие границы от их ревизии Германией⁷.

Президент Бенеш попытался максимально оттянуть время, чтобы дождаться окончания строительства буковинской железной дороги. Он постоянно поддерживал связь с советским полпредом. 20 сентября Александровский по телефону передал Бенешу во время заседания чехословацкого кабинета известие о готовности правительства СССР оказать помощь ЧСР [20. Т. XXI. С. 500]. Чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер заверил заместителя наркома иностранных дел СССР В. Потемкина в том, что Прага считает пакт с СССР действующим, и просил его сохранять «постоянную бдительность и готовность» [29. С. 442]. Через пару дней Бенеш решил сменить правительство Годжи, заверив Англию и Францию в том, что принятый ультиматум не будет отвергнут. Новое правительство возглавил военный – генерал Сыровы [32. С. 414]. 23 сентября в Чехословакии была объявлена мобилизация. В этот же день было приостановлено железнодорожное сообщение с Польшей, а также телеграфная и телефонная связь вследствие мобилизационных мероприятий. В качестве ответной меры Польша 25 сентября объявила о приостановлении воздушного сообщения между Варшавой и Прагой, сделав исключение лишь для самолета, на котором было доставлено послание Бенеша президенту Мосцицкому [12. С. 472].

В то же время Бенеш понимал, что не следует раздражать Берлин излишней воинственностью, а, наоборот, демонстрировать готовность к уступкам. 25 сентября сотрудник МИД Я. Смутны и генерал Блага из канцелярии президента дали понять германскому дипломатическому представителю в Праге А. Хенке, что правительство готово пойти на значительные уступки, если будет уверено, что Германия согласится с существованием уменьшенного чехословацкого государства [31. С. 423]. Стремясь смягчить впечатление от проведенной мобилизации, сам Бенеш дал указание ни в коем случае не ставить под сомнение согласие правительства на англо-французский ультиматум [31. С. 426–427]. Действия, предпринятые чехословацким президентом, свидетельствовали о том, что он готовился к иному варианту развития событий. Но для этого нужно было время, в том числе и для завершения строительства буковинской железной дороги. Но у Бенеша его не оказалось.

Советский Союз, внимательно следивший за развитием чехословацкого кризиса, серьезно готовился оказать военную помощь своему союзнику. Еще 26 июня 1938 г. в соответствии с решением Главного военного совета РККА Белорусский и Киевский военные округа были преобразованы в особые военные округа, в которых началось срочное формирование шести армейских групп и усиленное пополнение этих округов личным составом, боевой техникой, боеприпасами и горючим [32. С. 219].

В связи с сентябрьским кризисом в Чехословакии Москва предприняла ряд решительных мер, чтобы при необходимости оказать Праге немедленную помощь военными средствами. 21 сентября Военный совет Киевского особого военного

⁷ Английский журнал «New statesmen and nation» поместил в номере от 8 апреля 1939 г. статью под заголовком «Буковинская железная дорога». Ее автор некто Филип Сэнт, под этим псевдонимом вполне мог скрываться капитан С. Мортон, писал: «Как раз перед Мюнхеном сообщалось, что 4 тыс. дополнительных рабочих спешно строят последние 10 миль этой железнодорожной линии, которые должны были соединить ее с чехословацкой железнодорожной сетью».

округа получил директиву наркома обороны К. Ворошилова о создании у государственной границы группировки войск в составе трех стрелковых, трех кавалерийских дивизий, четырех танковых и одной мотострелковой бригад и семи авиационных полков [33. С. 6]. В тот же день Воронежская авиационная армия получила приказ перебазируться в район Белой Церкви и Умани [32. С. 221]. 22 сентября оперативная группа штаба Киевского особого военного округа во главе с командующим С. Тимошенко перебазировалась из Киева в Проскурров (Хмельницкий). 23 сентября нарком обороны отдал директиву Военному совету Белорусского военного округа о приведении в боевую готовность и выступлении утром следующего дня в районы сосредоточения вблизи границы пяти стрелковых, трех кавалерийских дивизий и трех танковых бригад [33. С. 6–7]. Одновременно Калининскому военному округу было дано указание выдвинуть к границе 67-ю стрелковую дивизию. Ленинградский, Калининский, Белорусский, Киевский, Харьковский и Московский военные округа привели в боевую готовность систему противовоздушной обороны. Таким образом, по указанию из Москвы были приведены в боевую готовность один танковый корпус, 30 стрелковых и десять кавалерийских дивизий, семь танковых, одна мотострелковая и 12 авиационных бригад, семь укрепленных районов, а в ПВО – два корпуса, одна дивизия, две бригады, 16 полков и ряд отдельных зенитных артиллерийских дивизионов [33. С. 7]. Другими словами, соединения и части Красной Армии, готовые выступить на помощь Чехословакии, были приблизительно равны вооруженным силам ЧСР, а вместе с ними имели значительный перевес над силами вермахта.

В предмюнхенские и мюнхенские дни Советский Союз продолжал проводить военные мероприятия. 28 сентября начальник Генерального штаба Б. Шапошников, выполняя указания правительства, направил срочные телеграммы в Ленинградский, Белорусский, Киевский, Харьковский, Орловский, Калининский, Московский, Приволжский, Уральский, Северо-Кавказский и Закавказский военные округа с приказанием «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до особого распоряжения из рядов армии не увольнять» [33. С. 7–8]. 29 сентября Ленинградский, Белорусский и Киевский военные округа получили указание в двухнедельный срок призвать на учебные сборы приписной рядовой и младший начальствующий состав для 17 стрелковых дивизий, для управлений трех танковых корпусов, 22 танковых и трех мотострелковых бригад и 34 авиационных баз. Приписной командно-политический состав призывался также во все дивизии и полки Калининского, Харьковского, Орловского, Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов. «Частичное отмобилизование войск коснулось не только наших западных приграничных округов, но и внутренних округов вплоть до Урала. В армию было призвано в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава» [33. С. 7–8].

Сведения о серьезной готовности Советского Союза оказать военную помощь ЧСР подтверждаются дипломатическими и архивными источниками. 29 сентября посланник Фирлингер писал из Москвы главе чехословацкого МИД Крофте: «Как вчера сообщил мне с радостью Кулондр⁸, советский военный атташе в Париже заявил, что Советский Союз на западных границах имеет 30 полных дивизий, находящихся в боевой готовности, не считая технических частей, которые готовы немедленно начать операции» [34. С. 145]. В апреле 1939 г. Бенеш, находясь в

⁸ Кулондр – французский посол в Москве.

США, заявил в беседе с корреспондентом газеты «The Daly Mail»: «Советский Союз в сентябре 1938 г. был готов выполнить все свои обязательства в отношении Чехословакии. Больше того, СССР был готов оказать помощь, даже если бы Франция и Англия остались в стороне» [3. Оп. 28/2. Д. 333. Л. 90].

Таким образом, СССР, с которым чехословацкий президент был склонен связывать спасение государственных границ от ревизии, находился в полной боевой готовности. В связи с нехваткой времени из-за разразившегося судетского кризиса вышла заминка с завершением строительства буковинской железной дороги, но многое, что зависело от него, Бенеш предпринял и упреков, скорее всего, не заслужил. Он отдавал себе отчет в том, что его стране следует реально учитывать возможности великих держав. Однако, находясь между Западом и Востоком, сложно сманеврировать так, чтобы угодить и тем, и другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
2. Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). Londyn, 1964. Т. I; Londyn, 1969. Т. III.
3. ГА РФ. Ф. 4459.
4. Ort A. Malá dohoda a Mnichov // Československý časopis historický. 1954. Roč. II. № 2.
5. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М., 1966.
6. Мировое хозяйство и мировая политика. 1936. № 10.
7. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Washington, 1949. Ser. D. Vol. I.
8. Batowski H. Koniec Matej Ententy // Przegląd Zachodni. 1951. № 3–4.
9. Mackiewicz S. O jedenastej, powiada aktor, sztuka jest skończona. Polityka Józefa Becka. Londyn, 1942.
10. Mikulicz S. Wpływ dyplomacji sanacyjnej na obalenie Titulescu // Sprawy Międzynarodowe. 1959. № 7–8.
11. Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs de la IIIe République. Paris, 1946. Т. II.
12. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
13. Szembek J. Journal 1933–1939. Paris, 1952.
14. Batowski H. Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 r. // Kwartalnik Historyczny. 1958. № 65.
15. Gazeta Polska. 1936. 31 VIII, 16 IX.
16. История дипломатии. М., 1965. Т. III.
17. Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 1961.
18. Polska a zagranica. № 2. 1936.
19. Sommer T. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935–1940. Vom Antikominternpakt zum Dreimächtepakt. Tübingen, 1962.
20. Документы внешней политики СССР. М., 1974. Т. XIX; М., 1977. Т. XXI.
21. Российский государственный военный архив. Ф. 308к.
22. Внешняя политика Чехословакии. 1918–1939. М., 1959.
23. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. 2. T. V. P., 1968.
24. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15.
25. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Baden-Baden, 1950. Ser. D. Bd. I.
26. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
27. Советско-румынские отношения. Т. II. М., 2000.
28. Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1939. Warszawa, 1939.
29. Кизченко А.Ф. Внешняя политика Чехословакии накануне Второй мировой войны (май 1935 г. – март 1939 г.). Дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. Киев, 1972.
30. Documents on British Foreign Policy. London, 1949. Ser. III. Vol. II.
31. Král V. Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935–1939. Praha, 1970.
32. Грылев А.Н. Накануне и в дни Мюнхена // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918–1939. М., 1968.
33. Захаров М.В. Накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1970. № 5.
34. Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.

© 2010 г. Л.М. АРЖАКОВА

ДОЛГАЯ ПАУЗА ПОСЛЕ БЛИСТАТЕЛЬНЫХ УСПЕХОВ: РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛОНИСТИКА НА ИСХОДЕ XIX ВЕКА

Приходится констатировать, что в дореформенный период польская тема была представлена в отечественной историографии крайне скупо, хотя интерес к предмету (по отношению к которому во многом уже выработались определенные стереотипы) подогревали такие волновавшие русское общество события, как создание конституционного Царства (Королевства) Польского или восстание 1830–1831 гг. В трудах Н.М. Карамзина, П.А. Муханова, М.П. Погодина, других авторов рассматривались отдельные сюжеты из польского прошлого, но почти исключительно в контексте русской истории. Можно сказать, что тогда историки пребывали только на подступах к углубленному изучению прошлого страны, судьба которой теснейшим образом переплелась с судьбой России. При этом особо надо выделить основанные на архивных разысканиях обширные польские экскурсии в регулярно выходивших, начиная с 1851 г., томах «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева.

Долгая подготовительная работа дала свои результаты: с 1860-х годов начинается качественно новый период в развитии полонистики. Он ознаменован выходом в свет монографий В.И. Герье, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, А.С. Трачевского и других ученых, появлением статей и публикаций источников. Разнородных и по своей проблематике, и по научному уровню изданий в эти годы было так много, что среди них смогло как-то затеряться, совершенно выпасть из поля зрения будущих историографов даже такое крупное произведение, как «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину» Н.И. Павлицева (СПб., 1878).

В последующее десятилетие XIX в. отечественная полонистика пополнилась исследованиями И.А. Линниченко, М.А. Чистовича, В.А. Мякотина, Н.Н. Любовича и др. Заметный резонанс вызвало появление цикла «польских» работ Н.И. Кареева – «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (М., 1886), «Исторический очерк польского сейма» (М., 1888) и др. Среди кареевских книг и статей особый интерес представляет уникальная по охвату материала, до сих пор не утратившая своего значения монография ««Падение Польши» в исторической литературе» (СПб., 1888), – не случайно вскоре после выхода в свет появится ее перевод на польский язык (Краков, 1891).

Аржакова Лариса Михайловна – канд. ист. наук, доцент СПбГУ.

Статья подготовлена при поддержке стипендиального фонда Музея истории Польши (Варшава).

Нельзя не заметить, что если информация и идеи Н.И. Кареева все же в значительной мере строились на трудах М. Бобжиньского, Т. Корзона и других польских авторов, то монографии Н.Н. Любовича – «История реформации в Польше: Кальвинизм и антитринитариизм» (Варшава, 1883) и «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» (Варшава, 1890) – являли собой оригинальные, посвященные малоизученной (в том числе, в самой польской историографии) проблеме исследования, в основу которых были положены впервые вводимые в научный оборот архивные материалы.

В последнее десятилетие XIX в. работ на польскую тему появилось тоже немало – хотя и меньше, чем в 1880-е годы. В то же время, едва ли имеет смысл производить строгие статистические подсчеты и сопоставлять количество книг и статей или их листаж с данными за предыдущий период. Но обращает на себя внимание, что после 1890 г. заметно сокращается число трудов по истории Польши, которые оставили бы заметный след в науке, обозначив собой поступательное движение исторической мысли.

В эти годы, как и прежде, в центре внимания тех, кто писал о Польше, преимущественно оказывались польско-русские отношения, трактуемые, как правило, в великодержавном духе. Впрочем, удивительного здесь мало. Появлению такого рода сочинений способствовали знаменательные годовщины – журналисты и историки никак не могли обойти молчанием столетие второго (1793) и третьего (1795) разделов Речи Посполитой. Эти даты стали дополнительным стимулом к появлению новых работ по истории гибели польского государства и к подведению некоторых итогов пребывания земель бывшей Речи Посполитой под сенью империи Романовых.

Для подобной литературы вполне типична книга А.П. Липранди «“Отторженная возвратих”: Падение Польши и воссоединение западнорусского края» (СПб., 1893). Автор не ограничился традиционной ссылкой на правомочность присоединения западнорусских земель к Российской империи в силу того, что «Западная Русь – древнейшая колыбель русского православия [...] край, где, можно сказать, основалась Русь». Липранди настаивал, что лишь «заботами и могуществом нашей великой императрицы [...] западнорусский народ был освобожден от позора и унижения, вступил в новую жизнь и начал возрождаться духовно, нравственно, политически, экономически». На его взгляд, «ни крепостное право, ни татарское иго не могут даже сравниться с тем рабством, какое довелось перенести западнорусскому народу во время нахождения его под польским владычеством» [1. С. 3–5].

В распространении казенных представлений усердствовал и П.Д. Брянцев (1845–?), преподаватель Виленского реального училища. Одно за другим появлялись его компилятивные, но проникнутые верноподданническими чувствами сочинения: «Польский мятеж 1863 г.» (1891), «Очерк падения Польши» (1895), «Очерк состояния Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г.» (1895) и др.

Сочинения, подобные писаниям Липранди или Брянцева, численно заметно преобладали. Однако показательно, что и в те годы находилось место трезвому скепсису. Свою трактовку екатерининской политики в отношении диссидентов Речи Посполитой предложил, например, Н.Д. Чечулин в монографии «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774» (СПб., 1896). С опорой на документы он показал, что Н.И. Панин, глава Коллегии иностранных дел, рассматривал вопрос о положении диссидентов «чисто с государственной

точки зрения, как средство водворить в Польшу влияние России» [2. С. 260] и в своих не предназначенных для публики высказываниях бывал крайне циничен. Нимало не смущаясь, граф прямо разъяснял Н.В. Репнину, что «главное правило, которое как сначала было, так теперь есть», это – «чтобы совершить диссидентское дело не для распространения в Польшу нашей и протестантской веры, но для приобретения себе [...] единожды и навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах» [2. С. 260]. Больше того, руководитель внешнеполитического ведомства Екатерины, как отмечал Чечулин, считал «невыгодным излишнее распространение прав диссидентов-православных, достижение для них слишком многих удобств и выгод, настолько, чтобы они не нуждались в помощи России и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться в Польшу», ибо это, по мнению Панина, непременно вызвало бы «значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседственных русских губерний» [2. С. 262].

Под тем же углом зрения подходил к диссидентской проблеме и В.О. Ключевский. Специально об истории Польши он, как известно, не писал, но весьма примечательна сама позиция знаменитого ученого в этом вопросе. Вопреки распространенному (и всемерно поощряемому властями) представлению, историк доказывал, что диссидентский и национальный вопросы были для Екатерины II не более, как предлогом для вмешательства в польские дела. Так, в своих «Лекциях по истории России» он не упустил случая подчеркнуть: именно из России, от ее самодержавно-дворянского управления «издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее» [3. С. 51].

Однако никому, и В.О. Ключевскому в том числе, так и не удавалось серьезно поколебать прочно укоренившиеся, и поощряемые свыше, представления о том, что в основе екатерининского подхода к польскому вопросу лежала человеколюбивая забота о диссидентах, о простом народе в первую очередь. Не мешает, говоря об этом, напомнить, что тиражируемые консервативной дореволюционной литературой стереотипы по поводу внешней политики Екатерины II оказались живучими и так или иначе дают о себе знать в публицистике и научной литературе даже XXI в.

Хотя в том, что касается наиболее распространенной в дореволюционной литературе трактовки диссидентского вопроса, ситуация все-таки была не столь однозначной. Во всяком случае, один из всегдашних приверженцев официальной линии – М.О. Коялович в трактовке диссидентской проблемы вышел далеко за рамки официозного подхода. По его словам, «вопрос о всех так называемых диссидентах» был попросту выгоден русскому правительству, которое «тем крепче держалось его [...] что он упрочивал его [русского правительства] влияние на Польшу и закреплял союз с Пруссией, хитро воспользовавшейся таким оборотом дел» [4. С. 22]. Ученый, как видим, акцентировал именно политическую составляющую диссидентского дела. Обращает на себя внимание и то, что комментарий М.О. Кояловича по поводу Пруссии, «хитро воспользовавшейся таким оборотом дел», лишний раз подтверждал его склонность подчеркивать коварство Берлина (хоть и союзника Петербурга).

Среди появившихся в 1890-е годы работ, безусловно, есть интересные, содержательные книги и статьи. Однако это не меняет общего вывода: в последнее десятилетие XIX в. в полонистике наблюдается не просто количественный спад, происходившие тогда перемены носили не столько количественный, сколько ка-

чественный характер: практически не появлялось исследований, которые бы стали заметными вехами на пути поступательного движения русской полонистики.

Знакомясь с отечественной полонистикой конца позапрошлого века, нельзя не заметить, что после 1890 г. не получили заметного продолжения труды Н.И. Кареева и Н.Н. Любовича. Отголоском прежних студий Н.Н. Любовича стала лишь его брошюра «Люблинские вольнодумцы: Анабаптисты и антитринитарианцы» (Варшава, 1902). Помимо этого, можно назвать разве что пару работ сугубо информативного или научно-популярного характера: обзор «Польская историческая литература 1896 г.» [5], юбилейную брошюру «Грюнвальдская битва» (Варшава, 1911). Н.И. Кареев опубликовал «Отзыв о сочинении проф. Любовича под заголовком “Начало католической реакции и упадок реформации в Польше”» [6], дважды выступил в печати по поводу монографии Н.Д. Чечулина о внешней политике Екатерины II [7], поместил в «Revue historique» своего рода автореферат собственной монографии 1888 г. о «падении Польши», не раз писал о прошлом Польши в своих обзорных трудах – «Истории Европы в новое время» и др. Откликался он также на текущие польские события – преимущественно в газетных статьях, которые в начале XX в. вошли в книгу «Polonica: Сборник статей по польским делам (1881–1905)» (СПб., 1905).

По сравнению с тем, что было сделано этими двумя выдающимися нашими полонистами в течение 1880-х годов, бросается в глаза резкий спад. И при этом ни тот, ни другой вовсе не отошли от научной работы. Любович, вполне адаптировавшийся к русификаторским порядкам в Варшавском университете, по-прежнему там преподавал и, по всегдашней своей неторопливой манере, понемногу печатался. Кареев, в свое время проработавший в том же Варшавском университете пять лет, перебрался в Петербург и там продолжал трудиться. Один лишь перечень печатных трудов, опубликованных им за десятилетие 1891–1900 гг., займет в его библиографическом указателе два десятка страниц [8. С. 45–68]. Создается впечатление, что оба ученых попросту потеряли всякий интерес к столь активно разрабатываемым ими еще совсем недавно проблемам польской истории и переключились на другие темы.

Такие перемены можно было бы счесть не более, чем фактами творческой биографии видных ученых. Бесспорно, в выборе проблематики для книг и статей, в изменении направленности научных занятий и их интенсивности большую роль могли сыграть личные пристрастия, а также житейские обстоятельства, да и всякого рода случайности.

Но если отход этих двух выдающихся ученых от углубленных разысканий в области польской истории рассматривать не обособленно, не изолированно, а в общем контексте движения полонистики на протяжении последней трети XIX в., то ситуация будет выглядеть иначе. Появляются основания предполагать, что здесь – наряду со всякого рода случайными моментами – проявляли себя и некие закономерности. В таком случае перед историографом неизбежно встает вопрос: чем объяснить то продолжительное затишье, своего рода паузу, которая на склоне XIX в. сменила собой динамичное, результативное развитие этого направления исторической науки, характерное для трех пореформенных десятилетий?

Конечно, в какой-то мере здесь, по-видимому, могла сказаться смена поколений. В 1890-е годы в полонистику пришло, так сказать, молодое пополнение, которому необходимо было время, чтобы набраться опыта и весомо заявить о себе. В этом отношении достаточно показательны первые шаги в науке двух в будущем весьма известных историков, олицетворявших собой разные, не будет

большим преувеличением сказать – диаметрально противоположные, тенденции в развитии полонистических студий.

Один из них – Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), со временем заслуженно приобрел репутацию знатока истории Великого княжества Литовского и Польши. Его успешную научную карьеру увенчало избрание в 1929 г. академиком. Тогда же, в интересующую нас пору, начинающий исследователь, в 1882 г. окончивший историко-филологический факультет Московского университета, успел издать лишь свою первую книгу «Областное деление и областное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892), и защитить ее как магистерскую диссертацию (1894).

Что касается непосредственно польских сюжетов, то им были посвящены три статьи, помещенные в третьем томе «Книги для чтения по истории средних веков» под редакцией П.Г. Виноградова (М., 1899). «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше», «Польский король Казимир Великий» и «Нешавские статуты Казимира Ягеллончика» демонстрировали хорошее знание литературы вопроса, можно также отметить утверждение автора: «Благодетельным лекарством была для Польши немецкая колонизация» [9. С. 447], которое шло вразрез с превалирующими в российских работах XIX–XX вв. оценками. Как известно, и сама немецкая колонизация, и ее последствия оценивались преимущественно негативным образом. Все это вместе, взятое априорно, трактовалось как одно из проявлений немецкого натиска на Восток, как «скрытая форма немецкой агрессии»...

Полонисты знают М.К. Любавского прежде всего как автора «Истории западных славян» (М., 1917, 2-е изд. – 1918). Книга, к которой охотно обращаются по сей день (репринт – М., 2004), выросла из курса, на протяжении многих лет читавшегося приват-доцентом, а затем профессором Московского университета. Одним из первых слушателей этого курса был В.И. Пичета, будущий основатель кафедры истории южных и западных славян в МГУ, академик [10]. Вспоминая в начале 1930-х годов о своем студенчестве (1897–1901), он отдал М.К. Любавскому должное как наставнику. Отметив, что тот «был прекрасный преподаватель, и занятия под его руководством мне дали много в отношении метода работы над источником и его использования [...] Все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом», Пичета, вместе с тем, счел возможным заявить, что, по его мнению, «лектор Любавский был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян». Правда, мемуарист делал поправку на общий уровень университетского преподавания тех лет, а также на то, что данный курс, «составленный по польским и чешским пособиям», был из всех читаемых в те годы курсов по истории славян все-таки наиболее удовлетворяющим требованиям тогдашней науки, и в нем не было великорусского шовинизма. Но вывод, к которому приходит Пичета, тем не менее, категоричен: «Дальше описания Любавский не шел, какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому» [11. С. 55].

Изданная примерно в те же годы, о которых идет речь, лекция «Политический строй Польши после Люблинской унии» (М., 1901), как и позднейший печатный текст «Истории западных славян», вполне подтверждает справедливость оценки, какую дал читаемым на рубеже XIX–XX вв. лекциям Любавского их давнишний слушатель.

М.К. Любавский, верный ученик Н.А. Попова, принадлежал к тому направлению в исторической науке, которое видело свою основную задачу в сборе эмпирического материала и его систематизации. Впрочем, установка на эмпири-

ку – совсем не обязательно так четко выраженная, как у Любавского, – отнюдь не исключала политической ангажированности трудов, использования в них априорных построений, ориентации на стереотипы. Работы такого рода, во все эпохи составляющие немалую часть научной продукции, могут быть полезными, даже интересными, но они меньше всего были способны чем-либо вдохновить историческую мысль.

Существенно иной характер с самого своего начала носила ученая деятельность другого представителя «молодого поколения» – Александра Александровича Корнилова (1862–1925). Даже в кратких биографических справках о нем обычно не упускают случая упомянуть, что, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, А.А. Корнилов – вместе со своим другом детства В.И. Вернадским, а также с С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургами, И.М. Гревсом и др. – входил в кружок, оставивший заметный след в интеллектуальной жизни России. Многие из членов кружка – включая самого А.А. Корнилова – стали позднее не только выдающимися учеными, но и видными деятелями партии конституционных демократов.

Как полонист-аграрник, Корнилов привлек к себе внимание публикацией в журнале «Русская мысль» за 1894 г. цикла статей, которые позднее целиком вошли в его труд «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России» (СПб., 1905). Важно подчеркнуть, что молодой автор не понаслышке знал предмет своего исследования. После защиты магистерской диссертации «О значении общинного землевладения в аграрном быту народов» (1886) он был назначен комиссаром по крестьянским делам в один из уездов Радомской губернии Царства Польского и прослужил там до весны 1892 г. [12. С. 189].

Для нашей темы основной интерес представляют исторические разделы, предпосланные анализу состояния деревни Царства Польского в пореформенные десятилетия. Внимательный читатель без труда мог заметить, что первый раздел, охватывающий период от возникновения крепостного права до попыток ограничения его в Речи Посполитой, был целиком основан на русской и польской литературе вопроса, в ту пору все еще весьма небогатой. Пожалуй, точнее даже будет сказать, что проблема эта оставалась практически неизученной. Корнилов здесь главным образом опирался на книги Т. Любомирского и В.В. Мякотина. Вслед за предшественниками он поставил акцент на раннем возникновении крепостничества в Польше и его близости к рабскому состоянию. Первые, зафиксированные в документах, ограничения передвижения крестьян автор отнес к середине XIV в. Что же касается статута первой половины XVI в., то, по его словам, они устанавливали уже «полное господство помещика над личностью крестьянина» [13. С. 95]. При этом молодой исследователь целиком присоединился к утверждению Тадеуша Любомирского: «С этого времени кметь, оседлый, как и неоседлый, порознь или вместе с семьей, мог быть продан, заложен, подарен или отказан духовным завещанием» [14. С. 9].

Корнилов, судя по всему, не задавал себе вопросов, насколько были объективны критические суждения современников, на которые ссылались его предшественники, и как соотносилась практика XVI–XVII вв. с буквой закона. Собственно, такое легкое верие характерно практически для всей тогдашней русской и польской историографии. Кроме того, следует учитывать, что вообще в России сильно акцентировалась, нередко – заметно преувеличивалась, тяжесть крепостнического гнета в польском государстве. Этому содействовало укорененное в русском обществе представление о крепостном праве в России екатерининских

времен как о некоем эталоне крестьянской зависимости в эпоху раннего Нового времени – и потому в подобном же ключе трактовались аграрные порядки и в Польше. Вероятно, сказывалось и всегдашнее сочувствие русского общества к престолярью Речи Посполитой – примечательно, что не только либералы, но и консервативно настроенные, идеализирующие положение российских крепостных авторы, с готовностью обличали угнетение народа польской шляхтой. В итоге появлялись утверждения вроде не вызвавшей никаких сомнений у Корнилова вышеприведенной цитаты из Любомирского, хотя на самом деле торговли крепостными душами «порознь или вместе с семьею» в Речи Посполитой, как позднее убедилась наука, никогда не было (продавали землю вместе с сидящими на ней крестьянами).

Однако не приходится забывать о том, что бесхитрое доверие к явно тенденциозным суждениям Анджея Фрыча Моджевского и других авторов XVI в. сохранялось в нашей полонистике в течение почти всего XX в. Лишь ближе к последней четверти XX ст. произошел пересмотр устоявшихся представлений о положении тогдашней деревни [15. С. 248–272].

Более подробно – и с большим знанием дела – Корнилов писал о попытках аграрных преобразованиях второй половины XVIII в., когда в среду польского дворянства – пусть с трудом, постепенно, – но стало проникать осознание и необходимости, и неизбежности проведения широкой крестьянской реформы. Положительно оценивая проекты Анджея Замојского и других реформаторов, ученый вместе с тем подчеркивал их малую результативность.

Любопытно, что к концепции Тадеуша Корзона, как она изложена в его классической «Внутренней истории Польши при Станиславе Августе» (1882–1886), Корнилов отнесся довольно скептически, поскольку, по его словам, у того был «более розовый взгляд на отношение шляхты к крестьянскому вопросу» [13. С. 96]. Русский историк не исключал, что коренной пересмотр традиционных представлений о полной деградации польского общества в XVIII в. Варшавской исторической школой (одним из лидеров которой был Корзон) был продиктован лишь злободневно-политическими мотивами.

Разбирая аграрный вопрос в контексте польских преобразований эпохи Просвещения, Корнилов отметил, как он решался в Конституции 3 мая 1791 г. и вскоре после. При этом русский историк подчеркнул, что «личная свобода крестьян и неприкосновенность занятой ими земли были в первый раз провозглашены в Польше накануне ее окончательного крушения Поланецким универсалом Костюшки 1794 года» [13. С. 97]. Здесь же он констатировал, что универсал этот, изданный революционным правительством, никогда не был применен на практике. Отсюда – печальный итог деятельности польских реформаторов XVIII в.: «При переходе отдельных частей Польши под власть иностранных правительств крепостное право осталось в ней в полной силе» [13. С. 97].

Говоря о Герцогстве Варшавском и Царстве Польском XIX в., Корнилов выступил уже как исследователь, хорошо знающий законодательные акты этого периода, достаточно трезво оценивающий их результативность – и потому более критично воспринимающий те суждения, какие на сей счет содержала тогдашняя литература.

В его работе были проанализированы такие сложные, неоднозначные по своим последствиям явления, как перенос на польскую, можно сказать – вполне еще феодальную, почву буржуазных правовых норм Кодекса Наполеона или издание декрета 1807 г. Основное ядро монографии составил детальный разбор этапов

российской аграрной политики в Царстве Польском на протяжении примерно восьми десятилетий, насыщенных, как известно, резкими поворотами и драматическими событиями.

Примером авторского анализа может послужить изучение указа 26 мая 1846 г., которым впервые вводилось в Царстве Польском понятие неприкосновенности крестьянской земли, – его предпосылки, соотношение с другими актами (в том числе с конституциями 1807 и 1815 гг.) и последствия. По мнению Корнилова, причиной того, что не были изданы развивающие идею этого указа акты, заменяющие, в частности, барщину очиншеванием, стало «сильное несочувствие» им со стороны высшей администрации Царства Польского «в лице императорского наместника князя Паскевича». Тот полагал, «что крестьяне в Царстве Польском уже достаточно облагодетельствованы кодексом Наполеона и указом 26 мая 1846 г., а что обязательное очиншевание – мера несправедливая относительно помещиков» [13. С. 106].

Для исследовательской манеры А.А. Корнилова весьма характерно сделанное им уточнение: на его взгляд, нельзя ограничиваться исключительно формальным подходом к правовым актам, совершенно необходимо соотнесение буквы закона с житейскими реалиями. Так, он пишет о несостоявшемся переводе деревни на чинш: «В настоящее время можно, впрочем, думать, что неисполнение этого намерения оказалось, в конце концов, в пользу, а не во вред крестьянам. Несомненно, что обязательное очиншевание, если б эта мера была принята в то время, повела бы за собой уничтожение крестьянских сервитутов, подобно тому, как это случилось в Пруссии, и в казенных имениях Царства Польского» [13. С. 106].

Работа 1894 г., безусловно, демонстрировала вкус автора к занятиям социально-экономической проблематикой и настойчивое стремление анализировать наблюдаемые им тенденции в развитии пореформенной польской деревни. Сухое перечисление фактов его никак не удовлетворяло, он искал каузальные связи между ними. Другими словами, труд А.А. Корнилова являл собой достаточно успешный опыт применения новой, перспективной исследовательской методики – абсолютно чуждой, скажем, тому же М.К. Любавскому. Вместе с тем, исследование А.А. Корнилова обнаружило и слабости, причины которых, наверное, не следует сводить только к нехватке опыта. Корниловским очеркам 1894 г. здесь отведено несколько больше места именно потому, что их недостатки, как представляется, во многом были обусловлены состоянием, в каком на исходе XIX в. находились отечественные социально-экономические изыскания по аграрной истории Польши.

Общеизвестно, что на исходе XIX – в начале XX в. в России, как и в других странах Европы, отчетливо обнаруживает себя кризис традиционной методологии, идет усиленный поиск новых путей в развитии науки. Полонистика, можно полагать, не оставалась в стороне от этого – естественного, даже необходимого, хотя трудного и болезненного – процесса. Тяга к эмпирическим изысканиям начинавшего свою научную карьеру М.К. Любавского – тяга, надо добавить, свойственная далеко не только ему одному, равно как и стремление А.А. Корнилова детально разобраться в эволюции форм крестьянской зависимости – может быть истолкована не как проявления личных вкусов, а как своего рода социальный феномен. Давно замечено, что в годы методологических переориентаций вообще сильно возрастает склонность у одной части ученых – к бесхитростной эмпирике, у другой – к проблемным изысканиям.

Весьма симптоматичным видится и то обстоятельство, что Н.И. Кареев и Н.Н. Любович, крупнейшие наши полонисты 1880-х годов, отходя от своих занятий социально-политической историей Польши, увлеклись как раз проблемами методологии и методики исторического исследования. Так, перу Н.Н. Любовича принадлежат статья «Вопрос о сущности исторического процесса» («Русская мысль», 1891, № 12) и брошюра «Статистический метод в приложении к истории» (Варшава, 1901). Н.И. Кареев, еще до того издав капитальный труд (докторская диссертация) «Основные вопросы философии истории» (т. 1–3. М., 1883–1890), продолжал живо откликаться на новации в этой области. В 1890-е годы и позднее он написал, без преувеличения, не один десяток статей и книг, касающихся методологии и методики.

Примечательно, что наблюдения над спадом интенсивности польских студий на исходе XIX в. превосходно укладываются в популярную в советской историографии, считавшуюся тогда непререкаемой, теорию кризиса так называемой дворянско-буржуазной исторической науки.

В советские годы сложная проблема, связанная с имевшими место в русской науке на рубеже XIX–XX вв. неокантианскими тенденциями и другими кризисными явлениями, решалась, как известно, предельно просто. Восхваляя любые, даже самые дилетантские, попытки приложить к историческому материалу положения марксизма, историки, и слависты в том числе, всячески третировали так называемую буржуазную историографию как науку второго сорта. Ученые – кто по доброй воле, кто вынужденно – в своих трудах руководствовались официальной установкой, согласно которой кризис в методологии – это «идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках иных решений» [16. С. 6]. Хотя, надо отметить, что и тогда не все разделяли эту точку зрения на состояние отечественного славяноведения в начале XX в. [17. С. 10].

Однако здесь может себя проявить и некоторая односторонность в подходе к предмету. Отказываясь (в угоду навязываемой сверху искусственной схеме) домысливать признаки безысходного упадка «буржуазно-дворянской» славистики, легко впасть в другую крайность, – пренебрегая действительно имевшими место в предреволюционную пору кризисными явлениями.

Нельзя не заметить, что, во-первых, по крайней мере в сфере исторической полонистики, остается недоказанным тезис о таком уж отчетливом, неустанном поступательном движении нашей отрасли. Сопоставление научной продукции 1880-х – самого начала 1890-х годов с трудами, появившимися на рубеже XIX–XX вв., не дает, как нам представляется, достаточных оснований для категорического вывода о неуклонном росте и прогрессе.

Во-вторых, обязательно ли воспринимать кризис только как полное исчерпание творческого потенциала и неуклонную деградиацию? Его ведь можно рассматривать и под иным углом зрения – как своего рода «болезнь роста». Кризис в методологии – это, прежде всего, неудовлетворенность имеющимся исследовательским инструментарием, поиск новых путей в науке. И славистические студии на рубеже XIX–XX вв., похоже, вовсе не оставались в стороне от подобных забот. Возможно, историческая полонистика – вместе со всем славяноведением – была меньше ряда других отраслей отечественной исторической науки затронута

методологическими исканиями. Однако считать ли это таким уж неоспоримым достоинством – еще большой вопрос.

Иными словами, есть, пожалуй, известные основания рассматривать наблюдаемые в отечественной полонистике на исходе XIX в., на первый взгляд, малозаметные – даже малозначительные – явления как первые симптомы тех глубоких идейных потрясений, какие – будучи осложненными политическими катаклизмами – вскоре предстояло пережить нашей славистике вместе со всей российской исторической наукой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Липранди А.П.* “Отторженная возвратих”: Падение Польши и воссоединение западнорусского края. СПб., 1893.
2. *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896.
3. *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. М., 1989. Т. 5.
4. *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873.
5. *Любович Н.Н.* Польская историческая литература 1896 г. // Варшавский дневник. Варшава, 1897. № 112–114, 129–130.
6. *Кареев Н.И.* Отзыв о сочинении проф. Любовича под заглавием «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» // Отчет о IV присуждении Академией наук премии митрополита московского Макария. СПб., 1892.
7. *Кареев Н.И.* Заметка об «исследовании» г-на Чечулина // Вестник Европы. 1897. № 1; Примечания к «ответу» г. Чечулина // ЖМНП. 1897. № 3.
8. Николай Иванович Кареев: Библиографический указатель (1869–2007). Казань, 2008.
9. Книга для чтения по истории средних веков. М., 1899. Т. 3.
10. *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX в. М., 2006.
11. *Пичета В.И.* Воспоминания о Московском университете (1897–1901) // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978.
12. Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979.
13. *Корнилов А.А.* Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском // Русская мысль. 1894. Февраль.
14. *Lubomirski T.* Rolnicza ludność w Polsce. Warszawa, 1862.
15. *Якубский В.А.* Польское крестьянство в XVI – середине XIX в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3.
16. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3.
17. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

© 2010 г. *Н. В. ШВЕДОВА*

«Я НЕ МОГ ВИДЕТЬ САМЫЕ ЧЕРНЫЕ ВЕЩИ НА СВЕТЕ».
ОЖИДАНИЕ БУДУЩЕГО В СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
ВЛАДИМИРА РАЙСЕЛА

Литература и искусство сюрреализма широко изучаются современными учеными-гуманитариями. В Советском Союзе и социалистических странах Восточной Европы этот процесс был затруднен и ограничен по идеологическим причинам. Ныне дефицит восполняется. Недавно в ИМЛИ РАН был создан «Энциклопедический словарь сюрреализма» (М., 2007). Аналогичные исследования проводятся и нашими зарубежными коллегами. Так, в Словакии видный литературовед Милан Гамада подготовил солидный том «Надреализм. Авангард-38»¹. Значение этой книги трудно переоценить. Она продолжила дело, начатое членом самой сюрреалистической группы, ученым Микулашем Бакошем – в 1969 г. он опубликовал сборник «Авангард-38», где содержались статьи М. Бакоша и его соратников, а также различные документы движения. Опираясь на книгу Бакоша, Гамада создал антологию наиболее значительных произведений словацкого сюрреализма, добавив к ним статьи критиков тех лет, выступления самих поэтов-сюрреалистов, выдержки из писем членов сюрреалистической группы, а также подробные комментарии, рассчитанные на широкого читателя. Завершает книгу содержательная статья Гамады, а также всякого рода справочные материалы. Это труд, дающий колоссальный материал для литературоведов, студентов-гуманитариев и просто любителей поэзии. Данная статья также опирается на материалы книги Гамады.

Интерес к сюрреализму в последние годы вызван осознанием значительности данного художественного направления. Как пишет российский литературовед Т.В. Балашова, «именно ему суждено было оказать самое сильное влияние на все искусство XX века [...] Так или иначе, но сам принцип – предпочтение не осмысленному, а спонтанно вылившемуся – весьма важен для понимания системы сюрреализма, а следовательно, и его особого вклада в искусство XX века» [1. С. 24, 25].

Словацкий сюрреализм, с 1939 г. получивший собственное название «надреализм», – широкое в масштабах страны движение, давшее замечательные художественные результаты. По словам литературоведа М. Бакоша, «надреализм в словацкой лирике удивительным образом развился вопреки неблагоприятным обстоятельствам Словацкого государства², стал наиболее определившимся и

Шведова Наталия Васильевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ На титульном листе указан 2006 год, но реально книга вышла в 2008 г.

² Имеется в виду Словацкое государство – сателлит Германии, существовавшее в 1939–1945 гг.

внутренне наиболее компактным движением в словацкой литературе со времен Людовита Штура и повлиял на все дальнейшее развитие нашей поэзии» [2. S. 160].

Хронологические рамки надреализма обычно очерчивают 1935–1946 гг., хотя его отзвуки ощущались до 1949 г. Поэзия надреализма представлена прежде всего такими именами, как Рудольф Фабри, Владимир Райсел, Штефан Жари, Павел Бунчак, Ян Рак, Юлиус Ленко, Ян Брезина. Их поддерживали критики-сверстники – Микулаш Бакош и Михал Поважан. Кульминация надреалистической поэзии достигается к середине 1940-х годов, а затем происходит на первый взгляд странное явление: поэты один за другим переходят на позиции социалистического реализма, теряя многое из своих творческих достижений. Дело в том, что левые убеждения членов группы побудили их искать свой общественный идеал в социалистическом будущем, причем еще до прихода к власти коммунистов в 1948 г. В 1960-е годы бывшие надреалисты станут нащупывать пути возвращения к прежней поэтике. Однако определяющую роль в развитии словацкой поэзии XX в. эти авторы сыграли в 1930–1940-е годы, что в полной мере относится к двум выдающимся поэтам – Рудольфу Фабри и Владимиру Райселу.

Фабри был первопроходцем надреализма, тогда еще называвшегося сюрреализмом. Облик нового направления формировался его книгами «Отрубленные руки» (1935), «Водяные часы часы песочные» (1938), «Я это кто-то другой» (1946). Пунктуация в стихах надреалистов отсутствовала. Фабри посвящен ряд статей, вышедших на русском языке, в частности творческий портрет в книге «Словацкая литература: XX век» (М., 2003), созданный словацким литературоведом В. Марчоком, а также две работы автора этих строк [3]. Статьи о Владимире Райселе³ и Рудольфе Фабри есть в российском «Энциклопедическом словаре сюрреализма» (автор – А.Б. Базилевский).

Творчество Райсела анализируется в нашей статье «Корни действительности, погруженные глубоко в пропасть сна» [4]. Это было мое первое прикосновение к стихам удивительного словацкого поэта. Впрочем, самое первое состоялось в процессе перевода при работе над антологией словацкой поэзии «Голоса столетий» (М., 2002). Надреалистическое творчество Райсела сосредоточено в четырех сборниках: «Я вижу все дни и ночи» (1939), «Темная венера» (опубликована с опозданием почти на тридцать лет, в 1967 г.), «Нереальный город» (1943), «Зеркало и за зеркалом» (1945). Он попытался вернуться к манере своей юности в книгах 1960-х годов: «Стихи о сне» (1962) и «Грустные наслаждения» (1966). Ранние стихотворения, символистского характера и надреалистические, Райсел хотел издать еще в 1937 г., но книга поменяла название и вышла только в 1988 г. под заглавием «Терпкие дички». М. Гамада пишет о поэте в биографической справке: «Вместе с Р. Фабри был инициатором и одним из основателей сюрреалистического, после переименования надреалистического движения» [5. S. 622]. А «критик поколения» М. Бакош отмечает, что «среди поэтов надреалистической группы Райсел наиболее последовательно и без компромиссов прослеживал в своем творчестве поэтический сюрреализм», и констатирует: «Словацкая надреалистическая группа формируется в полном смысле лишь тогда, когда после Рудольфа Фабри приходит второй поэт», т.е. Райсел [2. S. 138, 139]. Его поэма «Нереальный город» относится к вершинам словацкого надреализма.

«Корни действительности», если воспользоваться образом самого Райсела, применительно к его творческой и человеческой судьбе видятся в романтиче-

³ Фамилия поэта дана в транскрипции «Рейсел».

ском разрыве идеала и реальности, стремления к солнечной «ясности» и «тьмы» окружающего мира.

Владимир Райсел (1919–2007) родился в деревне Бродзаны, в многодетной семье ремесленника. Головокружительный взлет сельского юноши на вершину национальной литературы – типичное явление для словацкой литературы первой половины XX в. Как отмечает автор монографии о поэте Павол Плуток [6. S. 10–12], в народной школе и в гимназии, где были хорошие библиотеки, Райсел очень много читал. Сначала он знакомился с французской поэзией по переводам Чапека, потом стал читать оригиналы. Его любимыми авторами, по свидетельству Плуток, были Лотреамон, Рембо, Бретон, Супо и Реверди. Первое произведение – стихотворение в прозе – Райсел опубликовал в 1934 г. в студенческом журнале, затем печатался и в других изданиях – в том числе в журнале «Slovenské pohľady» (1936 г., стихотворение «Прикосновения», написанное еще в рамках традиции). В те же годы он знакомится с молодым критиком М. Бакошем, который поддерживает стремление юного поэта к поиску новых средств выразительности. Большое впечатление на Райсела произвела первая книга словацкого сюрреализма – «Отрубленные руки» Фабри. Так в словацкой провинции вызревает уникальный талант.

В 1937 г. Райсел заканчивает гимназию и едет учиться в Прагу, в Карлов университет, по специальности «словацкий и французский языки». Там он попадает в насыщенную художественную среду, знакомится с Ф. Галасом, В. Незвалом, К. Библом, К. Тейге, И. Штырским и Тоайен. Он также был знаком и с некоторыми словацкими единомышленниками (М. Поважаном, К. Шимончичем, Ю. Ленко, П. Бунчаком). Райсел посещал авангардные театры Праги, слушал лекции структуралиста Яна Мукаржовского. И конечно, писал стихи. Издать ранние произведения не удалось, но был опубликован при поддержке М. Бакоша «чисто сюрреалистический» сборник «Я вижу все дни и ночи». Книга не имела такого провокационного характера, как вызывающий дебют Фабри; к тому же почва уже была подготовлена, велись оживленные дискуссии о сюрреализме в словацкой поэзии. В защиту надреализма выступали прежде всего М. Поважан и М. Бакош, противником его был критик религиозно-почвеннического характера Й. Кутник-Шмалов, сдержанную позицию (иногда выступая и против) занимали М. Пишут и Й. Феликс, понимание проявляли М. Хорват и А. Мраз, крупнейшие словацкие литературоведы.

Еще до выхода дебютной книги Райсел в письмах М. Бакошу выражает противоречивые чувства по поводу будущего словацкой поэзии. Осенью 1937 г. о «коллективных усилиях» сторонников сюрреализма Райсел говорит: «Мы должны максимально поддерживать друг друга, мы должны бороться, это борьба против большинства, но борьба прекрасная, борьба против профанации искусства» [7. S. 65]. В другом письме того же времени: «Я рад, даже более чем рад, что Вы хотите что-то предпринять, что понемногу соединяется цепь рук, ведомых одинаковыми стремлениями, и я верю, что эти руки будут творческими [...] Революционность – но систематическая и активная, а не бумажная, рождает новую красоту» [7. S. 66]. Через десять дней Райсел пишет о своей решительности в приятии новой поэзии: «К сюрреалистической выразительности я пришел определенным путем, не могу удержаться от этого слова – путем болезненным [...] На пустоши бесплодных уходов и возвращений, в зените любви и ненависти высятся пальмы наших отвергнутых жизней. Моя рука дрожит. От радости. Я уже не пою, я разбрасываю радуги» [7. S. 66].

Опубликованная в 1937 г. статья Райсела «Почему вы не понимаете современ-

ной поэзии» содержит важный тезис о том, что новую поэзию надо не понимать разумом, а воспринимать, переживать, и завершается словами: «Поэзия рождается, я верю твердо в новую действительность!» [7. S. 62].

Однако уже через год, после выхода первого сборника словацких сюрреалистов «Да и нет», настроение Райсела резко меняется. Конечно, здесь сыграли роль и политические события – Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, наступление фашизма. Но для словацкого надреализма период 1938–1939 гг. – в этом сходятся все литературоведы – стал важнейшим рубежом в достижении консолидации группы и определении ее приоритетов. Во вступительной статье сборника «Да и нет» М. Бакош и К. Шимончич от лица сюрреалистов заявили, что их «да» адресовано прогрессивным тенденциям, их «нет» – культурной реакции и фашизму. В 1938 г. выходит и второй сборник Р. Фабри. А Райсел пишет Бакошу: «Подавленный, со всех сторон окруженный какой-то пустотой, я не слишком охотно берусь за перо, чтобы написать Тебе. В самом деле, мне ничего не хочется делать, все кажется напрасным, если не бессмысленным [...] Вдалеке слышны ужасная неопределенность и тяжесть неизвестного будущего. Где окажется поэзия, где – мы? И мне все больше и больше кажется, что мы можем подвести итоги всему, отшвырнуть все и молчать [...] Это не пессимизм – это самая настоящая действительность» [7. S. 72].

Параллельно Райсел публикует в журнале «Elán» программную статью «Как возникают современные стихи». Ссылаясь на Фрейда, он говорит о важности субъективных ощущений и желания в творческом процессе. В итоге: «Воображение бросает на ветер новые слова, которые ослепляют. И человек, такой как он есть, на ярких луговинах блистает в сиянии своей раскрытой жизни, где субъект работает уже не с идеями, а с неведомыми движениями, и это те движения, которые направляют шаг людей, вышедших в путь к единственной цели: проникнуть в глубочайшие пространства реальности» (цит. по [2. S. 196]).

В декабре Райсел в письме Бакошу признается: «Все действует на меня очень удручающе [...] Сегодня как раз умиряет гуманизм при победе надутого мещанства [...] Этот проклятый круговорот меня уничтожает, и я чувствую, что действительность ускользает у меня из-под пальцев. Все кажется мне потерянным, и я лишь ожидаю первых “энергичных” ударов новых людей [...] Нонконформизм и страстное сопротивление постоянно лезут в мое сознание [...] Напиши мне, каковы наши перспективы для дальнейшей работы. Если они вообще есть» [7. S. 73].

Через пять лет, уже на пике надреализма, критик Милан Пишут так определяет поколение Райсела: «Преданные – вот единственное слово для их ощущения жизни. Войдя в мир, они окунулись в водоворот стихий, которых не предвидели [...] В самом деле, не было еще поэтического поколения, которое из розового детства попало в мир, настолько обезображенный напряженностью, инстинктами и всякого рода ненавистью, классовой или национальной» [7. S. 492].

На таком фоне трагическая образность первого сборника Райсела «Я вижу все дни и ночи» (1939) уже не будет казаться только эффектным художественным приемом. Эту книгу, в которой преобладают темы любви и детства, пронизывают мотивы несчастливой судьбы, насилия и смерти. Например:

Эта страшная тишина
Которой кровотоцит небо
И поезда прорывающие губы
Убивают («Полуночи» [7. S. 156]).

В любви Райсел видел одновременно наслаждение и страдание. Критики часто приводят строки из стихотворения «Поэт», отмечая «ключевое» для надреализма слово «меланхолия» (на самом деле частое у Райсела, наряду с аналогичным словом «ностальгия»).

Мои стихи это обломки многих статуй
Соединенные в одну статую
Меланхолию [7. S. 161]

Сам Райсел на склоне лет определял себя как приверженца любовной поэзии. Любовная лирика господствует в цикле «Темная венера» (1938–1940), опубликованном в 1960-е годы. Но и в первом сборнике много впечатляющих, часто развернутых образов эротической окраски, с использованием анафоры. Например:

Почему ты отзываешься почему твое тело это лишь эхо одинокого
Почему ты ледник на экваторе моих глаз
Почему ты магнитная стрелка и золотой маятник брутальных часов

...

Чтобы я повидал тебя погруженной в лес
В гареме подснежников
Прекрасной как мосты в белоснежных перстнях
(«За стеной любви» [7. S. 162])

Или в «Темной венере»:

Твои драгоценные колени твои очень трогательные колени
Твои колени угасающей дали
Твои колени загробного лебеда с шеей весны
Твои колени карбункула
И птичьей перспективы
Покинутые и взывающие к милосердию мистралей
Потерянные как последнее прощай
Плавающие как затонувший крейсер
Как корабль милости

Две вазы что сшиблись в одну минуту

...

Склоненная между мерцающими полусферами
(«За стеной любви» [7. S. 178])

После выхода первого сборника Райсела его неизбежно сопоставляли с Фабри. М. Поважан в статье «Быть ясным и открытым как источник» пишет: «Поэтический тип Фабри ведет свою родословную от поэзии барочной, характеризующейся антитезами, и поэзии бодлеровской, поэзии, отчеканенной до анатомических форм. Его антипод – Владимир Райсел, тонкий и чуткий лирик с центральным мотивом эротики и сейсмограф женской метаморфозы и изменчивости» [7. S. 171]. Название статьи, которое Поважан выделяет как девиз новой поэзии, взято из программного стихотворения Райсела «Перед лицом всех». Знарок поэзии Станислав Шматлак в 1960-е годы также сравнивал двух поэтов и констатировал: «Поэзия Фабри уже здесь (во втором сборнике. – Н.Ш.) стремится к “барочной” антитетичности и трагическому провидчеству, поэзия Райсела находит основу в сенсуализме ощущений и легкой ностальгичности» [8. S. 143].

Гораздо оптимистичнее Райсел в стихах, посвященных приходу новой поэзии. В первом сборнике их отличают четкие формулировки, несмотря на причудливую образность. Это прежде всего стихотворения «Перед лицом всех» и «Плакаты», сами названия которых свидетельствуют о «ясности и открытости». В пер-

вом Райсел говорит о поэтической традиции (от которой, впрочем, надреалисты полностью не отказывались):

Прощай тенденциозный корабль что плавает в безнадежных морях мысли
Стократно проклятый теми которые вписали в свои следы гербы
мятежа прекрасного как нагота
С учетом всех возможностей будущего
Веи которого издают музыку простейших сфер
Двигаясь по курантам действительности под звуки иллюзии и сна
На местах где прикосновение причудливых антиномий высекает
чудесную искру
Искру ослепления
Искру блаженства способную вернуть радость в безутешной
пустоши лицемеров
...
Быть ясным и открытым как источник
...
Стоять под светом видимым только людям веры в освобождение
...
Пусть шумит водопад уверенности в том что будет [7. S. 149–150]

В стихотворении «Плакат» Райсел прослеживает развитие европейской поэзии (К.Г. Маха, А. Рембо, Ш. Бодлер, Лотреамон, Г. Аполлинер), говоря о наступлении «новой эпохи которая закружила нам головы в колыбели». И далее:

В нашем детстве играли новые не унаследованные арфы
В созвучиях яснее солнца далеких от метафизики
...
Нужно было настроить музыку сфер в единственной метафоре
...
Мы нашли способ изменять миры
...
Поэт сегодня уже вызывает только блаженство
Поэт акробат маг и король всех цветов
...
Прощайте времена которых мы уже не увидим
...
У наших ног крики будущих взоров [7. S. 167–169]

Райсел в первом сборнике также посвящает стихи Г. Аполлинеру, А. Бретону, П. Элюару, Р. Кревелю, В. Незвалу, словацкому романтику Янко Кралю (любимцу надреалистов) и Р. Фабри. В посвящении последнему Райсел, в частности, пишет:

Я изменяю манеру эгегической живописи
Чтобы видеть ребусы своего сердца [7. S. 166]

Живопись в связи с Фабри не случайна: он был также и художником, мастером коллажа, и оформил книгу «Я вижу все дни и ночи». «Ребусы сердца» – примечательная метафора. Поэзия Райсела действительно очень насыщена эмоционально, это придает стихам проникновенность и способствует интуитивному постижению. Трудно согласиться с суждением М. Гамады: «В отличие от образности Р. Фабри, которая отражает контрасты сознательных и бессознательных сил, образность Райсела холодно художественна, но нередко захватывающая» [7. S. 600]. «Холодная художественность» (ученый использует слово с латинским корнем – «артефициальная») вряд ли может порождаться стихией чувств, чаще неуправляемых, как и положено в сюрреализме. Скорее холодноваты стихи Фабри (это не относится к поэме «Я это кто-то другой»). Они более сдержанны в эмоциональном отношении, зато раскованы в плане воображения.

Политические события 1938–1939 гг. вынудили Райсела прервать обучение в

Праге и продолжить его в Братиславском университете им. Коменского. Но он расставался не только с городом. Встречи и разлука лирического героя поэмы «Нереальный город» (1943), навеянной пражскими воспоминаниями, имеют любовно-лирическую окраску. Рефреном звучит слово «ностальгия», которое в словацком языке связано с тоской по чему-то отдаленному, не обязательно по родине. На родину как раз и возвращается герой поэмы. Он тоскует по счастливым студенческим годам, проведенным в Праге – «городе поэтов и голубей», в финале «поэтов и самоубийц». Главное – здесь осталась его «огненная возлюбленная», Эмилия. Возмущенный диалог расстающихся влюбленных вряд ли мог оставить равнодушным даже читателей, воспитанных на традиционной поэзии. В личные воспоминания вклиниваются шокирующие картины несчастий, виденных героем на пражских улицах: автокатастрофа и гибель молодого мужчины, красавица с одной рукой. Все это врезается в память, вызывает потоки ассоциаций. Чуткость к страданиям изначально была присуща лирическому герою Райсела, и это не только собственные страдания:

Глаза повернутые к голоду
Руки занесенные снегом страданий
(«Плакат» [7. S. 168])

В контексте стихотворения это звучит как внимание к страданиям социальным. Райсел писал в статье «Новая поэзия и общественность» (1941): «Мы не убежали в сны и в другие миры, как нас упрекает критика [...] Мы хотели видеть всю вселенную и всю жизнь, жизнь в многообразии, сконденсированную в одной строчке [...] Мы вкладывали в поэзию человека как целое – чувствующего, видящего и ослепленного, мы предлагали его глазам, которые как раз хотели видеть человека» [7. S. 370].

Последний надреалистический сборник Райсела, «Зеркало и за зеркалом» (1945), стал книгой отчаяния и надежды. Первое связано с бедствиями войны, второе – с надеждой на мирное и счастливое будущее. Название данной статьи – строчка из стихотворения «Пророчество»:

Я остался один среди миллионов
Потому что я не мог видеть самые черные вещи на свете
Картины которые не помнит никто из смертных [7. S. 210]

На пике отчаяния приходит осознание того, что «черные вещи» должны прекратиться, придет возмездие.

К концу сборника тональность радикально меняется на мажорную. Образы делаются проще, а строение стиха – более традиционным. Это характерно и для других надреалистов. У Фабри то же самое происходит в двух последних частях апокалиптической поэмы «Я это кто-то другой». М. Гамада укоряет его, в частности, в возвращении к «затасканному четверостишию».

Интересен образ, общий для стихов Фабри и Райсела в стихах о грядущем дне: в нем не будет ночей. Образ этот – из Нового Завета, из Откровения Иоанна о царствии Божием на земле – «А ночи там не будет» (Откр 21:25). Так с детства усвоенная христианская символика проникала в стихи надреалистов, все решительнее переходивших на сторону коммунизма. В стихотворении «За шагом свободы» Райсел говорит, что освободителей никто не остановит,

Потому что в их крови гремит гром решимости
Гром мести
За все потоки слез за все обрубленные руки
За всех мертвецов мира
Над их шествием веет красный флаг свободы [9. S. 364]

2 мая 1945 г. Райсел становится членом Коммунистической партии. Он находился на дипломатической службе в 1945–1952 гг., затем работал редактором периодических изданий, опубликовал новые книги стихов. Как и его собратья-надреалисты, он уже «перековался» в приверженца социалистического реализма. Явные романтические склонности Райсела (в частности, выражение «мировая скорбь» в первом сборнике) обусловили искренность веры в воплощаемую мечту. Потом было и развенчание Сталина, и «оттепель», более мягкая и длительная, чем советская, закончившаяся Пражской весной и событиями августа 1968 г. Могли ли эти катаклизмы не сказаться на душевном состоянии чуткого, склонного к депрессии человека? Райсел в 1960-е годы возвращается к былому в новых сборниках и в публикации ранних стихотворений. В период «нормализации» – 1970-е годы – и вплоть до «перестроечных» лет Райсел занимал пост главного редактора журнала «Slovenské pohľady». К семидесятилетию Райсела, в 1989 г., выходит первый том собрания сочинений и монография Павла Плутко. В том же году произошла «бархатная революция», в результате которой «официальные» поэты социалистической эпохи попали в немилость. К счастью, временную.

В истории словацкой литературы фигура Владимира Райсела – одна из самых интересных. Романтическая контрастность и стихийная сила чувств, недовольство окружающим миром и стремление изменить его – вот что роднило с Кралем и Райсела, и остальных надреалистов. Но, пожалуй, только Райсел был настолько чутким к колебаниям эмоций и настроений, что в конце 1930-х метался от бравурного воодушевления к ощущению напрасности сделанного, ощущению конца. Например, в письмах Юлиуса Ленко 1941–1942 гг. заметна радость от того, что надреализм в Словакии активно развивается. Даже события войны не смогли ее омрачить. А в 1944 г. Ленко объявляет надреализм пройденным этапом и осознанно переходит на более традиционные рельсы. Райсел не порывал с надреализмом так демонстративно. Его послевоенное творчество следует оценивать неоднозначно, как и все спорные явления в искусстве. Бесспорным остается вклад Райсела в словацкую поэзию, внесенный как раз в период надреализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балашова Т.* Многоликий авангард // Сюрреализм и авангард. Материалы российско-французского colloquiuma ... М., 1991.
2. *Bakoš M.* Avantgarda 38. Bratislava, 1969.
3. *Шведова Н.В.* Словацкий надреализм: контуры изучения // Славянский вестник. Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова. М., 2004; *Шведова Н.В.* Видение войны в поэме Рудольфа Фабри «Я это кто-то другой» // Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.
4. *Шведова Н.В.* «Корни действительности...» // Славянский альманах 2004. М., 2005.
5. *Hamada M.* Medailóny príslušníkov nadrealizmu // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006.
6. *Plutko P.* Básnik Vladimír Reisel. Bratislava, 1989.
7. *Nadrealizmus.* Avantgarda 38. Bratislava, 2006.
8. *Šmatlák S.* Vznik a vývin nadrealizmu (1935–1945) // Slovenská literatúra. 1966. Č. 2.
9. *Reisel V.* Temné noci rozkoše. Bratislava, 1989.

© 2010 г. Г. П. ПИЛИПЕНКО

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопросы интерференции и заимствования приобретают особую важность при изучении феномена билингвизма, поскольку в ситуациях двуязычия они составляют сущность взаимодействия языков как в индивидуальном, так и в общественном измерении. Эти два явления тесно связаны, и их разграничение оказывается затруднительным ввиду многозначности самих терминов и неоднозначной их трактовки. Так, под заимствованием может пониматься и процесс, и результат языкового контакта, а интерференция часто рассматривается только с позиции отрицательного влияния на языковую систему. На наш взгляд, применение временного параметра при дефиниции заимствования и интерференции, а также признание интерференции и заимствования конкретными формами реализации общих процессов языкового взаимодействия позволяют снять некоторые противоречия и построить определенную схему (Рис. 1).

Проблема интерференции и заимствования имеет первостепенное значение для славянских языков. Многочисленные контактные ситуации способствуют активизации этих процессов, причем как в самих славянских языках, так и в неродственных языках, испытывающих их влияние. Двуязычие в славянском мире достаточно распространенное явление, можно встретить как формы славянско-славянского, так и формы славянско-неславянского билингвизма. Например, в словенском Приморье, в общине Копер, распространено словенско-итальянское двуязычие, а на северо-востоке страны, в Прекмурье, весьма активно развивается словенско-венгерское двуязычие. Любопытно, что венгерский и итальянский языки имеют статус официальных языков в этих частях страны, а билингвальны не только представители национального меньшинства, но и сами словенцы [1. S. 28, 55]. Переселение словаков на территорию современной Воеводины в XVIII в. способствовало становлению словацко-сербских языковых связей, в словацком языке на территории Сербии фиксируется множество интерферентных явлений, обусловленных интенсивным контактом этих двух языков: словацкий воеводинский *mlieko v prachu* – серб. *mleko u prahu* – словц. *sušené mlieko* ‘сухое молоко’; словацкий воеводинский *roucný oddych* – серб. *godišnji odmor* – словц. *dovolenka* ‘отпуск’; словацкий воеводинский *hl'adat' náhradu škody* – серб. *tražiti naknadu* – словц. *žiadať náhrady škody* ‘требовать возмещения убытков’ [2].

В языке венгров Воеводины также наблюдается большое количество сербизмов, как явных, так и скрытых (кальки), что, несомненно, проистекает из самой языковой ситуации сосуществования с сербским языком, ср. следующие приме-

Пилипенко Глеб Петрович – аспирант Института славяноведения РАН.

ры: *A decsji dodátákok (dečji dodatak) meg majd hó(l)nap izvadizom (izvaditi) a stédna knyizsicámró(l) (štedna knjižica)* (завтра я сниму детское пособие со сберкнижки); *az én csetámba(n) (četa) nagyon nehéz az obuka (obuka)* (в моей роте обучение очень трудное) [3. S. 202–203]. Необходимо сказать, что и сербский язык также несет на себе отпечаток контактов с венгерским. Проявлением этого служат венгерские по происхождению заимствования в литературном сербском языке: серб. *cipele* – венг. *cipő* ‘ботинки’, серб. *bunda* – венг. *bunda* ‘шуба’, серб. *lopov* – венг. *lopni* ‘вор’, серб. *pajtaš* – венг. *pajtas* ‘приятель’, серб. *varoš* – венг. *város* ‘город’, а также в сербских диалектах, распространенных непосредственно в смешанной среде: серб. *baća* – венг. *báty(a)* ‘друг, старик’; серб. *fajta* – венг. *fajta* ‘тип’, серб. *maradeke* – венг. *maradék* ‘остатки еды’, серб. *perkelt* – венг. *pörkölt* ‘жаркое, паприкаш’ [3. S. 196–198].

Значителен след сербского языка в македонском языке. Сербские заимствования в политической и научной сферах объясняются не только непосредственными контактами народов, но и языковой ситуацией в македонском обществе, когда роль сербско-македонского билингвизма была значительна: *влада* ‘правительство’, *одлука* ‘решение, постановление’, *амбасада* ‘посольство’, *устав* ‘конституция’, *прилог* ‘наречие, статья’, *железара* ‘металлургический комбинат’ [4. С. 185].

С изменением экстралингвистической ситуации связано ослабление влияния чешского языка на словацкий язык в самой Словакии [5. С. 94], а также влияние русского языка на украинский (с переориентацией на польский язык): укр. *валіза (waliza)* – «чемодан», укр. *вакації (wakacje)* – «каникулы», укр. *каникули*, укр. *спортовець (sportowiec)* – «спортсмен» [6. С. 225]. Взаимодействие украинского и польского языков происходит не только в сфере литературного языка, но и на диалектном уровне, когда в польский язык на Украине проникают украинизмы. Отмечается, что влияние украинского языка заметно в сферах трудовой деятельности, информации, административного управления, но в религиозных сферах и при общении с членами семьи устойчивы позиции местных польских диалектов [7. С. 29].

Огромное количество примеров и ситуаций двуязычия предоставляет русский язык. Так, отмечалось, что в гагаузском языке порядок слов в предложении не следует тюркским образцам, а в основном совпадает с порядком слов в русском языке [8. С. 81–82]. Но и русский язык в процессе взаимодействия языков не только выступает в качестве языка-источника, но и сам испытывает воздействие других языков, например узбекского, эстонского, принимает местные реалии и служит местом проявления интерференции [9. С. 92; 10. С. 335]. Славянские языки за пределами территории своего распространения, в эмигрантской среде, развиваются по несколько иным законам, чем в метрополии. В результате постоянного воздействия иноязычного окружения в украинском языке США и Канады появляются интерферентные элементы из английского языка, в частности активно заимствуются английские междометия [11. С. 89]. В немецком языке югославских рабочих в Германии проявляется воздействие родного языка: пропуск и неверное употребление препозиционных артиклей, которые отсутствуют в славянских языках, а также ошибки в определении рода существительных [12].

Разнообразие ситуаций двуязычия в славянских регионах, а также в регионах, имеющих контакты со славянами, несводимые друг к другу формы языковых контактов делают проблему интерференции особенно актуальной для славяноведения. Ситуации с участием славянских языков интересны еще и тем, что происходит взаимовлияние как с близкородственными, так и с иносистемными языками (турецкий, венгерский, кавказские языки и др.). В связи с этим возника-

ет необходимость разобраться в сущности явлений интерференции и заимствования, проанализировать выработанные в лингвистике подходы.

Проблема интерференции, как и проблема заимствования, заслуживает пристального рассмотрения. Интерференция характеризует самый главный процесс собственно лингвистического аспекта данного явления – взаимопроникновение языковых систем, находящихся в контакте. Близость явлений билингвизма и интерференции подтверждает мнения ученых, которые полагают, что двуязычия без интерференции не бывает [13. С. 11]. Следует учитывать, что при определении интерференции приходится оперировать близкими и нечетко дифференцированными понятиями: «заимствование», «языковой контакт», «ошибка».

Сам термин «интерференция» был предложен пражской лингвистической школой. В свою очередь, данный термин был заимствован из физики, где он используется, в частности, в сочетании «интерференция волн», наложение, взаимовлияние (от латинского *inter* – взаимно, между собой и *ferio* – касаюсь, ударяю). Однако некоторые лингвисты, признавая роль пражских исследователей в распространении этого обозначения, отмечают первенство в употреблении термина за другими учеными [13. С. 17]. Сам факт интерференции обозначается по-разному, например, интерферема [14. С. 6], интерференционное последствие, интерференционное явление и т.д.

Широкое распространение термин «интерференция» получил после выхода в свет в 1953 г. работы У. Вайнрайха «Языковые контакты», в которой интерференция трактуется как случаи отклонения от нормы при двуязычии [15. С. 22]. В центр внимания другими исследователями также ставится концепт отклонения, нарушения, причем встречаются очень резкие заявления: «Проблема интерференции должна относиться скорее к патологии языкового существования, нежели к норме коммуникации» [16. С. 27]; «Отклонение от норм¹ данного языка, вызванное воздействием на него другого языка» [19. С. 31]; «Интерференция – отрицательное явление, так или иначе затрудняющее общение» [20. С. 74]; «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и систем *второго языка* под влиянием родного» [21. С. 197]. В приведенных определениях важно следующее: акцентирование отрицательного воздействия интерференции в случаях языкового контакта. Например, сербизмы венг. *knyizsica* – серб. *knjižica* ‘зачетка’, венг. *ocena* – серб. *ocena* ‘оценка’, венг. *brucos* – серб. *brucos̃* ‘новичок, первокурсник’, венг. *usmeni* – серб. *usmeni* ‘устный экзамен’ в речи воеводинских венгров-школьников на родном языке вызывают негативную реакцию венгерских лингвистов [22. 10.о.]. Если учитывать педагогический аспект, то отрицательных моментов по отношению к интерференции избежать не удастся. В связи с этим

¹ Следует отметить, что часто лингвисты при описании интерференции ссылаются на норму. В связи с этим любопытно определение, в котором интерференция определяется как «нарушение кодифицированных норм речи контактирующих языков» [17. С. 8]. Думается, что под нормой здесь подразумевается норма литературного языка. Однако двуязычному индивиду эта норма может быть незнакома, и интерференция может вовсе не восприниматься им как нарушение. Скорее в случае с интерференцией нужно говорить о правильности (грамматической, лексической и т.д.), когда понимание может быть нарушено вследствие неправильно построенного высказывания. Ситуация здесь зависит от степени владения языком. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением тех авторов, которые подходят к оценке степени владения языками двуязычным индивидом с позиций именно правильности высказывания [18. С. 128–129].

особое значение приобретает высказывание С.В. Семчинского: «Лингвист не должен заимствовать отношение к интерференции преподавателей иностранных языков», ведь интерференция – «основа для сближения языков, конвергентного развития» [23. С. 19]. Педагогам также не стоит расценивать интерференцию как явление сугубо отрицательное, ведь перенос связан с лингвистическим опытом обучающегося, и этот опыт нельзя игнорировать [24. С. 102].

Мысль С.В. Семчинского о последствиях интерференции как бы дополняет Э. Хауген: «Интерференция при частом отклонении может стать нормой» [25. С. 69]. Хотя интерференция – явление, свойственное индивиду, социальную значимость она приобретает при однотипных изменениях в речи многих лиц. Действительно, в условиях интенсивных языковых контактов, особенно при непропорциональном массовом двуязычии, языковые изменения, вызванные интерференцией, получают признание и могут способствовать становлению новой нормы [26. С. 35]. Вероятно, таким образом в сербском, македонском, болгарском языках закреплялись турецкие слова и выражения, сегодня многие из них принадлежат литературной норме соответствующих языков. Ср. турцизмы в сербском языке: *sat* ‘час, часы’, *komšija* ‘сосед’, *šesir* ‘шляпа’, *kula* ‘башня’, *kusur* ‘сдача’. Тем не менее, на наш взгляд, оправданной выглядит позиция, согласно которой интерференционные злоупотребления могут не приниматься языковой общностью [12. S. 8]; здесь можно упомянуть и тенденции пуризма, неприятие носителями языка нарушений, вызванных различными причинами. Примеров в истории развития славянских языков можно привести достаточно. Например, в хорватском языке XIX в. пуризм служил реакцией на преобладание немецких и венгерских слов и конструкций практически во всех сферах языкового общения.

Вследствие нагруженности термина «интерференция» отрицательной коннотацией, лингвисты вынуждены искать новые решения для описания процессов, происходящих в сознании билингва. Некоторым ученым удачным представляется понятие «трансференция», которым обозначается перенос элементов, признаков, правил и структурных моделей из одного языка в другой, где эти элементы, признаки оказывают влияние на структуру языка и его употребление, подчиняясь при этом законам принимающего языка [27. S. 17]. Следовательно, трансференция понимается и как процесс переноса, и как результат этого явления. Более развернуто о трансфере (переносе) говорит П.Ст. Качмарский [28. S. 11, 17, 19, 23]. Автор предлагает выделять три типа трансфера: негативный, нейтральный и позитивный. Собственно негативный тип, система отклонения от нормы кодирования в отдельных системах языка, называется интерференцией. Сам трансфер – как позитивная сторона общего процесса переноса – облегчает усвоение нового языка, поскольку правила, действующие в родном языке (или также в других языках, которыми владеет индивид), часто совпадают с правилами нового языка².

Интерес представляет позиция отдельных лингвистов, обзорающих проблему интерференции под другим углом. А именно: на первый план выходит изучение направленности процесса переноса (трансфера). Одна из наиболее распространенных точек зрения: интерференция происходит в пользу доминирующего языка у двуязычного индивида [29. С. 12]. Например, в венгерском языке словенско-

²Исходя из данной ситуации, в педагогике сложились две противоположные методики: сепарационная и ассимиляционная. Согласно первой теории обучение языку не должно опираться на знание родного (других известных) языков, согласно второй – педагогам необходимо стремиться к использованию знаний родного (других известных) языков.

го Прекмурья фиксируются словенизмы, оформленные по правилам венгерской грамматической системы: венг. *pogovárjazni* – словен. *pogovarjati* ‘разговаривать’; венг. *odbojkázní* – словен. *igrati odbojko* ‘играть в волейбол’, венг. *zapisznik* – словен. *zapisnik* ‘протокол’ [1. S. 35, 51]. Очевидно, что речь идет о влиянии более мощного в функциональном отношении языка на родную речь национального меньшинства. Однако категоричность в суждениях по данному вопросу разделяется не всеми. Уточнение, касающееся направленности интерференции, находим в другом определении: «Нарушения, возникающие в речи билингва вследствие отрицательного переноса умений и навыков *из одного языка в другой*³ (курсив наш. – П.Г.) [30. С. 38]. Некоторые лингвисты при описании интерференции предпочитают обходить этот аспект, таким образом, вопрос о направленности переноса вообще изымается из рассмотрения: «Интерференция – все изменения в структуре языка, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» [31. С. 61]. Тем не менее, известно, что в ситуации двуязычия интерференционные процессы происходят как в одном, так и в другом языке (думается, в разной степени и в зависимости от конкретной ситуации). При анализе собственно словенской речи венгров Прекмурья фиксируется пропуск притяжательных местоимений в определительной функции под влиянием родного языка [1. S. 176]. Предлагается, например, называть изменения во втором языке (Я2) под влиянием первого языка (Я1) интерференцией (как наиболее частый случай), а изменения в Я1 (который здесь называется родным) под влиянием Я2 – интеркаляцией⁴. Естественно, что и интеркаляция, и интерференция понимаются как речевые явления. Таким образом, все случаи заимствования (которые получают название транскаляции) в Я1 считаются «фактами интеркаляции, утратившими индивидуально-речевой характер и приобретшими общественную значимость, став элементами языковой системы» [32. С. 111–117]. Имеются также и другие обозначения для разнонаправленного интерференционного взаимодействия, например, предлагается использовать обозначения «обратная интерференция» [33. С. 112]; «интерференция субстратного и адстратного характера» [34 С. 29, 30]. В первом случае (субстратная интерференция) происходит воздействие Я2 на Я1, во втором (адстратная интерференция) – Я1 на Я2. При этом отмечается, что при субстратной интерференции воздействие одних признаков утрачивается быстро, другие признаки, в частности акцент, остаются без изменения. Например, известный лингвист В.И. Абаев признавал, что определенные родные языковые представления вообще остаются неискоренимыми (см. [35. С. 82]).

В литературе по вопросу интерференции находим призыв разделять воздействие интерференции на уровне языка и на уровне речи. Часто интерференция, понимаемая на уровне речи, рассматривается как процесс языкового контакта, ограниченного во времени; интерференция, изучаемая на уровне языка, трактуется как результат языкового взаимодействия с широкой временной перспективой.

³ По всей видимости, автор понимает интерференцию только как процесс, поскольку специально уточняет, что интерференция проявляется в момент речи.

⁴ На наш взгляд, вполне оправданным выглядит подобное разведение понятий, ведь природа воздействия языков друг на друга будет существенно различаться в зависимости от того, в каком из языков в данный момент происходят изменения в результате контакта. Другой вопрос, правомерно ли говорить о направлении воздействия интерференции, если у человека четко не разграничены Я1 и Я2, например, в ситуации смешанных семей, при смене функционально первого языка и т.д., когда наделение одного из языков статусом «родной» оказывается спорным. Отдельного обсуждения заслуживают также случаи многоязычия, когда отношения между языками очень запутанны.

Тем не менее, и здесь встречаются идеи, отличающиеся от распространенных представлений. Так, предлагается разграничивать интерференцию на уровне языка и на уровне речи с точки зрения успешного/неуспешного знания языковой системы, успешного/неуспешного порождения речи: владение языковой системой, безошибочное знание правил (системность) может сочетаться с недостаточной компетентностью в процессе говорения, в речи (бессистемность), и наоборот [34. С. 31–32]. Думается, что эта позиция в некоторой степени отражает педагогический аспект проблемы.

Если же вернуться к разграничению интерференции, о котором речь шла выше, то оно требует уточнений. Что же понимать под результатом и под процессом интерференции? На наш взгляд, необходимо ввести временной параметр, поскольку это обстоятельство позволяет лучше понять тонкости рассматриваемого разграничения. Если языковая система освоила какое-нибудь явление, квалифицируемое как интерферентное, если это явление закрепилось в языке, «прошло проверку временем», то необходимо говорить не об интерференции, а о заимствовании (при этом понятно, что корни данного заимствования будут в интерферентном явлении, а результатом будет заимствование) [36. С. 198]. Об этом же говорит и У. Вайнрайх: языковая и речевая интерференция отличаются друг от друга именно по соотношению с временным фактором [15. С. 36]. В данном случае можно провести сравнение с социализацией интерферентных явлений: при многократных повторениях в речи двуязычных индивидов и, как следствие, при закреплении в языковой системе этих явлений целесообразно говорить уже о заимствованиях, находящихся на той или иной стадии адаптации. Данное «отклонение от нормы» получает распространение, расширяет сферу употребления [37. С. 47]. В самом процессе интерференции, который проявляется в речи индивида, прослеживается следующее соотношение: элемент X переносится из Я1 в Я2, в соответствии с этим элемент X в Я1 называется моделью, а тот же элемент в Я2 будет уже интерферентным явлением, репликой. Например, в молдавских селах в Казахстане, находящихся в русском окружении, в результате молдавско-русского билингвизма происходит проникновение русизмов в молдавский язык. Заимствуются не только новые понятия, но и самые обычные слова: молд.-русск. *словѝ* – молд. *ворби* ‘слова’, молд.-русск. *а пѝримѝни* – молд. *а скѝмба* ‘переменить’, молд.-русск. *стакан ди чѝй* ‘стакан чаю’, *а сы откажѝ* ‘отказаться’ [38. С. 109–111]. Русские слова и выражения в русском языке служат моделью для молдавского языка. Причем существует несколько вариантов употребления элемента X в Я2: элемент X в Я2 может употребляться как в неассимилированном, так и в адаптированном виде [39. S. 38]. Если же данный элемент вошел в систему Я2, то мы имеем дело с полностью адаптированным заимствованием. Что касается двуязычия в упоминаемых молдавских селах, то отмечается, что молдаване произносят все фонемы русских интерферентом без акцента [38. С. 112].

При характеристике интерференционных процессов заслуживающей внимания представляется точка зрения, согласно которой интерференция является составной частью более общих процессов языковых контактов, например частью медленного процесса проникновения иноязычных элементов в систему воспринимающего языка, который называется интеграцией [40. С. 3] или диффузией [34. С. 38]. Именно таким образом интерференция проявляется на уровне языка, входит в систему принимающего языка. Сама диффузия понимается как многостороннее явление, которым занимается психология. Этот процесс заключается в переносе навыков и умений в определенную сферу деятельности, в данном слу-

чае – в язык. Интерференция в трактовке других ученых предстает и как часть аттракции, тенденции сближения языковых структур [35. С. 94]. При подобном рассмотрении интерференции все вопросы о характере направленности этого явления и соотношения с заимствованием связаны с более общими процессами, суть которых не изменяется от трактовки второстепенных аспектов.

В исследуемой литературе встречается также классификация интерференции по способу приспособления того или иного языка к коммуникативным нуждам индивида. В соответствии с этим выделяется прямая и косвенная интерференция: в первом случае сообщение на неродном языке строится по правилам родного языка, во втором случае высказывания на родном языке строятся по правилам, общим для двух языковых систем [41. С. 10–11]. Таким образом, акцентируется именно перенос (трансфер). Думается, что ошибок больше всего будет наблюдаться в первом случае, тогда как при втором варианте формально правильность не будет поставлена под вопрос, двуязычный индивид будет обходить неизвестные ему правила. Так, эстонцы, говорящие по-русски, чтобы не допустить ошибки в недостаточно усвоенных русских конструкциях при выборе русского слова исходят из слов с более общим, нейтральным значением [42. С. 212]. При скрытой интерференции говорящий контролирует свою речь, из-за боязни допустить ошибку обычно использует не очень выразительные языковые средства, но хорошо известную форму. Очевидно, что здесь играют роль определенные психологические установки говорящего [43. С. 205]. Такую интерференцию, как правило, нелегко распознать, приходится в течение длительного времени проводить наблюдение за речевым поведением билингва.

Помимо деления интерференции на прямую и косвенную особо выделяются следующие аспекты: внутриязыковая, межъязыковая и лингвострановедческая интерференция, а также тесно связанная с этими явлениями проблема языкового дефицита [40. С. 2–14]. Межъязыковая интерференция представляет собой «классический» случай: нарушение правильности, системы одного из языков. Внутриязыковая интерференция возникает в результате взаимодействия форм и моделей языка-источника. Например, эстонцы в русской речи допускают следующие ошибки, вызванные внутриязыковой интерференцией: *в лесу живет бурный (бурый) медведь, поет (пьет) молоко, ребята пили (пилили) дрова, у похожего (прохожего)* [44. С. 264]. Факты этого типа имеют параллели и в речи самих монолингвов (в речи русских: *сытаешь, здание-здание* и т.д.); лингвострановедческая интерференция возникает как результат несовпадения реалий в двух языках при формальной правильности высказывания: в венгерском языке в качестве обращения к участникам собрания конференции принята формулировка *Tisztelt konferencia!* (дословно: Уважаемая конференция!), тогда как в словенском языке употребляют форму *Spoštovani gospod predsednik, udeleženci konference* (дословно: Уважаемый председатель, участники конференции) [1. S. 219]; наконец, случаи языкового дефицита, проявляющиеся в создании окказиональных словосочетаний, описательных определений и т.д.: ср. *почти директор – зам. директора*. Интересно, что факты внутриязыковой интерференции описываются учеными в том числе с помощью другого термина – паронимия. Паронимия во второязычной речи – вид интерференции [45. С. 188]. В связи с этим любопытно высказывание Ф. де Соссюра, в котором с психологической позиции лингвист объясняет значение паронимии для теории билингвизма: «Паронимия во второязычной речи появляется потому, что любое слово может вызвать в памяти все, что способно тем или иным образом с ним ассоциироваться» (цит. по: [45. С. 189]).

Следовательно, изучение интерференции в рамках теории билингвизма является необходимым ввиду органического единства этих явлений. Стоит все же заметить, что выделение направленности трансфера, оценка этого феномена, разграничение прямой, скрытой, межъязыковой, внутриязыковой и лингвострановедческой интерференции характеризует больше индивидуальную сторону двуязычия, хотя, как можно было убедиться, социализация интерферентных явлений, превращение их в заимствования, может внести изменения в систему языка. Действует здесь и фактор времени, который позволяет взглянуть на проблему языка и речи в несколько ином свете. Дихотомия язык/речь, по сути, трансформируется в противопоставление диахрония/синхрония, с той оговоркой, что заимствования (по терминологии отдельных лингвистов – адаптированные факты интерференции) могут быть как частью языковой системы, так и реализовываться в речи.

Понятие «заимствования», как отдельного феномена, также оказывается в центре внимания лингвистов, занимающихся двуязычием. Тесное переплетение заимствования и интерференции затрудняет разграничение данных явлений. Разведение этих понятий или их сближение не вносит определенности в понимание их сущности. Поэтому каждый автор в зависимости от личных предпочтений и методов исследования использует либо первый, либо второй подход. Так, например, Э. Хауген считал, что разграничение заимствований и других видов перенесения бесполезно. Он видел основу для сближения в новизне, инновативности этих явлений в языке (см. [46. С. 84]). Как отмечалось выше, Хауген сводил сущность всех языковых контактов к проблеме заимствования, понимаемой в широком смысле. Б. Гавранек подходит к данному вопросу, применяя критерий активности и пассивности перенимаемых элементов. Язык, который принимает заимствование, является активным, язык-источник является пассивным [47. S. 185]. Справедливо подмечено, что процесс заимствования представляет собой сложное взаимодействие языков, где одна сторона будет принимающей, а другая – дающей [48. С. 6]. Однако именно данное обстоятельство вызывает неприятие термина «заимствование» рядом ученых. В качестве курьеза можно привести слова Л. Деруа, который отмечал, что нужно говорить не о заимствовании, а о воровстве, поскольку заимствованные элементы не возвращаются (см. [46. С. 78]). Действительно, внутренняя форма термина «заимствование» в русском языке подсказывает, о каком процессе идет речь. Как нам представляется, здесь необходимо рассуждать не о присвоении, а об имитации, подражании, ведь элемент не изымается из языка-источника, он служит моделью, по образцу которой осуществляется трансфер [49. С. 5]. Такой подход, на наш взгляд, снимает противоречия в использовании термина «заимствование».

Явление заимствования рассматривается в лингвистической литературе не только в двухчленной связке с интерференцией (переносом), но и в цепочке с переключением кода. Э. Хауген подходил к постижению сути двуязычия через линейную модель, на одном конце которой располагается переключение кода, на другом – чистое двуязычие. Переключение кода (Code-switching, Code-Umschaltung) происходит в речи при более значительном переносе, превышающем стандарты обычной интерференции⁵, при этом высказывания четко сигнализируют о принадлежности

⁵ Если у цитируемого автора движение от интерференции к переключению кода зависит от объема фактов трансфера, то другие ученые данную модель ставят в зависимость от уровня владения вторым языком (как было представлено выше, интерферентные явления могут возникать и в речи на первом/родном языке). Так, в случае недостаточного владения языком возможны отдельные иносистемные вкрапления, заимствования, но не кодовое переключение; при свободном владении

к определенному языку (см. [27. S. 18]). Под заимствованием, трактуемым широко, подразумевается и процесс и результат, таким образом, фактор времени снимается. Однако это противоречит позиции, по которой заимствование выступает только «результатом языкового влияния» [37. С. 61]. Универсализация заимствования и в качестве процесса, и в качестве результата может рассматриваться и с позиции развертывания акта коммуникации во времени. Тем самым объясняется социализация акта заимствования; мнение Ш. Балли на этот счет сформулировано следующим образом: «Вначале заимствование – это заимствование для одного или нескольких слушающих, которые затем распространяют его, заняв позицию говорящих» [51. С. 130]. Г. Пауль говорит о том, что усвоение заимствований, их распространение, не будет зависеть от билингвов, хорошо владеющих языком; вполне возможно, что в языковом сознании индивидов, которые плохо знают язык-источник, элемент Я2 в Я1 претерпевает большие изменения [52. С. 466]. Очевидно, что для Пауля в процессе интеграции заимствования важнее степень владения языком, а не внутренние закономерности Я1, влияющие на адаптацию.

Движение от индивидуального к массовому характеризует превращение заимствования из процесса в результат и может, таким образом, соотноситься с противопоставлением речи и языка. Подобное распространение термина «заимствование» свидетельствует о восприятии данного явления как общего по отношению к подчиненным феноменам интерференции, переключению кода и т.д.: «заимствование – элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [53. С. 158]. В центр ставится сам факт переноса вне зависимости от времени протекания самого процесса. Однако не стоит забывать о том, что в условиях массового двуязычия могут активно использоваться неассимилированные заимствования, причем эти единицы имеют широкое распространение, поэтому их закрепление в системе языка никем не оспаривается [49. С. 5]. Получается, что факты интерференции остаются в исходной форме и оппозиция по времени формально нивелируется. Следовательно, адаптация «чужих» элементов в определенных языковых ситуациях не может рассматриваться как обязательное условие для характеристики заимствования. Такие случаи в лингвистической литературе получают названия варваризмов, цитаций, вкраплений и т.д.

Важно также понимать, что заимствование происходит не только устным путем, известен также письменный путь⁶. Так как мы исходим из понимания любого заимствования как реализации одного из видов билингвизма, то и письменный и устный «варианты» будут иметь корни в ситуации двуязычия; по признанию Г. Пауля, «иностранные слова привносят носители своего языка, которые выучили другой язык, а не иностранцы» [52. С. 23]. Получается, что для введения нового элемента в принимающую языковую систему необходим импульс со стороны двуязычного индивида или небольшой группы людей, владеющих языком-источником. Будет ли это результатом случайной интерференции, либо планомерным, осознанным, включением такого элемента – для последующего распространения заимствования это не так важно, индивидуальная мотивация одного билингва-инициатора или группы билингвов теряется в спровоцированных ими нововведениях. Дальнейшая судьба заимствований, их закрепление и адаптация в языке,

эти процессы могут происходить параллельно [50. С. 10].

⁶ В современном мире широкое распространение приобретает Интернет как источник разнообразных форм заимствования.

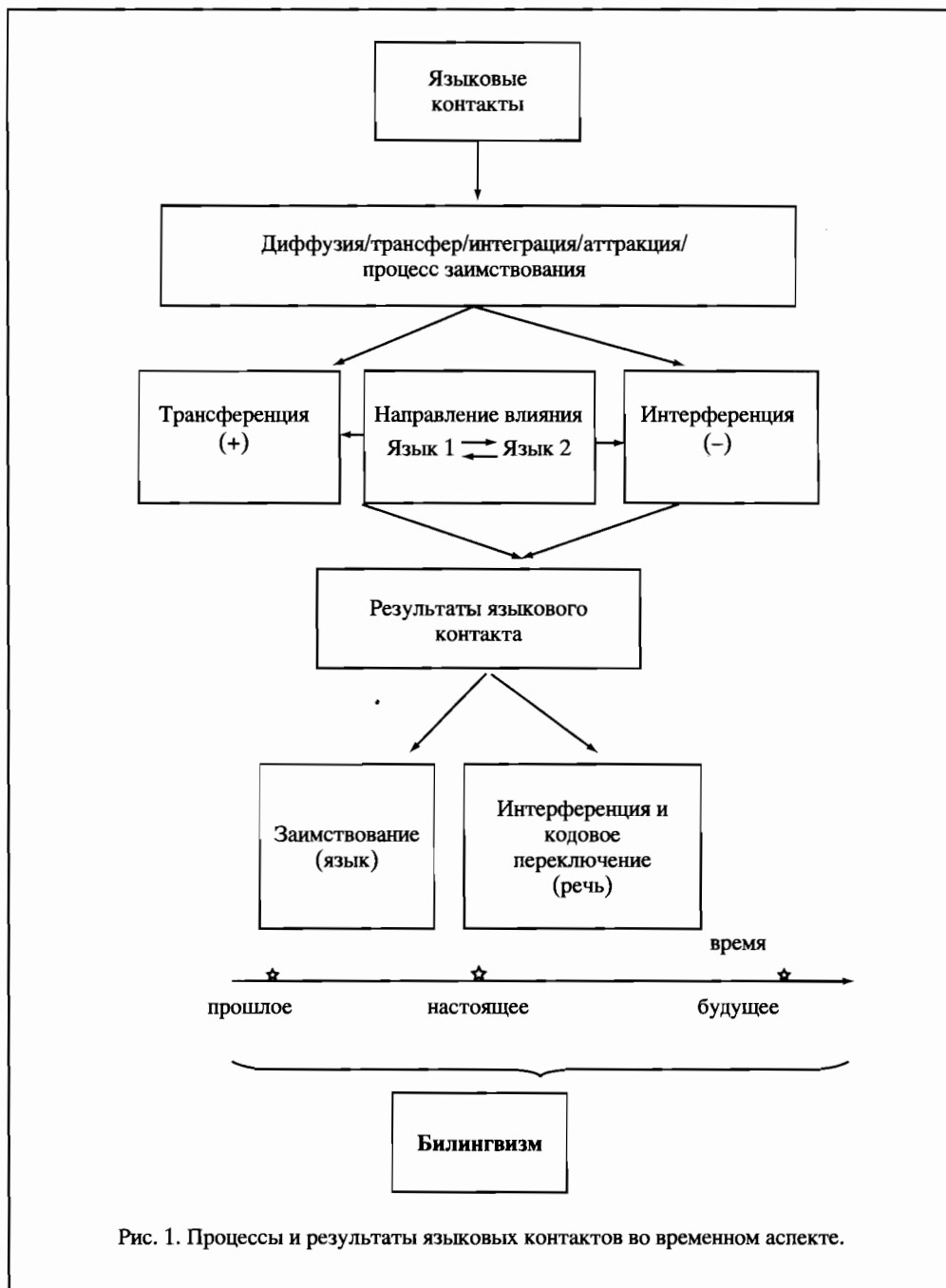

Рис. 1. Процессы и результаты языковых контактов во временном аспекте.

зависят от социальных характеристик общества и особенности конкретной языковой ситуации.

Таким образом, обзор лингвистической литературы привел к выводу, что среди ученых нет единого мнения о заимствовании и интерференции. Приводимая в работе схема (Рис. 1) является синтезом подходов лингвистов и демонстрирует общие тенденции во взглядах на феномены интерференции и заимствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. Sociolingvistične in kontrastivne študije. Maribor, 2004.
2. *Horáková R.* O slovačko-srpskom bilingvizmu. http://pbunjak.narod.ru/slovak/slsr_index.htm
3. *Čudić M.* Prilog izučavanju mađarsko-srpskih jezičkih interferencija u Severnoj Vojvodini // Филолошки преглед. Београд, 2003. Број XXX/2.
4. *Усикова Р.П.* Этноязыковые и этнокультурные проблемы в македонском языке // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. II.
5. *Мусилова К.* Отношения чешского и словацкого языков в период с 1918 по 1992 год и их развитие после распада Чехословакии // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. II.
6. *Останчук О.А.* Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: уровни и способы манифестации в языке // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. II.
7. *Dzięgiel E.* Problem bilingwizmu w opisie kontaktów językowych polsko-ukraińskich // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. II. Językoznawstwo. Prace na XIV Międzynarodowy kongres slawistów w Ochrydzie 2008. Warszawa, 2007.
8. *Ахунзянов Э., Скорин П.Я., Терещенко Н. М., Феоктистов А. П., Покровская Л.А.* Русский язык – один из основных источников развития и обогащения языков народов СССР // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.
9. *Емельянцева Л.П.* Об особенностях отражения национальной специфики в информационных материалах радио и телевидения Узбекистана на русском языке // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. (Проблемы лексикологии). М., 1985.
10. *Костанди Е.И.* О русской разговорной речи // Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сб. в честь ординарного профессора А.Д. Дуличенко. Тарту, 2006.
11. *Жлуктенко Ю.А.* Українсько-англійські міжмовні відносини у США і Канаді. Київ, 1964.
12. *Pandzić M.* Interferenzen im Deutschen und im Serbokroatischen der Kinder Jugoslawischer Arbeitnehmer in der Bundesrepublik Deutschland. Fehleranalyse und didaktische Übungen. München, 1992.
13. *Juhász J.* Probleme der Interferenz. Budapest, 1970.
14. *Затовканик М.* Интердисциплинарные связи языковой интерференции // Mezijazyková a vnitrojazyková interference. Praha, 1976.
15. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
16. *Бурыкин А.А.* О некоторых коммуникативно-обусловленных типах двуязычия // Уралистика. Выпуск 13. Часть 1. Материалы XXXII международной филологической конференции. Санкт-Петербург 5–6 марта 2003 г. СПб., 2003.
17. *Иванов В.В., Иванова В.А.* Грамматическая интерференция и проблемы культуры русской речи // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
18. *Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С.* Пассивное двуязычие и культура родной речи // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
19. *Ижакевич Г.И.* Русская речь в украинском языковом окружении (лексика) // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. (Проблемы лексикологии). М., 1985.
20. *Василевская И.А.* Грамматическая интерференция и смысл высказывания // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
21. *Виноградов В.А.* Интерференция // БЭС. Языкознание. М., 1998.
22. *Kossa J.* A mi nyelvünk. Új Vidék, 1978.
23. *Семчинский С.В.* Семантическая интерференция языков (На материале славяно-восточнороманских языковых контактов) Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Киев, 1973.
24. *Шахнарович А.М.* Ранний билингвизм и культура // Методология теории билингвизма. М., 1971.
25. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
26. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М., 2001.
27. *Goldbach A.* Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsche Transferenzen und Code-switching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Frankfurt am Main, 2005.
28. *Kaczmarek P.* St. Wstęp do bilingwalnego uczenia nauki języka obcego. Warszawa, 1988.
29. *Сизуан М., Макки У.Ф.* Образование и двуязычие. М., 1990.
30. *Иванова Н.И.* Смешение предлогов в устной русской речи билингвов-саха // Уралистика. Вы-

- пуск 15. Часть 2. XXXIII международная филологическая конференция. 15–20 марта 2004 г. СПб., 2004.
31. *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
 32. *Карлинский А.Е.* О двух типах проявления взаимодействия языков // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин, 1978.
 33. *Лукашанец А.А.* Особенности грамматической интерференции в условиях близкородственного двуязычия // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
 34. *Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
 35. *Панькин В.М.* Взаимодействие русского и тюркских языков в условиях двуязычия: межъязыковая аттракция // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М., 1990.
 36. *Михайлов М.М.* Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
 37. *Ильяшенко Т.П.* Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений: Краткий очерк. М., 1970.
 38. *Шварцман В.М.* Инновации в языковой системе молдавских островных говоров, вызванные двуязычием их носителей // Языковые контакты и интерференция. Алма-Ата, 1985.
 39. *Filipović R.* Teorija jezika u kontaktu. Zagreb, 1986.
 40. *Дешериева Ю.Ю.* Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976.
 41. *Розенцвейг М.Ю.* Проблемы языковой интерференции. М., 1975.
 42. *Хейтер Х.И.* Особенности взаимодействия русского и эстонского языков в области лексики и семантики // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. (Проблемы лексики). М., 1985.
 43. *Паужа Й., Трифоновас Я.* Влияние взаимодействия языков на культуру русской речи учащейся молодежи в условиях литовско-русского и русско-литовского двуязычия // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. (Проблемы лексики). М., 1985.
 44. *Селицкая И.А.* Вторая ступень эстонско-русского двуязычия // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
 45. *Касымова С.Д.* Лексико-грамматические нарушения в русской речи студентов-таджиков // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. (Проблемы лексики). М., 1985.
 46. *Линник Т.Г.* Проблема языкового заимствования // Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
 47. *Havránek B.* Problematika miješanja jezika // Zadarska revija. Zadar, 1964. Broj 3.
 48. *Розенцвейг В. Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
 49. *Дешериев Ю.Д.* Введение // Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
 50. *Крысин Л.П.* Речевое общение в лингвистической и социально неоднородной среде // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000.
 51. *Балли Ш.* Язык и жизнь. М., 2003.
 52. *Пауль Г.* Смешение языков // Принципы истории языка. М., 1960.
 53. *Добродомов И.Г.* Заимствование // БЭС. Языкознание. М., 1998.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ: МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ КОННОТАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Числительное, в силу его условности и однозначности, по праву можно считать идеальным знаком. В отношении же оценочной семантики и конкретной денотативной отнесенности оно является своего рода «пустой формой». Типичная процедура счета/измерения не предполагает оценочной атрибуции объектов, основная цель ее – помещение предмета в числовой ряд и определение его места в этом ряду: ср. *семь столов, девятый человек*. Однако в устойчивых сочетаниях и дериватах, содержащих числовой компонент, числительное, помимо количественного, может получить также качественное наполнение, ср. рус. литер. *в двух словах* и пол. *w dwóch słowach* ‘очень коротко’ [1. С. 465; 2. Т. 2. S. 444]; рус. литер. *с три короба* ‘очень много (наговорить, пообещать, наврать и т.п.)’ [1. С. 208], жарг. *третьяк* ‘круто заваренный чай, оказывающий одурманивающее действие’ [3. С. 454], диал. *семисёлка* ‘о бойком, непостоянном человеке’ («Она такая семисёлка, всех вокруг пальца обведет») [4: С. 219]; рус. литер. *семь потов сошло* ‘затрачено много усилий кем-либо для выполнения, осуществления чего-либо’ [1. С. 448] и пол. *siódme poty biją (występują)* ‘пот в три ручья льется’ [5. С. 492]; пол. *ktoś wygląda jak siedem nieszczęść* ‘плачевный вид у кого-л.’, старопол. *dziewiątka* (старопол.) ‘проститутка настолько безобразная, что могла выходить только после 9 вечера’ [6. S. 110]. Знание об объектах счета (об их существенных свойствах и количестве, в котором они обычно встречаются) накладывается на знание о числе (представления носителя языка о том, что есть «мало» и «много» в отношении к конкретным счетным предметам; хранящиеся в сознании числовые прецеденты, связанные с культурно нагруженными числительными 3, 7, 12, 40 и др.). В итоге числительное становится полноценным атрибутом объекта и приобретает «качественную» (в противоположность «количественной») семантику.

Объектом нашего наблюдения стали лексические и фразеологические единицы русского и польского языков, в составе которых числительное имеет оценочные смыслы. Выяснение закономерностей, в соответствии с которыми числительное приобретает те или иные оценочные коннотации, составляет цель наших разысканий. Важным для нас является поиск русско-польских языковых параллелей, которые служат верификации и дополнению тех или иных случаев семантизации числительного. Кроме того, следует обращать внимание на культурный контекст, в котором функционирует числительное и который задает те или иные

векторы его языкового осмысления. Говоря о культурном контексте, мы имеем в виду прежде всего контекст народной культуры. С этой точки зрения наиболее значимы диалектные факты, которые транслируют народные представления об оценочно окрашенных элементах числового ряда. С другой стороны, поскольку нас интересуют общезыковые закономерности семантизации числительного, то мы рассматриваем также факты литературного языка и жаргона.

Наблюдения над русской и польской числовой лексикой и идиоматикой позволяют говорить о том, что за каждым из числительных закрепляется свой набор коннотативных сем, или **коннотативный спектр**. Этот спектр можно представить в виде шкалы, отражающей степень смысловой удаленности от изначальной идеи конкретного количества. В случае с идиомами типа рус. диал. *два ничего* 'очень мало' [7. Вып. 2. С. 34], литер. *в двух шагах* и пол. *o dwa kroki* 'близко' [2. Т. 2. S. 465], литер. *от горшка два вершка* 'о человеке низкого роста' [1. С. 61], пол. *na dwa palca* 'немного, незначительно' [2. Т. 2. S. 465], рус. диал. *семиглазка* 'пиявка' [8. Т. 37. С. 153], пол. *tysiąc tysiącami* 'неисчислимо множество' [9. Т. 5. S. 456] числительные *два*, *семь*, *тысяча* служат показателями обобщенного количества – «мало» и «много». Далее, смысловой оттенок обобщенного количества может обрести оценочное звучание: рус. *дело десятое* 'несущественно, неважно' (десятый элемент ряда мыслится как неважный, несущественный), рус. *на седьмом небе* и пол. *w siódmym niebie* 'безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (быть, чувствовать себя)' [1. С. 342; 5. С. 492] (*седьмое небо*, будучи культурным прецедентом¹, развивает коннотативный смысл наивысшего, наилучшего).

При анализе той зоны коннотативного спектра, в пределах которой числительное наделяет объект оценочными характеристиками, было установлено, что организующим началом зоны является оппозиция «**норма – аномалия**». Под аномалией мы понимаем любое отклонение от количественно заданной нормы. Это отклонение, как правило, получает определенную **оценочную** нагрузку: ср. рус. литер. *нуль без палочки* 'о ком-либо не представляющем ценности, имеющем небольшое значение' [10. Т. 2. С. 507], диал. *двойник* 'об очень много, за двоих работающем человеке' [11. Т. 10. С. 325], рус. литер. *пятое колесо в телеге* и пол. *piąte koło u wozu* 'о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо' [10. Т. 2. С. 72; 5. С. 491]; рус. литер. *семь пятниц на неделе* (у кого) 'кто-либо часто меняет свои решения' [10. Т. 3. С. 574], диал. *плутнице о семи пальцах* 'плут, ловкий' [12. С. 445], *девянсто девять не хватают до сотни* 'о дураке'; пол. *dwurażny* 'неплохой; странный, своеобразный, непонятный, оригинальный; ни плохой, ни хороший = и такой, и такой' [9. Т. 1. S. 404–405], *siedmiżona* 'легкомысленный, распутный человек' [9. Т. 5. S. 122], *od siedmiu boleści* 'никуда не годный, куда не годится' [5. С. 491], *setny* 'стократный, непомерный, крепкий, храбрый; довольно большой; красивый прекрасный; крепкий, большой': «Setne z tego ucieszenie» («Огромная радость от этого») [9. Т. 5. S. 115] (приведенная дефиниция из словаря Карловича показывает семантический переход от обобщенного количества к качественным характеристикам).

С наибольшей регулярностью идея нормы и аномалии прослеживается в семантике числительных, функционирующих в составе лексем и фразеологизмов, внутренняя форма которых образована по модели «**числительное + название органа тела**». Корпоральная норма либо не получает оценочной окраски, либо маркиру-

¹ В иудейской, христианской и мусульманской традициях бытует представление о семи небесных сферах, последняя из которых является домом Бога.

ется положительно. В первом случае числовой показатель настолько тесно ассоциируется с частью тела, что способен замещать ее обозначение: ср. рус. *пятерня* 'ладонь', пол. *przybić piątkę* 'ударит по рукам (в знак согласия)' [5. С. 345]; рус. *на четвереньках* и пол. *na czworakach* 'при помощи рук и ног (о способе передвижения)' [5. С. 55]. Во втором случае акцентируется полнота функций, выполняемых теми или иными частями тела: ср. рус. *глядеть в оба* 'быть внимательным, осторожным', рус. диал. *на руках по пять пальцев* 'о ловком, умелом, мастеровитом человеке' [13. С. 50]). В свою очередь, телесные аномалии оцениваются неоднозначно.

То, какую оценочную нагрузку получит обозначение телесной аномалии, во многом определяется **функцией «исчисляемого» органа**. Если орган является средоточием жизненных сил человека или «вместилищем» его интеллектуальных способностей, то его дублирование/увеличение маркируется положительно, ср. рус. диал. *двузильник, двузильница* 'выносливый, сильный человек; крепыш, здоровяк' [8. Т. 7. С. 305], литер. *семи пядей во лбу* 'очень умный, мудрый, выдающийся' [1. С. 373], диал. *в три ноги бегать* 'делать все очень быстро': «Как Люба засне, я ф три наги бегая» [7. Вып. 1. С. 139], *в четыре ноги* 'интенсивно': «Сапоги-то у ей, помнишь, были? Дак поехала в гости, плясала там в четыре ноги, и все подошвы оторвала» [14. С. 238], *смотреть в трое глаз* 'очень внимательно наблюдать' «Смотрят на озорного в трое глаз» [14. С. 344]. В свою очередь, неполноценное функционирование двигательных органов может образно осмысляться как нетвердое положение человека в какой-либо жизненной сфере, ср. рус. диал. *одной ногой* 'непрочно': «Она всю жись одной ногой в колхозе-то жила; хочет – робит, хочет – нет», «Учителя-то приедут, да одной ногой здися живут, поробят маленько да уедут» [14. С. 238]. Схожий случай представляет собой пол. прост. *mieć dwie lewe ręki* (на со) 'не уметь обращаться с чем-л.' [15], но здесь акцентируется **оппозиция количественного и качественного**: количественная норма налицо, однако качественный эффект недостаточен (поскольку правый и левый органы функционально неравноправны).

Близки к этой группе номинации рус. *шестое чувство* и пол. *szósty zmysł* 'обостренная способность что-л. чувствовать как дополнение к обычным пяти чувствам' [10. Т. 4. С. 713; 2. Т. 8. С. 1149], хотя в данном случае «исчисляются» не сами органы, а их перцептивные возможности.

Если же речь идет о частях тела, являющихся средоточием и выразителем **душевной жизни** человека, то их количественное увеличение мыслится как знак **моральной нечистоплотности**, ср. рус. *двуязычный* и пол. *dwujęzyczny* 'лицемерный, двойственный в словах и высказываниях' [16. Т. 3. С. 623; 17. Т. 1. С. 602], рус. *двуличный* и пол. *dwulicowy, dwutwarzny* 'неискренний, лицемерный' [16. Т. 3. С. 607; 18. Т. 1. С. 603], рус. *двоедушие* 'неискренность в словах и поступках; лицемерие, двуличие', пол. *nosić dwa języki w gębie* 'говорить то так, то иначе' [17. Т. 1. С. 312]. Помимо отрицательных моральных качеств, такого рода соматические аномалии могут также указывать на умственную неполноценность: ср. рус. диал. *одна голова – два языка* 'глупый, бестолковый' [19. С. 45].

В этой группе встречаются интересные лексические факты, которые можно назвать **«мнимые аномалии»**. Например, рус. литер. *двурушник, двурушница* 'лицо, скрывающее свои взгляды, действительные намерения и под личиной преданности кому или чему-либо действующее в пользу враждебной стороны' [16. Т. 3. С. 610]. Казалось бы, наличие такой лексики противоречит нашему представлению о двух руках как норме. Однако идея, легшая в ее основу, вполне понятна: в качестве нормы осознается наличие одной «активной» руки (правой),

ср. рус. диал. *двуручник* 'нищий, протягивающий за подаванием обе руки' [8. Т. 7. С. 308]. Значит, под *двурушником* понимается тот, у кого две «активные» руки. Сравни также развитие семантики этой лексемы на основе идеи лживости, плутовства: *двурушник* 'парень, одновременно сватающий двух девушек' [8. Т. 7. С. 308]. Любопытно, что такая функциональная неравноправность левой и правой рук имеет довольно четкое языковое закрепление. Так, функции социального взаимодействия приписываются только одной (активной) руке, ср. выражения типа рус. литер. *предложить руку и сердце, протянуть руку помощи* и т.п. Такое функционирование руки в *singularis* воспринимается как норма, что принципиально отличает ее от иных парных частей тела – прежде всего ног. Несколько иной случай «мнимой аномалии» представляет собой проекция животной нормы на человеческую: ср. пол. *kuty na cztery nogi (подкованный на четыре ноги)* 'ловкий, хитрый; с большим жизненным опытом' [20]. Образ подкованной лошади, метафорически спроецированный на человека, получает неоднозначную оценку: с одной стороны, такая подкованность мыслится как залог жизненного опыта, с другой – как нечто, позволяющее хитрить и изворачиваться.

Обратим также внимание на «аномалии», затрагивающие **органы речи и слуха** и выполняемые ими функции. Помимо приведенной номинации *двуязычный*, существует лексическая группа, слова которой образованы по модели «половина + название органа/функция органа» ср. рус. литер. *говорить вполголоса* 'тихо, приглушенно (говорить)', пол. *mówić półgębkiem* 'осторожно, вполголоса', 'неотчетливо, непонятно, отрывочно', 'несмело' [18. Т. 4. S. 942].

Важно заметить, что в случае с диалектным языковым материалом немалое значение имеют те смыслы, которыми именуемая реалья наполняется в народной культуре: ср. рус. диал. *двоезуб* («Человек двоезуб, или с волчьим зубом, почитается злым, опасным и нередко знахарем»); [21. Т. 1. С. 420]. Очевидно, *двоезубом* считается человек с двойным рядом зубов или же тот, кто родился с двумя зубами. Символика числа 2 (негативное удвоение) в данной номинации поддерживается этнокультурной символикой зубов. В славянской традиции зубы связываются с жизненной силой, со сверхъестественными способностями. Особая крепость зубов или их аномалии мыслятся как признак демонической природы человека [22. Т. 1. С. 361]. Сравни также два значения рус. диал. идиомы *зубы в три ряда*: (1) 'о имеющем хорошие зубы' («У меня зубки тогда были – три ряда, все целые») [5. С. 107] и (2) 'о чрезмерно дерзком человеке' («У Надьки зубы-те в три ряда, ты ей слово, она тебе десять», «У её зубы-те в три ряда, ей тоже охота стало это платье») [14. С. 140–141]. В осмыслении числовых аномалий, связанных с зубами, имеет место своего рода «двойной стандарт»: как физиологическая данность крепкие зубы воспринимаются сугубо положительно. Но, подвергаясь образному осмыслению и ассоциируясь с агрессией и негативным речевым поведением, зубы приобретают отрицательные коннотации.

Можно предположить, что в номинациях людей с корпоральными «излишками» (в случаях, когда речь идет о жизненно важной или символически «нагруженной» части тела) воплощается идея **компенсаторности** (ср. трансляцию подобной идеи в выражениях типа рус. *не в меру* [1. С. 243], *переполнилась мера терпения* [1. С. 517]; пол. *przebrać miarę* 'хватить через край', *przebrała się miara* 'переполнилась мера (терпения)' [5. С. 217]): если у человека две души, двойная жила или же двойной ряд зубов, то он удлиняет свой век за счет сокращения века других людей [23]. Отсюда – негативное отношение к носителям таких аномалий и приписывание им различных сверхъестественных способностей: ср. рус. диал.

двужильная лошадь – «по народному поверью, служащая на домового и потому негодная в работу; дознавшись, что лошадь двужильная, хозяин сбывает ее нипочем; если же она падет во дворе, то все лошади передохнут и нельзя боле держать лошадей. Примета ее: переход от шеи к холке, в мышках, раздваивается» [21. Т. 1. С. 420]. Вероятно, двужильная лошадь воспринимается как способная «отбирать» жилы у других лошадей и продлевающая за счет этого свой век. Получается, что культурная идея компенсаторности находит языковое выражение.

С другой стороны, негативная оценка удвоенного органа может быть связана с народным представлением об **аномальности** (и отсюда – опасности) любого **удвоения и повтора**. Так, у балканских славян повтор в рамках обрядового комплекса соотносится с вдовством или сиротством (см. об этом [24. С. 368–386]). Существует, например, запрет повторно (после ритуала отлучения) давать ребенку грудь. Нарушение этого запрета предвещает развитие у ребенка демонических свойств, раннее сиротство или раннее вдовство в будущем [24. С. 368]. Мотив нежелательности повторного брака, характерный для болгарской обрядности, нашел языковое закрепление в номинациях болг. *повторец*, *пофторко* (как прозвище) ‘мужчина, женатый во второй раз’; *повторка* ‘женщина, вышедшая замуж во второй раз’ [24. С. 374].

Среди числовых идиом, мотивированных соматизмами, встречаются также эвфемистические обозначения: ср. пол. *trzecie zęby* ‘зубы, вставленные после выпадения или удаления вторых, т.е. тех, которые вырастают после молочных’ [6. S. 33], *dwudziesty pierwszy palec*, *trzecia noga* ‘мужской член’ (разг.) [6. S. 49, 57].

Итак, лексемы и устойчивые сочетания, включающие соматические обозначения, охватывают семантические сферы моральных и физических качеств. Близкими к ним в семантическом отношении являются функционирующие в русском языке отантропонимические номинации со значением **телесной избыточности**: *полтора Ивана* ‘о человеке высокого роста’ («Какой ты большой стал, полтора Ивана и только») [25. Вып. 8. С. 96]; *полторы Матрены* ‘о человеке высокого роста:’ («У тебя, Иван, рост как раз полторы Матрены будет»; «Сын был молод, а вытянулся, что полторы Матрены») [25. Вып. 8. С. 96]; *полторы Татьяны* ‘о толстой неповоротливой женщине’ [8. Т. 29. С. 134].

Показательно, что за пределами заданной нами семантической системы координат «норма – аномалия» *полтора* обозначает, как правило, ничтожное количество, и сама «неполноценность», ненатуральность числа «полтора» поддерживает эту идею: ср. рус. литер. *полтора человека*, *полторы калеки* ‘о малом количестве людей’.

Интересно, что идея полуторности как телесной избыточности обладает потенциальной возможностью перехода из сферы физической в сферу ментальную и духовную. Сравни, например, воспоминания А. Наймана о некоторых особенностях идиолекта Анны Ахматовой: «Огромного дачного кота Глюка, который с грохотом прыгал на крышу дома, <Ахматова> называла “полтора кота”. И однажды сказала про Бродского: “Вам не кажется, что Иосиф – типичные полтора кота?”» [26. С. 215]. Далее А. Найман поясняет смысл, вложенный А. Ахматовой в эту окказиональную номинацию: «В 88-м, когда мы встретились в Нью-Йорке после шестнадцатилетнего перерыва, я увидел его *полторакоотовость* в расцвете, в полноте, в зените. Он откликался на всякий предмет, иногда такой, который до той минуты не мог быть ему известен, стартовал сразу энергично, случалось, и невпопад, и вокруг да около, но даже и в этом рысканье, подыскивании нужного слова и нужного движения не давал тебе роздыху и спуску и в конце концов выговаривал что-то существенное, неожиданное» [26. С. 372–373].

Среди числовых аномалий, функционирующих за пределами мотивационной сферы «соматика», в любопытную группу выделяется лексика и фразеология, описывающая **интеллектуальные качества человека**: ср. рус. диал. *полушалоком полушалоком* ‘о глуповатом человеке’, *половинный дурак/половина дурака* ‘о глупом человеке’; *две доли безумные, а треть дурака* ‘о глуповатом человеке’, *одного не хватает* ‘о глупом, умственно неполноценном человеке’: «Она такая, знаешь, одного не хватает, девяносто девять процентов» [27. С. 58], *девятого не хватает* ‘об умственно недалеко’ [25. Т. 12. С. 9], *не хватает девятого винта* (у кого) ‘о недогадливом или слабоумном человеке’ [8. Т. 21. С. 36], *до рубля семь гривен не хватает* ‘о психически ненормальном или очень ограниченном человеке’ [8. Т. 37. С. 158], *девяносто девять с кисточкой* (ирон.) ‘о человеке со странностями в поведении’: «У яво дивяносто девять с кистачкай – маленька не хватаит у галаве у чилавека. Езли маленька недахватываит яво, ня фсе дома» [28. С. 200], *девяносто девять не хватает до сотни* ‘о дураке’ [29. С. 68], *девяносто девять чаек, а одной чайки нет* ‘о глупом человеке’ [30. С. 31]; пол. прост. *brakuje (komuś) piętej/jednej kleпки* ‘о глупом человеке’ [6. S. 159], *półgłówek* ‘глупый человек’ [18. Т. 4. S. 943], *pólhetkowy/głowa półhetkowa* ‘о глупом человеке’ [18. Т. 4. S. 944]².

Если номинации, мотивированные соматической лексикой, опираются на четкое представление о количественной норме, то при обозначении интеллектуальной неполноценности опора на строго заданную норму невозможна. В таком случае количественный показатель задается **культурно «отмеченным» числом**. При этом заметно противопоставление двух числовых рядов – «культурного» (значимого для народной традиции) и «математического» (удобного в практике счета). Если номинатором за точку отсчета берется «культурный» числовой ряд (состоящий, например, из 7, 9, 12 или 40 элементов), то его количественное расширение/сужение мыслится как ненормативное и, следовательно, аномальное. И наоборот, с точки зрения «математической» нормы (10, 100, 1000), последний элемент ряда может трактоваться как «дополнительно-необходимый» (ср. пол. *dodane do stu* ‘о чем-л. точном, безусловном’ [32. S. 249]). Сравни *девятые люди* – «так дразнят обывателей с. Кузаранды в Заонежье. Причиной [...] служит старинное предание: обыватели с. Кузаранды в количестве 10 человек отправились в путь; после какой-то переправы они вздумали проверить, все ли они налицо, но сколько ни считали, кто ни принимался считать, всех участвующих в пути оказывалось уже не 10, а 9 человек. Как погиб один из товарищей и кто он такой, они никак не могли припомнить и сильно горевали. Кто-то уже посторонний пересчитал их, нашел, что они все налицо, и объяснил им, что все считавшие забыли посчитать самих себя» [33. С. 18].

В основе данной номинации лежит представление о 9 как о «**неполном**» **числе**, тогда как и в русской, и в польской культурных традициях оно воспринимается как «**достаточное**»: ср. рус. литер. *девясил* ‘травяное растение или кустарник сем. сложноцветных’ [10. Т. 1. С. 376]; *девятини* ‘девятый день после смерти; поминки в девятый день после смерти’ [8. Т. 7. С. 325]; *девятый вал* ‘наиболее бурное, сильное проявление чего-либо грозного; наивысший подъем, взлет чего-либо (от названия наиболее сильной и опасной волны во время бури)’ [1. С. 54]; пол. *dziewiątka* ‘ядовитый червь, после укуса которого человек умирает в течение 9 дней’ [9. Т. 2. S. 436], *dziewiąciórny* ‘определение ряда болезней’: «Kołtun jest “dziewiąciórny”, co znaczy, że ma “jakby 9 chorób do siebie”. A inne choroby są “dziewiąciórne”, ale nie wszystkie» («Бывает колтун “девятерной”, это значит, что

² Польск. *het* ‘очень давно’; ‘очень далеко’ [31].

он якобы имеет своей причиной 9 болезней. Некоторые болезни “девятерные”, но не все»), *dziewięciojesiennik* ‘лекарство от чумы’: «Roślina tak zwana dla tego, że korzeń jej musi przez 9 jesieni krzewić się w ziemi, ażeby nabrał siły skutecznej» («Растение называется так потому, что его корень должен в течение 9 осенних сезонов разрастаться в земле, чтобы набрать лечебную силу») [9. Т. 2. S. 437].

В случае же с *девятými людьми* предпочтение отдается **математически круглому** числу 10. Сравни подобные диалектные факты, передающие представление о норме через круглое число: *десятой клёнки не хватает* ‘не совсем умен’ [14. С. 399], *дó ста тóлько девяносто* ‘об умственно отсталом человеке’: «Дикоумная она, у ей до ста только девяносто» [14. С. 360]. В связи с этим можно говорить о том, что идея недостатка переходит в идею умственной неполноценности. По мысли В. Айрапетяна, десятый элемент может трактоваться как «дополнительно-необходимый», покрывающий собою остальные элементы и поддерживающий порядок внутри ряда [29. С. 122–124], ср. лат. *decanus* ‘командир отделения из 10 человек; декан, старший в группе из 10 монахов’ [34. С. 222].

Помимо сфер душевного, физического и интеллектуального состояния человека, «числовые аномалии» способны описывать такие стороны жизни, как **социальные взаимоотношения** (рус. литер. *третий* и пол. *osoba trzecia* ‘постороннее лицо, посторонний’ [16. Т. 15. С. 918; 5. С. 560], рус. литер. *пятая спица в колесе* и пол. *piąte koło u wozu* ‘о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо’ [5. С. 491], пол. *dziewiątego w plugu nie trzyma się* (девятый в плуге не держится) ‘о ком/чем-л. незначительном’ [32. S. 250], *ta trzecia* ‘любовница мужа’ [6. S. 121]); **социальные институты** (рус. литер. *четвертая власть* и пол. *czwarta władza* ‘средства массовой информации’, пол. *drugi obieg wydawniczy* ‘самиздат’ [5. С. 81], рус. *пятая колонна* ‘нарицательное наименование вражеской агентуры внутри страны или общественного движения, предназначенной путем подрывных действий изнутри способствовать победе враждебных внешних сил’ [35]); **жизненные циклы и связанные с ними реалии** (рус. литер. *вторая молодость* и пол. *druga młodość* ‘прилив новых сил, подъем энергии в пожилом возрасте’ [10. Т. 1. С. 240; 6. S. 31], пол. *siódmy batalion* ‘кладбище’: «Siódmym batalionem – my, jeńcy sześciu batalionew woldenberskich – nazywaliśmy nasz obozowy cmentarz» («Седьмым батальоном мы, пленники шести вольденберских батальонов, называли наше лагерное кладбище») [6. S. 157]). Отметим, что в случае с пол. *siódmy batalion* и *ta trzecia* числовой показатель также выступает как средство эвфемизации.

Из приведенных примеров особое внимание хотелось бы обратить на *пятую колонну*. О происхождении этого выражения известно следующее: «“Пятая колонна” – наименование нацистской агентуры в различных странах, которая осуществляла диверсионную и шпионскую деятельность, сеяла панику, занималась саботажем и помогала захвату этих стран германскими войсками. Термин “пятая колонна” впервые вошел в обиход в начале октября 1936 года во время Гражданской войны в Испании, когда франкистский генерал Эмиль Моло заявил по радио, что мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла» [36]. В современном употреблении *пятой колонной* можно назвать, в частности, проамериканскую агентуру, которая устраняет законную, но не угодную Америке власть в каком-либо суверенном государстве (например, в случае со смещением Слободана Милошевича в Югославии) [35]. В российской публицистике *пятой колонной* часто именуется еврейская часть населения той или иной страны (чаще, конечно, России): ср., например, газетные заголовки типа «Пятая колонна: Еврейский след», «Сага о пятой колонне и прокремлевских СМИ», «Пятая колонна и убийство Кирова»,

под которыми обсуждается тема участия евреев в политической жизни России. Такое развитие значения кажется вполне закономерным, поскольку, начав функционировать в переносном значении, идиома *пятая колонна* приобрела семантический компонент «иная национальная принадлежность → враждебный идеологический настрой». В Израиле, в свою очередь, *пятой колонной* можно назвать арабское население: ср. статью под названием «Израильская пятая колонна», в которой обсуждается опасная, по мнению автора, перспектива роста арабского населения. Можно предполагать, что, например, в Турции место *пятой колонны* будет за курдами. Однако в русском языке употребительность выражения *пятая колонна* поддерживается и такой прецедентной реалией, как наличие в советском паспорте пятой графы, в которой указывалась национальность. Возможна контаминация двух прецедентных фактов – пятой колонны и пятой графы (колонки), что приводит к образованию таких эвфемистических идиом, как *пятая графа/пункт* ‘о принадлежности к еврейской национальности’ [37], *инвалид по пятому пункту* ‘о человеке еврейской национальности’ [38].

Невписанность объекта в числовой ряд может получать противоречивое аксиологическое осмысление. С одной стороны, нерядоположенный объект мыслится как **интересный, выдающийся**: ср. рус. *восьмое чудо света* и пол. *ósmu cud świata* ‘о чем-л. необычном, выдающемся’ [2. Т. 5. S. 1262], рус. *дюжинный* и пол. *tuzinkowy* ‘обыкновенный, ничем особо не выделяющийся; заурядный’ [10. Т. 1. С. 460; 18. Т. 7. S. 174], рус. *недюжинный* и пол. *nietuzinkowy* ‘выдающийся среди других; незаурядный’ [10. Т. 2. С. 442; 2. Т. 5. S. 1214]. С другой стороны, расширение ряда мыслится как **нежелательная аномалия**: *чертова дюжина* ‘о ком-либо или о чем-либо в количестве тринадцати, числом тринадцать’. Решающую роль в порождении данного смысла играет культурная нагруженность числительного 12 (связь с библейской традицией: 12 апостолов, 12 сыновей Иакова). Кажется, что в польском языке не существует эквивалента для рус. *чертова дюжина*, хотя представление о 13 как несчастливом числе существует: ср., например, запрет на посев в 13-й день месяца [39].

В заключение постараемся выделить **базовые модели** порождения лексем и идиом, условно обозначенных как «числовые аномалии». Представляется, что как для русского, так и для польского языка основных моделей всего две:

1. Числовая аномалия образуется на базе формулы **N +/- 1 или 0,5**, где N – нормальное количество. В случае с такими номинациями не вполне уместно говорить о символическом наполнении числительного, поскольку на первый план выходит семантика аномальной избыточности.

Внутри данной группы можно выделить две разновидности:

а) количественная норма является эмпирически заданной и очевидной (например, язык должен быть один, а рук две): рус. *двуязычный, полтора Ивана*; пол. *dwutwarzny, trzecie zęby* и др.);

б) нормальное количество задается произвольно (в том случае, если оно не может быть эмпирически заданным): рус. *половинный дурак, девятые люди*; пол. *brakuje (komuś) piątej/jednej kleпки* и др.

2. Числовая аномалия задается культурно отмеченным числом: рус. *семи пядей во лбу, семь пятниц на неделе, плутище о семи пальцах, на седьмом небе* и пол. *w siódmym niebie, dziewiątego w pługu nie trzyma się* и др.

Выделенные нами группы позволяют осмыслить и систематизировать основную массу рассмотренных выше языковых фактов. Но, конечно, говоря о базовых моделях, мы невольно упускаем из виду отдельные исключительные случаи. Так, например, номинация *четырёхглазый* (пренебр.) ‘о человеке в очках’ образуется

по формуле $N \times 2$, а пол. *na sto dwa* 'комар носу не подточит, на ять' [5. С. 82] – по формуле $N+2$. В свою очередь, внутренняя форма лексемы *двурушник* не воспринимается как «аномальная» (об этом см. выше). Рус. *восьмое чудо света* и пол. *ósmu cud świata* 'о чем-л. необычном, выдающемся' [2. Т. 5. S. 1262] представляют собой промежуточный случай: числовой компонент формируется в соответствии с формулой $N+1$, где N представляет собой культурный прецедент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
2. Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958–1969. Т. 1–10.
3. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. М., 2003.
4. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.
5. Новый польско-русский словарь. М., 2005.
6. Dąbrowska A. Słownik eufemizmów polskich. Warszawa, 2005.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
8. Словарь русских народных говоров. Л., 1966–. Т. 1–.
9. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
10. Словарь русского языка. М., 1981–1984. Т. 1–4.
11. Архангельский областной словарь. М., 1980–. Т. 1–.
12. Елистратов В.С. Язык старой Москвы. Лингвонциклопедический словарь. М., 2004.
13. Пащенко В.А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Чита, 1999. Ч. 1–2.
14. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров, Пермь, 2002.
15. Личные записи автора.
16. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
17. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1967–1968. Т. 1–2.
18. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1904–1927 (1952–1953). Т. 1–8.
19. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.
20. www.cewip.org/dictionary_2/numbers
21. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.
22. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–. Т. 1–.
23. Журавлев А.Ф. О реконструкциях древнеславянского мировоззрения (о категориях доли и меры и их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания. М., 1998.
24. Седякова И.А. Лингвокультурные основы родинного текста болгар. Дис. ... д-р филол. наук. М., 2007.
25. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
26. Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 2002.
27. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокриенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001.
28. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
29. Айрапетян В. Толкуя слово: опыт герменевтики по-русски. М., 2001.
30. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
31. <http://sjp.pwn.pl/lista.php?co=het>
32. Wysoczański W. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Wrocław, 2005.
33. Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
34. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2002.
35. <http://www.hrono.ru/organ/ukazatel/5kolonna.html>
36. <http://www.fact400.ru/mif/reich/00127.html>
37. <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=75261>
38. <http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/geyzer.htm>
39. Картотека SSiSL (Słownik stereotypów i symboli ludowych), составляемого в Люблине (Польша) под руководством Е. Бартминского.

© 2010 г. А. Н. ПТИЦЫН

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ИЗ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИИ (XIX – начало XX века)

История зарубежного предпринимательства в дореволюционной России изучена неравномерно. Основное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей концентрировалось на роли английских, германских, французских и бельгийских бизнесменов в российской экономике. Деятельность же австро-венгерских предпринимателей в стране еще не стала предметом специального исследования, несмотря на то, что в XIX – начале XX в. Габсбургская монархия являлась одним из основных внешнеэкономических партнеров Российской империи. Так, в начале XX в. она занимала во внешнеторговом обороте России пятое место [1. С. 54]. Динамика роста двусторонней торговли была впечатляющей: в 1840 г. товарооборот составлял 6.2 млн руб., в 1860 г. – 14 млн руб., в 1880 – 55.7 млн руб., в 1900 г. – 53.2 млн руб., в 1913 г. – 101 млн руб. [1. С. 54; 2. С. 54–57; 3. С. 3].

С середины XIX в. в Россию стал направляться мощный миграционный поток из Австро-Венгерской монархии [4. Р. 50]. Подданные Франца-Иосифа в это время находились на лидирующих позициях среди иностранцев, въезжавших в нашу страну. Согласно данным первой всероссийской переписи 1897 г., они занимали второе место среди всех иностранцев, находившихся на территории Российской империи (121 599 чел., что составляло 20.1% от общего числа всех иностранцев), немного уступая подданным Германии [5. Т. I. С. 3]. Очень интенсивным был миграционный поток между двумя странами и в начале XX в. Так, в 1907–1913 гг. количество подданных Франца-Иосифа, приезжавших в Россию, превышало число выезжавших обратно на 5–7 тыс. чел. ежегодно. Согласно статистическим данным, именно Австро-Венгрия среди всех европейских стран давала наибольшее число иностранцев, остававшихся на жительство в России [6. II Отд. С. 58–59].

Австро-венгерская эмиграция была многонациональной. Большинство переселенцев составляли представители славянских народов империи. При этом наиболее многочисленной являлась чешская диаспора. В 1897 г. в России проживало 50 385 чехов и словаков (российская перепись их не разделяла). Среди эмигрантов было также немало австрийских немцев, а вот венгров, по данным той же переписи, насчитывалось всего 961 человек [5. Т. I. С. XI, XXI].

Миграция из Австро-Венгрии в Россию, как и в другие страны – США и Германию – была вызвана, прежде всего, экономическими причинами [7. Р. 168]. Она

Птицын Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент Ставропольского государственного университета.

была весьма многоликой, вовлекая в свою орбиту людей различных профессий и состояний. Особую группу среди австро-венгерских переселенцев составляли предприниматели. Пользуясь благоприятными условиями, созданными российским законодательством, подданные Габсбургской монархии, наряду с выходцами из других стран, приняли активное участие в основании различных предприятий: первоначально их привлекало железнодорожное строительство, затем они стали вкладывать средства в строительство промышленных предприятий, объектов инфраструктуры, торговых заведений и т.д. Среди австро-венгерских переселенцев в России доля «деловых людей» была достаточно высокой. Например, 15% подданных Франца-Иосифа, проживавших в 1890-е годы в Ставропольской губернии, было занято торговлей [8. Ф. 101. Оп. 1. Д. 116. Л. 74].

Правовую базу деятельности австро-венгерских предпринимателей в России, помимо российских законов, создавали двусторонние договоры: трактат о торговле и мореплавании от 2 (14) сентября 1860 г., декларация о взаимном признании акционерных (анонимных) обществ и других товариществ от 16 (28) января 1867 г., торговая конвенция от 6 (18) мая 1894 г. и др. Согласно этим документам, австро-венгерские подданные в России (как и россияне в Габсбургской монархии) получили право свободно приобретать недвижимость, основывать промышленные и торговые предприятия, создавать акционерные общества и заниматься предпринимательством на тех же условиях, что и местные жители [9. Т. 1. С. 89, 95; Т. 2. С. 36].

Следует отметить, что австро-венгерские дипломатические представительства в России оказывали своим предпринимателям серьезную поддержку, снабжая их необходимой информацией, оказывая консультационные услуги и помогая разрешать возникавшие коллизии¹. Представители бизнес-кругов Двуетидной монархии, в свою очередь, активно изучали российский рынок, участвовали в проведении всероссийских выставок, постоянно размещали рекламу в российских газетах и журналах. Делегации австро-венгерских предпринимателей неоднократно посещали нашу страну с целью налаживания деловых контактов и организации там собственного бизнеса [10. Ф. 151. Оп. 482. Д. 576. Л. 218; Д. 586. Л. 121 и др.].

Предпринимательскую деятельность в России вели переселенцы из различных австро-венгерских земель. В их числе были австрийские немцы, чехи, поляки, русины, венгры, евреи, итальянцы и др. При этом большинство предпринимателей были выходцами из самых развитых в экономическом отношении собственно австрийских и чешских земель. Следует отметить, что предпринимательская деятельность австро-венгерских евреев в Российской империи была несколько затруднена, поскольку на них, по условиям российско-австрийского торгового трактата 1860 г., распространялись все ограничительные условия, существовавшие в то время для российских евреев [9. Т. 1. С. 89]. Дела о допуске евреев-предпринимателей в Россию решались персонально министром внутренних дел после их обращения в соответствующее российское консульство.

Хотя австрийские и венгерские купцы эпизодически посещали русские земли, начиная еще с XI в., становление австро-венгерского предпринимательства, как исторического феномена, следует отнести к 30-м годам XIX в. Пионером австрийского предпринимательства в России являлся Франц Герстнер. Талантливый

¹ В начале XX в., помимо посольства в Петербурге, в России действовали 19 консульств, вице-консульств и консульских агентств Австро-Венгрии, рассредоточенных по всей европейской части страны.

инженер, профессор Венского политехнического института, он был одновременно и успешным предпринимателем. Ф. Герстнер строил первые железные дороги в Австрии и в 1834 г. для этой же цели был приглашен в Россию. Он разработал проект строительства нескольких железнодорожных линий в Европейской России и в качестве первого опыта получил разрешение построить дорогу Петербург – Царское Село. 14 апреля 1836 г. было организовано акционерное общество для строительства этой дороги, в котором главную роль играл Ф. Герстнер. Первая в России Царскосельская железная дорога, открытая осенью 1837 г., оказалась успешной и в коммерческом отношении [11. С. 131–134].

В 1839 г. было организовано акционерное общество для строительства железнодорожной линии Варшава – Вена, в котором главную роль играли австрийские финансисты. Эта магистраль, открытая в конце 1840-х годов, стала третьей по счету железной дорогой, построенной в Российской империи и первой линией зарубежного сообщения [11. С. 134, 137]. Австрийские капиталы играли заметную роль и в строительстве других российских железных дорог, преимущественно на юго-западе и юге страны. Так, в 1865 г. австрийская железнодорожная компания, возглавляемая венским финансистом Оффенгеймом, получила концессию на постройку дороги Лемберг – Кишинев – Одесса, связавшей восточные регионы Австрии с крупнейшим российским черноморским портом [12. С. 43–44].

Помимо железнодорожного строительства, австрийских инвесторов привлекали и другие объекты транспортной инфраструктуры. В 1884 г. компания, образованная тремя крупными венскими банкирами (Нешауером, Зингером и Оренгеймом), получила от российского правительства концессию на строительство «керосиновой станции» в Батумском порту, через который в то время шел основной поток нефтяного экспорта из России. Это сооружение было построено в краткие сроки с применением новейших по тем временам технологий и представляло собой нефтяной терминал, включавший четыре резервуара на 150 тыс. пудов керосина каждый, четыре мощных паровых насоса и нефтепровод длиной четыре версты. После постройки терминала стал возможен вывоз нефтепродуктов из Батума с использованием танкеров (ранее керосин перевозился в бочках), что позволило значительно нарастить объемы экспорта [13. С. 202].

Австро-венгерские инвесторы проявляли серьезный интерес к строительству в России различных промышленных предприятий. По данным промышленной переписи 1900 г. в стране в это время действовало 41 предприятие, основанное подданными Габсбургской монархии. Из этого количества пять предприятий были основаны до 1860 г., шесть – появились в 1870-е годы, восемь – в 1880-е и 21 – в 1890-е годы, когда российское правительство особенно активно занималось привлечением зарубежного капитала. Для сравнения: в 1900 г. германским предпринимателям принадлежало 212 заводов и фабрик, английским – 37 и французским – 29 предприятий. Примечательно, что более половины австро-венгерских предприятий возникло в 1890-е годы [14. С. 49–50].

Географическая структура иностранного предпринимательства в России, в общих чертах, соответствовала размещению иностранного населения по стране. По данным переписи 1897 г., наибольшая концентрация австро-венгерских подданных отмечалась в юго-западных губерниях и Царстве Польском. Согласно же данным русской фабричной статистики, в 1900 г. две трети промышленных предприятий, принадлежавших этой категории, были сконцентрированы в Царстве Польском и Юго-Западном районе: соответственно 19 и 8 предприятий из 41 [14. С. 49]. Заводы и фабрики выходцев из австро-венгерских земель находились так-

же в Москве, Петербурге, Прибалтике и на Северном Кавказе. Предприятия эти относились к различным отраслям, как правило, хорошо развитым в самой Австро-Венгрии. Среди них были металлургические и оружейные заводы, рудники и шахты, предприятия по производству стройматериалов, деревообрабатывающие и мебельные фабрики, предприятия пищевой промышленности (пивоваренные заводы, колбасные и табачные фабрики) и др.

Подавляющее большинство «деловых людей» австро-венгерского происхождения можно отнести, по современной терминологии, к представителям среднего и малого бизнеса, крупных же капиталистов среди них было немного. Организационно-правовая форма австро-венгерских предприятий, действовавших в России, была различной. Среди них были акционерные общества, «товарищества на вере», предприятия, находящиеся в индивидуальной собственности и др. Крупные предприятия, как правило, принадлежали акционерным обществам, среди которых выделялись следующие компании.

Акционерное общество «Фабрика патронов и пистонов» с правлением в Праге имело два завода в Австрии, и по одному – в Германии и России. В России деятельность общества началась с 1888 г., с учреждения российского ответственного агентства компании во главе с Гансом Либертрад фон Майнедорфом. Этому обществу принадлежал пистонный и патронный завод в Риге², который в начале 1900-х годов производил продукции на сумму 200–250 тыс. руб. ежегодно. Основной капитал общества в России в 1913 г. составлял 350 тыс. руб., годовая прибыль – 57 тыс. руб. Дивиденды акционеров компании были достаточно высокими – 16% на основной капитал [15. С. 330–331].

Акционерное общество «Сталелитейный завод Польдигютте» являлось одной из ведущих металлургических компаний Австро-Венгрии. Его правление находилось в Вене, а основные заводы – в Кладно (Чехия). В 1899 г. в России было учреждено специальное ответственное агентство во главе с Юлианом Пелкалой. Вначале компания только продавала в России продукцию чешских заводов, а в конце 1900-х годов построила металлургические заводы в Москве и в Варшаве, где выплавлялась высококачественная сталь. Основной капитал общества «Польдигютте» в России к 1913 г. достиг весьма значительной суммы – 500 тыс. руб. Годовая прибыль общества по операциям в России в 1903 г. составляла 87,3 тыс. руб., в 1913 г. – 30 тыс. руб. Дивиденды акционеров компании в 1913 г. равнялись 10% на основной капитал [15. С. 324–325].

На рубеже XIX–XX вв. в России весьма успешно действовали австрийские компании, специализирующиеся на производстве и продаже мебели. Как известно, Вена в то время являлась мировым центром мебельного дизайна. Венская фирма «Братья Тонет» имела девять мебельных фабрик в различных странах, в том числе – фабрику в г. Новорадоме (Царство Польское). Торговые отделения и магазины фирмы находились в Петербурге, Москве, Одессе и Варшаве³ [16. Т. II. С. 563]. Другая австрийская компания – «Акционерное общество фабрики венской мебели Якова и Иосифа Кон» – в 1890-е годы открыла в России две мебельных фабрики – в Новорадоме и Петербурге, а также фирменные магазины в крупнейших российских городах. Основной капитал общества в России составлял

²Профиль деятельности данного акционерного общества вызывает удивление, поскольку Австро-Венгрию в то время уже рассматривали в России в качестве «наиболее вероятного противника».

³Примечательно, что фирма «Братья Тонет» считалась официальным поставщиком русского императорского двора.

в это время 750 тыс. руб., часть его акций была реализована на Варшавской бирже. Чистая прибыль общества в 1901–1903 гг. колебалась в пределах 85–100 тыс. руб. в год, дивиденды акционеров составляли 10–16% годовых [16. Т. I. С. 147].

К числу крупных промышленных предприятий, открытых австро-венгерскими предпринимателями в начале 1900-х годов, относятся: лесопильный завод в г. Рени (Бессарабская губ.), принадлежавший «Акционерному обществу лесной промышленности и паровых лесопильных заводов» (владельцы М. Порлаум и О. Маубах) и фабрика резиновых изделий «Russia» в Риге (владельцы братья Рудольф и Юлиус Фрейзингеры) [16. Т. II. С. 429].

Австрийские капиталы вкладывались также в предприятия по добыче полезных ископаемых. Так, в 1905 г. австро-венгерский подданный Александр фон Турн получил концессию на разработку Змеиногорского месторождения полиметаллических руд на Алтае. В 1910 г. он же совместно с Иосифом Жаннэ получил новую концессию, условия которой предусматривали исключительное право эксплуатации рудников Зырянского горного района на Алтае, где велась добыча золота и других металлов [18. С. 127].

Деятельность австро-венгерских предпринимателей «провинциального уровня» можно рассмотреть на примере Ставропольской губернии. В начале 1880-х годов чехи Вацлав Салис и Карл Префет, а также богемский немец Антон Груби открыли в Ставрополе свои пивоваренные заводы, выпускающие австрийское и чешское пиво по оригинальным рецептам, и минеральные и фруктовые воды. Иностранные фабриканты применяли передовые по тем временам технологии, например, в качестве топлива на заводе А. Груби использовался природный газ, добываемый прямо на заводской территории⁴. Помимо пивоварения, австро-венгерские подданные основали в Ставрополе современное по тем временам колбасное производство (фабрика чеха Карла Новотни). Имелись иностранные предприятия и в селах Ставропольской губернии. В частности, в селе Белая Глина действовал пивоваренный завод Франца Груби, брата ставропольского пивовара [8. Ф. 101. Оп. 3. Д. 185. Л. 12–16].

Помимо промышленного предпринимательства выходцы из австро-венгерских земель весьма активно занимались в России торговлей. Многие австро-венгерские промышленные и торговые компании имели в России своих представителей и торговых агентов, которые разъезжали по стране, продавая товары австро-венгерского производства и скупая сельскохозяйственные продукты и сырье, поставляемые затем на австрийский рынок. Так, только в одном австрийском городе – Триесте – в середине 1900-х годов, по свидетельству российского консула, насчитывалось около 20 торговцев и коммивояжеров, регулярно посещавших Россию [18. С. 268].

Выходцы из австро-венгерских земель занимали ведущие позиции среди иностранных торговцев в крупнейших российских городах. Среди собственников торговых заведений Петербурга, по данным 1913 г., они занимали третье место, после немцев и французов, владея 11-ю магазинами, причем девять из них располагались в аристократическом центре города [14. С. 43]. В Москве в начале XX в. действовало около десятка торговых фирм, принадлежавших подданным Франца-Иосифа. Помимо столиц, австро-венгерские торговые дома и товарищества действовали в то время также в Киеве, Харькове, Риге, Одессе и других городах

⁴ Любопытно, что пивоваренный завод, некогда основанный А. Груби, действует в Ставрополе и по сей день, а одной из его фирменных марок в настоящее время является пиво «Антон Груби».

Численность торговцев чешского и венгерского происхождения в России по данным всеобщей переписи 1897 г. [5. Т. II. С. 327, 343]

Вид деятельности	Чехи	Венгры
Торговое посредничество	20	3
Торговля вообще, без указания ассортимента	170	20
Торговля скотом	23	5
Торговля зерновыми продуктами	14	4
Торговля прочими сельскохозяйственными продуктами	94	8
Торговля строительными материалами и топливом	12	1
Торговля предметами домашнего обихода	37	5
Торговля металлическими изделиями, машинами и оружием	16	1
Торговля тканями, одеждой, кожами	126	3
Торговля предметами роскоши и искусства	30	5
Торговля спиртными напитками	116	3
Торговля развозная и разносная	101	13
Итого	759	71

(см. [16. Т. II]), а также занимались оптовой и розничной торговлей в российской глубинке, например, в селах и станицах Ставропольской губернии и Кубанской области⁵ [8. Ф. 101. Оп. 3. Д. 185. Л. 116–117].

Первая всероссийская перепись населения дает интересные сведения о численности и основных направлениях торговой деятельности представителей двух крупных народов Австро-Венгрии – чехов и венгров (табл. 1).

Таким образом, переселенцы из Австро-Венгрии освоили все основные «торговые ниши», причем наибольшей популярностью пользовалась торговля различными сельскохозяйственными продуктами, тканями и одеждой, а также спиртными напитками.

Следует упомянуть и о том, что, по данным переписи 1897 г., 387 чехов и 36 венгров, проживавших на территории Российской империи, указали в качестве источника средств своего существования доходы от собственного капитала или недвижимого имущества [5. Т. II. С. 327, 343].

Австро-венгерские предприниматели, хотя и в меньших масштабах, были представлены и в других отраслях российской экономики – банковском деле, рекламном бизнесе, сфере услуг и др. Так, в начале XX в. одной из крупнейших банкирских контор Одессы, с уставным капиталом в 720 тыс. руб., была контора австрийских выходцев братьев Альфреда и Александра Трабботи. Примечательно, что один из братьев «в интересах бизнеса» принял российское подданство, а второй оставался подданным Франца-Иосифа [16. Т. II. С. 478]. В Петербурге выходцам из Австро-Венгрии, наряду с промышленными и торговыми предприятиями, принадлежали также типография и ресторан [16. Т. II. С. 518–519]. В Москве располагалось правление крупной рекламной фирмы «Л. и Э. Метцль и К^о», созданной австрийцем Людвигом Метцлем. Фирма имела свои «конторы по приему объявлений» в Петербурге, Варшаве, различных городах Европы и США

⁵В станице Гулькевичи Кубанской обл. действовало даже представительство австрийской фирмы Вильгельма Грунта, занимавшейся поставками автомобилей, произведенных в Габсбургской монархии.

Подданство иностранных предпринимателей в Москве, Петербурге и Одессе в 1913 г.
[14. С. 45]

Москва		Петербург		Одесса	
Германия	184	Германия	99	Греция	74
Австро-Венгрия	45	Франция	39	Турция	65
Франция	41	Австро-Венгрия	23	Германия	46
Швейцария	21	Великобритания	19	Австро-Венгрия	20
Великобритания	19	Швейцария	12	Франция	12
Швеция	10	Швеция	8	Великобритания	11
Прочие	41	Прочие	23	Прочие	30
Всего	363	Всего	223	Всего	258

[16. Т. II. С. 743]. Примером деятельности австро-венгерских предпринимателей в социально-культурной сфере может служить открытие в 1910 г. первого стационарного кинотеатра в Ставрополе, построенного фабрикантом К. Новотни⁶ [8. Ф. 101. Оп. 5. Д. 305. Л. 9].

Австро-венгерские подданные, как и другие иностранцы, охотно покупали российские ценные бумаги, вовлекаясь, таким образом, в сферу финансового предпринимательства. Практически неизвестной страницей двухсторонних отношений является организация русского займа в Австро-Венгрии в кризисном для России 1906 г. Информация о размещении ценных бумаг русского займа на Венской бирже, по свидетельству российских дипломатов, вызвала в Австро-Венгрии большой интерес. При этом представители влиятельной еврейской общины в этой стране призывали к бойкоту русского займа, ссылаясь на нарушения прав российских евреев. Однако, несмотря на это, заем был успешно реализован, и многие подданные Дунайской монархии стали владельцами российских ценных бумаг [10. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 639. Л. 32об.].

К началу Первой мировой войны австро-венгерские предприниматели находились на ведущих позициях в крупнейших российских городах, о чем свидетельствует табл. 2.

Таким образом, в 1913 г. австро-венгерские выходцы занимали второе место среди иностранных предпринимателей в Москве, третье место – в Петербурге, четвертое место – в Одессе. Подданные Дунайской монархии составляли в то время 12% среди иностранных предпринимателей Москвы и 10% – Петербурга.

После начала Первой мировой войны бизнесу австро-венгерских подданных в России был нанесен серьезный удар. В 1915 г. в стране широко развернулась кампания против «немецкого засилья». Согласно принятым в это время законам, германские и австро-венгерские подданные должны были в принудительном порядке продавать свои предприятия и иное недвижимое имущество. Правда, имелись и различные юридические лазейки, позволяющие избежать этого, поэтому из 611 акционерных обществ, созданных при участии германского или австро-венгерского капитала, ликвидации подлежали только 96. Фактически же было ликвидировано только 30 из них [19. С. 234–237]. После октября 1917 г. австро-венгерское предпринимательство в России исчезло окончательно.

⁶ Кинотеатр этот действует до сих пор.

Таким образом, австро-венгерские предприниматели играли в дореволюционной России заметную роль и находились на ведущих позициях среди иностранных предпринимателей. Австро-венгерский капитал широко интегрировался в транспортную систему, промышленность и торговлю России. Австро-венгерские предприниматели, как и другие иностранные бизнесмены, выступали в нашей стране в качестве своеобразных трансляторов нового предпринимательского опыта, передовых технологий, западной предпринимательской культуры. Они внесли позитивный вклад в социально-экономическое развитие нашей страны и оставили о себе, как правило, добрую память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1900 г. СПб., 1902.
2. Статистические сведения о внешней торговле России, представленные в графических изображениях на Всероссийскую выставку 1896 г. СПб., 1896.
3. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1913 г. СПб., 1914. Ч. 1.
4. *Berend J.T., Ranki G.* The European Periphery and Industrialization 1780–1914. Budapest, 1982.
5. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905.
6. Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914.
7. *May A.J.* The Habsburg Monarchy 1867–1914. Cambridge (Mass.), 1960.
8. Государственный архив Ставропольского края.
9. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. СПб., 1902.
10. Архив внешней политики Российской империи.
11. История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX в.
12. О направлении Одесско-Лембергской железной дороги. Кишинев, 1865.
13. *Скальковский К.* Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях. СПб., 1887.
14. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997.
15. Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914.
16. Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. СПб., 1905.
17. *Сапоговская Л.В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1998.
18. *Щекин М.* Русская торговля в Триесте // Сборник консульских донесений за 1908 г. СПб., 1908. Вып. II.
19. *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968.

© 2010 г. *Н.И. БУХАРИН*

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1992–2008)

Распад в конце 1991 г. Советского Союза и образование новой демократической России открыли новую главу в многовековых российско-польских отношениях. Президент РФ Б.Н. Ельцин и президент Республики Польша (РП) Л. Валенса пытались вписать в эту главу принципиально новые страницы. Россия отошла от советской политики гегемонии, «старшего брата» и начала строить свою политику в отношении Польши на принципах уважения суверенитета, невмешательства, равноправия, партнерства, взаимного учета коренных интересов.

В 1992–1993 гг. была создана новая правовая база этих отношений, удалось достичь большого прогресса в решении проблем прошлого, заключить соглашения о строительстве польского участка газопровода Ямал – Европа и долгосрочных поставках газа в Польшу. До 17 сентября 1993 г. российские войска покинули территорию РП. Польской стороне были переданы документы, касающиеся так называемой Катынской трагедии. В 1993 г. во время официального визита в Польшу президент РФ Б.Н. Ельцин принес извинения за это преступление сталинского режима, сказав перед катынским крестом в Варшаве: «Простите». Хотя в этот период и для России, и для Польши взаимные отношения не были приоритетом, они все-таки являлись значимыми.

В результате дезинтеграции СЭВ и быстрых экономических реформ Л. Бальцеровича произошел системный отрыв польской экономики от советской и российской. Сохранилась лишь зависимость Польши от поставок российской нефти и газа. В 2007 г., по данным польской статистики, на Россию приходилось 44,29% природного газа и 93,61% нефти, потребляемых в Польше [1].

В начале 1990-х годов наблюдалось сокращение российско-польской торговли, связанное с переходом на товарообмен в свободно конвертируемой валюте и со сменой социально-экономических систем в Польше и России. В 1993 г. товарооборот между странами сократился до рекордно низкого уровня – 1,9 млрд долл. Но с 1994 г. началось восстановление объемов российско-польской торговли.

Курс Польши на вступление в НАТО, не сложившиеся отношения между президентами Б.Н. Ельциным и Л. Валенсой стали причинами охлаждения российско-польских политических отношений в 1994 г. После победы на президентских выборах А. Квасьневского (ноябрь 1995 г.) появилась тенденция к некоторому оживлению взаимных отношений. Они резко ухудшились после

Бухарин Николай Иванович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

прихода к власти осенью 1997 г. правоцентристского правительства Е. Бузека. В двусторонних отношениях стали нарастать противоречия и конфликты. В частности 23 февраля 2000 г. произошел инцидент перед консульством РФ в Познани. Группа молодых прочеченски и националистически настроенных поляков ворвалась на территорию консульства, сорвала и растоптала российский флаг, сделала краской антироссийские надписи на здании консульства. Польское правительство воспрепятствовало реализации предложения Газпрома по строительству измененной трассы второй нитки газопровода Ямал – Европа.

Улучшение взаимных политических отношений произошло после прихода к власти осенью 2001 г. левоцентристских сил. Визит президента РФ В.В. Путина в Польшу в январе 2001 г. продемонстрировал стремление России к новому партнерству в отношениях с РП. В 2002–2004 гг. двусторонние политические отношения развивались в конструктивном русле. Постоянным был политический диалог на уровне глав государств, правительств, обеих палат парламента. Были созданы и начали функционировать новые институты поддержания взаимных отношений – Комитет по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества, Совет бизнеса России и Польши, Форум российской и польской общественности.

В 1994–1997 гг. российско-польская торговля характеризовалась ежегодным устойчивым ростом товарооборота. Он был обусловлен, в первую очередь, экономическим оживлением в Польше, которое повлекло за собой увеличение спроса на российские топливно-сырьевые товары и экспансию польских товаров на российский рынок. Сказалась также и относительная финансовая стабилизация в России, что сделало ее рынок несколько предсказуемым. В 1994–1997 гг. товарооборот увеличился в текущих ценах в 2,5 раза. В 1998 г. взаимный товарооборот составлял около 5 млрд долл., столько же, сколько с Китаем. В 1997 г. Россия стала вторым (после Германии) покупателем польских товаров и третьим импортером на рынке Польши. После финансового кризиса в России в 1998 г. взаимная торговля сократилась. В 1999 г. товарооборот составил 3,4 млрд долл. Однако в 2000 г. рост товарооборота вновь возобновился, прежде всего быстрыми темпами рос из-за резкого увеличения на мировом рынке цен на нефть, газ и лес российский экспорт. В итоге это привело к большому дисбалансу во взаимной торговле в пользу России. В 2003 г. взаимный товарооборот составил 6,7 млрд долл.

С конца 2004 г. усилился антироссийский крен восточной политики РП. В 2004–2008 гг. Польша на постсоветском пространстве проводила политику противодействия российским геополитическим интересам: поддерживала прозападные политические силы на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Грузии, выступила за вступление Украины и Грузии в НАТО, вела переговоры с Украиной, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном о строительстве нефте- и газопроводов, которые бы обходили территорию РФ.

Активная и открытая поддержка поздней осенью 2004 г. А. Квасьневским на президентских выборах на Украине В. Ющенко (в то время как фаворитом России был В. Янукович) привела к новому охлаждению российско-польских политических отношений. Пришедшее к власти осенью 2005 г. правительство национал-консервативной партии «Закон и справедливость» (лидер Я. Качиньский) в отношении России демонстрировало полностью бескомпромиссную позицию. РФ стала трактоваться в качестве основной угрозы национальной безопасности Польши в военной, геополитической, экономической и особенно энергетической сферах. Во взаимных отношениях вновь стали нарастать конфликты.

Членство Польши в Евросоюзе с 1 мая 2004 г. не могло не внести определенные изменения в механизм российско-польских политических отношений. Они теперь развиваются как на двусторонней основе, так и по линии Россия – ЕС. Теперь Польша строит свою политику в отношении России в рамках ЕС, под его «зонтиком». Это изменение механизма создает для Польши больше маневра в отношениях с Россией. Всегда можно пожаловаться в Брюссель, что Россия в отместку пытается наказать Польшу за проведение политики, которая не нравится РФ. В результате для России ухудшение отношений с Польшей может обернуться ухудшением отношений с Евросоюзом. По важнейшим вопросам взаимных экономических связей Россия теперь договаривается с ЕС при участии Польши.

Однако для России основные политические последствия вступления Польши в ЕС состоят в том, что в разработке и проведении восточной политики Евросоюза, в том числе его политики в отношении РФ, возрастет роль и активность РП. Не случайно в России и перед вступлением РП в ЕС и после ее вступления опасались и опасаются, что часть польских политических сил может внести антироссийские фобии, обусловленные прошлым, в эту политику, что может негативно повлиять на отношения между РФ и ЕС. Опыт последних 15-ти лет свидетельствует, что исторические обиды выходят на передний план тогда, когда в сфере политики происходит серьезное столкновение взаимных интересов. К этому необходимо добавить, что нынешний польский политический класс возложил на себя миссионерскую роль по распространению демократии в постсоветских странах, которая поддерживается Западом. Такая роль Польши также потенциально порождает конфликты.

Вне всякого сомнения, членство Польши в ЕС оказывает влияние и на развитие российско-польской торговли. С включением Польши в общую торговую политику ЕС для нее стали обязательными все правовые предписания Союза в области торговых инструментов, а также торговые соглашения, заключенные Евросоюзом с не входящими в него государствами.

После вступления Польши в ЕС пострадала лишь часть российских экспортеров неминерального сырья (на нефть и газ сохранилась нулевая таможенная ставка), прежде всего те, кто вынужден был адаптировать свою продукцию к европейским техническим стандартам. По польским подсчетам, после 1 мая 2004 г. 83,6% таможенных пошлин на российские товары не изменились, 11,4% – снизились (были сняты все действовавшие национальные ограничительные меры по доступу российских товаров) и лишь 4,9% – увеличились [2. S. 133–134].

2004–2008 годы свидетельствуют, что условия доступа российской продукции на польский рынок после вступления РП в ЕС практически не ухудшились. Что касается польского экспорта в Россию, то он по-прежнему зависит от уровня конкурентоспособности экспортируемых товаров и от условий доступа на рынок, определяемых Россией.

В связи с членством Польши в ЕС российская сторона ужесточила требования к качеству продовольственных и сельскохозяйственных товаров, импортируемых из РП. На повестку дня встал вопрос защиты российского рынка от некачественной или контрафактной продукции, поставляемой в Россию из/или через Польшу.

Летом 2005 г. были выявлены факты нарушения российских ветеринарных и фитосанитарных требований при поставках продуктов питания. Россельхознадзор пришел к выводу, что через Польшу поступает продукция из третьих стран, для которых российский рынок закрыт из-за нарушений ветеринарных требований. Польская сторона не отреагировала на эти сигналы адекватно. Поэтому

с 10 ноября 2005 г. Россельхознадзор ввел временные ограничения на ввоз из Польши мяса, мясных субпродуктов, сырых мясных полуфабрикатов, а с 14 ноября – растениеводческой продукции, включая цветы, фрукты, овощи, картофель и зерновые. Россия заявляла, что подходит к запрету на ввоз польской продукции как к чисто техническому вопросу, в то время как Польша в нем усматривала политический контекст.

24 ноября 2006 г. Польша в преддверии саммита РФ – ЕС неожиданно наложила вето на начало переговорного процесса между Россией и Евросоюзом по поводу разработки нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В качестве предварительного условия РП потребовала отмены Россией запрета на импорт польской животноводческой и растениеводческой продукции, а также ратификации европейской Энергетической хартии и транзитного протокола к ней.

Лишь смена власти в Польше после досрочных парламентских выборов в октябре 2007 г. создала условия для нормализации российско-польских политических отношений. Новое коалиционное правительство партии «Гражданская платформа» и Польской крестьянской партии во главе с Д. Туском своими жестами в адрес России и предпринятыми конкретными действиями создало условия для отмены временного эмбарго на поставки польского сырого мяса в Россию.

В 2005–2007 гг. обострились российско-польские отношения в области энергетики. Подписание в сентябре 2005 г. российско-немецкого соглашения о строительстве газопровода «Северный поток» через Балтийское море к побережью Германии вызвало резкую негативную реакцию в Польше, было воспринято как угроза энергетической безопасности страны. Вне всякого сомнения, строительство этого газопровода повлечет за собой для Польши геополитические (ее вес в европейской политике и в политике России может снизиться) и экономические последствия. Что касается последних, то прежде всего может отпасть необходимость в строительстве второй очереди транзитного газопровода Ямал – Европа через территорию РП стоимостью 1–1,5 млрд долл., а польский бюджет не получит сотни миллионов долларов за транзит газа. Поляки также опасаются, что в случае ввода «Северного потока» Россия могла бы отрезать Польшу от поставок газа, сохраняя их в направлении Западной Европы.

Создавшаяся ситуация вынудила польские власти перевести вопрос об энергетической безопасности страны из области дискуссии в сферу практики. В конце 2005 г. была разработана программа диверсификации поставок газа, которая включала в себя увеличение добычи отечественного газа, расширение мощностей подземных хранилищ газа, строительство морского терминала сжиженного газа, строительство новых газопроводов. Однако по сути программа так и осталась на бумаге.

В связи с тем, что роль Польши как транзитера российского газа уменьшается, она пытается объединить вокруг себя государства Восточной Европы, Балтии и Южного Кавказа для решения проблемы энергетической безопасности, диверсификации поставок энергоносителей из разных источников, создать что-то вроде собственного «энергетического блока» с Украиной, Литвой, Латвией и Эстонией, Азербайджаном и Грузией против внешнеэнергетической политики РФ. Предпринимаются попытки разработать и реализовать проекты транзитной транспортировки через украинскую и польскую территорию в обход России каспийской нефти и центральноазиатского газа. Речь идет, прежде всего, о газопроводе из района Каспийского моря и нефтепроводе Одесса – Броды – Польша. В 2006–2008 гг. по инициативе президента РП Л. Качиньского были

проведены энергетические саммиты в Кракове (май 2006 г.), Вильнюсе (октябрь 2007 г.) и Киеве (май 2008 г.) с участием лидеров вышеупомянутых стран. На этих встречах обсуждались вопросы строительства нефте- и газопроводов в обход России.

Польская сторона продолжает выступать решительным противником проекта «Северный поток», а также озабочена трассой прохождения газопровода по опасным участкам морского дна, где находятся захоронения боеприпасов и химического оружия со времен Второй мировой войны, и которые могут иметь реальную угрозу для окружающей среды в регионе Балтийского моря. Под давлением Варшавы, чтобы обогнуть спорный датско-польский участок морского дна у острова Борнхольм, маршрут этого газопровода был изменен.

В последние годы усилились расхождения между РФ и РП по вопросам безопасности. В 2005–2007 гг. правительства «Закона и справедливости» выступили за размещение на территории Польши элементов американской системы противоракетной обороны (десяти ракет-перехватчиков), которая по существу направлена не против Ирана (как утверждают США и Польша), а против России и Китая.

Правительство Д. Туска пытается вывести российско-польские отношения из ситуации пата. Был возобновлен политический диалог: в феврале 2008 г. состоялся визит в Россию премьер-министра РП Д. Туска. В ходе этого визита было согласовано, что Россия и Польша будут наращивать прагматическое двустороннее сотрудничество в интересах обеих стран и продолжать сотрудничество по европейским, международным делам с учетом тех различий, порой довольно серьезных, которые в позициях двух стран существуют [3].

Резкие высказывания в августе – сентябре 2008 г. в адрес России президента РП Л. Качиньского в связи с вооруженным конфликтом в Южной Осетии и заключение правительством Д. Туска в августе 2008 г. польско-американского Соглашения об условиях размещении элементов американской системы ПРО на польской территории вновь осложнили взаимные политические отношения. В России это соглашение было вновь оценено как угрожающее безопасности нашей страны. В целом несовпадение геополитических и энергетических интересов, интересов в области безопасности между Россией и Польшей продолжает сохраняться. Несмотря на это, в сентябре 2008 г. состоялся визит в Польшу министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова.

Российско-польский товарооборот за последние годы развивается динамично. За период 2004–2008 гг. он увеличился по польским статистическим данным в текущих ценах в 3,2 раза: с 9,2 млрд долл. до 29,5 млрд долл. В 2008 г. товарооборот вырос по сравнению с 2007 г. на 41,8% (в 2007 г. – на 15,5%, в 2006 г. – на 30,25%, в 2005 г. – на 40,0%) [4]. Однако в 2009 г. в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом, падением цен на энергоносители и замедлением темпов роста российской и польской экономик неизбежно уменьшение российско-польского товарооборота.

В 2008 г. российский экспорт в Польшу увеличился по сравнению с предыдущим годом на 43,1% и составил 20,5 млрд долл. (в 2007 г. – 18,2% и 14,3 млрд долл., в 2006 г. – 35,1% и 12,1 млрд долл.) [4].

На протяжении 15-ти лет структура российского экспорта существенным образом не менялась. Его основу составляло, составляет и в ближайшей перспективе, видимо, будет составлять минеральное сырье. В 2007 г. состав основных экспортных позиций в структуре российского экспорта в Польшу по

сравнению с 2006 г. несколько изменился. Вместе с тем лидирующие позиции в российском экспорте по-прежнему занимают важнейшие энергоносители (нефть, газ, нефтепродукты, каменный уголь), базовые металлы. В 2007 г. удельный вес энергоносителей соответственно снизился с 91,1% до 86,8%. Доля же черных металлов увеличилась с 1,6% до 3,1%, меди и изделий из нее – с 0,1% до 1,0%, алюминия и изделий из него – с 0,4% до 0,7% [5].

В последние годы российский импорт из Польши сохранял тенденцию к росту, чему в значительной мере способствовала благоприятная хозяйственная конъюнктура в России. В 2008 г. российский импорт из Польши увеличился по сравнению с 2007 г. на 38,9% и составил 8,9 млрд долл. (в 2007 г. – 36,5%, 6,43 млрд долл.). Доля продовольственных и сельскохозяйственных товаров в польском экспорте в Россию в период с 1997 по 2006 г. сократилась с 42,6% до 11,5%. Однако в 2007 г. она повысилась до 13,8%, но в 2008 г. резко упала до 7,9%. Также произошло заметное сокращение поставок из Польши в Россию мебели и некоторых видов товаров народного потребления. Если в 1997 г. Россия импортировала из Польши мебели на 235 млн долл., то в 2006 г. только на 150 млн долл. [4; 5].

В 2004–2007 гг. структура польского экспорта в Россию стала меняться. На первое место вышли машины, оборудование и транспортные средства. В 2000 г. они составили 19%, в 2002 г. – 21,8%, в 2004 г. – 20,0%, а в 2005 г. – уже 27,7%, 2006 г. – 30,4%, 2007 г. – 35%, 2008 г. – 45%. В 2008 г. на товары химической промышленности приходилось 19%, металлургической промышленности – 9% и бумагу, картон и изделия из них – 8,5% польского экспорта в РФ [6].

Расхождения во взглядах и интересах между странами обусловили внесение корректив в польскую политику России. Во-первых, как подчеркнул официальный представитель МИД РФ А.А. Нестеренко, «в русле двусторонних отношений мы готовы к движению навстречу так и настолько, насколько польская сторона будет на деле учитывать интересы России» [7]. Это означает, что РФ готова выстраивать свои отношения с Польшей в определенных пределах. Это сразу же обусловило конкретный и деловой подход к взаимным отношениям. В частности, во время визита в Польшу в сентябре 2008 г. С.В. Лавров заявил, что Россия не изменила своей позиции в отношении планов развертывания третьего позиционного района противоракетной обороны США в Восточной Европе. «Мы оценили, что польская сторона стремится понять наши озабоченности, – продолжил российский министр. – Наши польские коллеги предложили провести консультации с тем, чтобы обсудить меры транспарентности, меры доверия, которые помогли бы снизить эти наши озабоченности» [3].

Во-вторых, расхождения во взглядах и интересах не должны препятствовать развитию российско-польского политического диалога. Визит Лаврова в Варшаву в сентябре 2008 г. стал подтверждением такого подхода российской стороны.

В-третьих, Россия нацелена на взаимоуважительный диалог с умеренными, прагматическими политическими силами в Польше. В 2007–2008 гг. эти силы олицетворяло правительство Д. Туска. Во время визита в польскую столицу в сентябре 2008 г. министр иностранных дел РФ не изъявил желания встретиться с президентом РП Л. Качиньским.

В 2008–2009 гг. была восстановлена деятельность институционального механизма российско-польских отношений. В феврале 2008 г. во время визита Туска в Москву была достигнута договоренность о возобновлении деятельности Комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества.

Полноформатное его заседание состоялось в первой половине 2009 г. в Москве. В сентябре 2008 г. во время визита Лаврова в Варшаву прошло третье заседание Российско-польского форума общественности, который является неформальной дискуссионной «площадкой» представителей гражданских обществ двух стран и который возобновил свою работу после четырехлетнего перерыва.

В июне 2008 г. в новом деполитизированном формате была возобновлена работа Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Сопредседателем группы с российской стороны является ректор МГИМО, академик А.В. Торкунов, с польской – бывший министр иностранных дел РП А. Ротфельд. В октябре 2008 г. в Москве прошло второе заседание Группы по сложным вопросам в новом формате.

В 2008 г. известному российскому кинорежиссеру и актеру Н. Михалкову и известному польскому актеру и театральному режиссеру В. Семену были присуждены совместные дипломы министров иностранных дел двух стран «за заслуги в деле укрепления взаимопонимания и сближения российского и польского общества», утвержденные в 2000 г.

Динамично продолжают развиваться связи в области культуры. В 2008 г. проходил Сезон польской культуры в России, включавший в себя около ста различных мероприятий, состоялись Дни польской науки.

На протяжении 16-ти лет российско-польские политические отношения развивались не линейно: периоды их улучшения сменялись периодами ухудшения, которое обуславливалось разногласиями в позициях обеих стран и несовпадением взаимных интересов. В последние годы, несмотря не на лучшее состояние политических отношений, российско-польские экономические отношения, культурные и научные связи, контакты между людьми двух стран успешно развивались. В 2008 г. обе стороны пришли к выводу, что, несмотря на расхождения, российско-польский политический диалог должен развиваться, а проблемы во взаимных отношениях – решаться. Прагматизм во взаимных отношениях обеими сторонами все больше осознается как необходимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Krajowe źródła zaspokajają 5 proc. popytu na ropę// Gazeta Prawna. 2008. 3 VIII.
2. *Bodia M.* Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską: stan i perspektywy rozwoju. Warszawa, 2005.
3. Стенограмма выступлений и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Польши Р. Сикорским, Варшава, 11 сентября 2008 г. //www.mid.ru (2008. 12 IX).
4. Obroty handlu zagranicznego ogółem i według krajów (I–XII 2008 r.)//www.stat.gov.pl.
5. Polska 2008. Raport o stanie handlu zagranicznego//www.mg.gov.pl.
6. Współpraca gospodarcza pomiędzy Polską i Rosją //www.moskwa.polemb.net.
7. Интервью официального представителя МИД России А.А. Нестеренко РИА «Новости» в связи с предстоящим визитом министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Польшу//www.mid.ru (2008. 9 IX).

Н. АЛЕКСЮН, Д. БОВУА, М.-Э. ДЮКРЁ, Е. КЛОЧОВСКИЙ, Г. САМСОНОВИЧ, П. ВАНДИЧ. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. 1120 с.

Издательство «Евразия» опубликовало в переводе с французского языка объемный труд польских и французских историков (название оригинала: «Histoire de L'Europe du Centre-Est». Paris, 2004), претендующий дать читателю современное понимание истории той части Европы, которая приблизительно находится между Германией и Россией и названа авторами вслед за некоторыми другими исследователями Центрально-Восточной Европой (ЦВЕ). Автор Введения Е. Клочовский очерчивает этот регион территориями современных Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, Чехии, Словакии, Венгрии, Хорватии и румынской Трансильвании. Для определенных тем и периодов, оговаривает он, речь может идти и о других странах современной Европы (например, Словении и Сербии). Пока же Словения отнесена к чему-то среднему между тем, что названо Центрально-Восточной Европой, и немецкоязычными странами. Наконец, «в исторической перспективе» Калининградская область «тоже составляет часть территорий Центрально-Восточной Европы» (с. 5, 7). Сразу возникает вопрос: если мы говорим об исторических регионах и начали дробить современные государства, то почему к ЦВЕ не отнесена тогда сербская Воеводина или почему Украина целиком отнесена к ЦВЕ, когда она совсем не исчерпывается своей западной частью, заметно отличающейся от восточной, а южной частей, не говоря уже о Крыме?

Оригинальный вариант книги вышел в серии под характерным названием «Новая Клио», подчеркивающим цель: написание новой истории. Авторы, помимо подробного изложения истории стран и народов выбранного региона с «древнейших времен» до рубежа XX–XXI вв., пытаются также сформулировать «тезисы основных исторических школ стран региона». Причем они заранее ставят задачу выйти за пределы доминировавшего прежде в историографии «национального подхода», сформировать «более глобальный, компаративистский, европейский взгляд на события» (с. 8–9). И в этом тоже отчетливо видны претензии авторов труда на новое прочтение истории рассматриваемого региона.

Соответственно книга состоит из двух примерно равных частей, названных «Наше знание» и «Проблемы и направления исследований». Сразу отмечу, что и насыщенная фактическим материалом первая часть, и повышенное внимание к историографии во второй части исследования можно только приветствовать, ведь собственно с историографии и начинается осмысление фактического материала.

Перечислю главные проблемы региона, которые авторы исследования выделяют в отдельные главы: этногенез народов ЦВЕ; экономика ЦВЕ от раннего средневековья до XVI в.; историографические сражения вокруг Украины – Русинии (Франция, Россия, Польша); Орден тевтонских рыцарей;

Польско-Литовская уния; веротерпимость в польско-литовской *Respublica*; Брестская уния; происхождение и образование: польское дворянство и интеллигенция в XVIII–XIX ст.; национальное возрождение и национализм в XIX–XX ст.; национальные восстания XIX в. и их отзвук в XX ст.; история и самоидентификация: случай Чехии; между плюрализмом и тоталитаризмом (вопрос о политических режимах); холокост в историографии ЦВЕ (1945–1998). Разумеется, перечень проблем этим списком не исчерпывается, но, повторю, в постановочном плане вторая часть рецензируемого труда очень интересна, тем более, что по возможности авторы стараются приводить существующие в литературе различные точки зрения. К труду приложен весьма обширный список источников и библиографии. Однако он содержит в основном ссылки на западные работы, ученые центрально-европейских стран представлены слабо. К сожалению, фактически отсутствуют российские работы, особенно современные.

В одной рецензии невозможно рассмотреть весь объемный труд французских и польских историков, все его многочисленные сюжеты. Я остановлюсь лишь на двух, которые, на мой взгляд, наиболее актуальны и интересны именно российскому читателю.

Сначала вернемся к термину «Центрально-Восточная Европа». Е. Ключовский во Введении дает краткую историю его появления, связанного с возникновением после Первой мировой войны новых национальных государств на востоке Европы. В 1929 г. историки этих стран по предложению польских ученых объединились в ассоциацию «Федерация исторических обществ Восточной Европы». Инициаторы с самого начала настаивали на исключительно географическом смысле термина «Восточная Европа», «не распространяя его на цивилизационные, культурные или экономические отношения». Предложенный термин «славянская Европа» был встречен «очень настороженно» и распространения не получил. Термин же «Центрально-Восточная Европа» впервые появился в 1935 г., когда в Будапеште на-

чал издаваться ежегодный научный журнал «*Archivum Europae Centro-Orientalis*».

Этот термин стал активно применяться после Второй мировой войны историками-эмигрантами из стран региона, работавшими преимущественно в США. В 1950 г. бывший профессор Варшавского университета О. Халецкий опубликовал диссертацию «Пределы и разделы европейской истории». Он критиковал регионализацию Европы на Западную (романскую и германскую) и Восточную (прежде всего славянскую, но, в сущности, более разнообразную). Халецкий предложил делить Европу на четыре части, для чего он наряду с Западом и Востоком выделил обширную Центральную Европу, состоящую из Центрально-Западной (немецкоязычные страны) и Центрально-Восточной Европы (приблизительно между Германией и Россией). Россия, по его мнению, составляла отдельный континент – Евразию (с. 9–11).

Затем этот термин появился в англосаксонской и немецкой историографии и, наконец, – в Польше и Венгрии, наиболее свободных коммунистических странах. Самый амбициозный и еще не законченный проект в этой сфере – 10-томный коллективный труд «*A History of East Central Europe*» под общей редакцией П. Стругара и Д. Тридголда (Сизтл, Лондон, 1974–...) – относит к Центрально-Восточной Европе «совокупность территорий, расположенных между границами немецкой и итальянской языковых зон, с одной стороны, и географическими границами России или СССР, причем [...] история финнов, латышей, литовцев, белорусов и украинцев рассматривается здесь только в эпохи, когда они были независимы от Москвы или Санкт-Петербурга. Балканы, без Турции, фигурируют как территория с размытыми границами» (с. 11–12). Таким образом, границы региона, с одной стороны, определяются этническими, лингвистическими границами, а с другой – непонятными географическими рубежами (возможно, государственными границами) России или СССР. Кроме того, как отмечает Ключовский, при таком подходе граница на Балканах проходит по Саве и Дунаю, а из «народов, живущих к северу от Карпат, учитываются только поляки» (с. 12).

Наконец, еще один импульс развитию концепции «Центрально-Восточной Европы» как целостного исторического региона придали крах европейского социализма и «расчленение» Советского Союза, которое закончилось провозглашением суверенитета Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии. В 1992 г. была основана Федерация институтов Центрально-Восточной Европы для осуществления сотрудничества польских, литовских, украинских и белорусских историков. Результаты этого сотрудничества, по словам Ключовского, уже заметны. Есть прогресс в сотрудничестве польских и немецких историков. Меньше понимания в подобной трактовке региона у историков «к югу от Карпат»: «выражение “Центрально-Восточная Европа” вызывает у них сомнение, особенно если в ее состав включается Украина» (с. 14–16). Е. Ключовский признает, что в этом регионе опасаются возникновения 90-миллионного польско-украинского блока, однако считает, что уже «в Чешской республике и Венгрии тоже существует точка зрения, близкая к точке зрения польских и украинских историков» (с. 16).

Попутно сторонники термина «Центрально-Восточная Европа» отказывают в праве на существование и некогда довольно популярному, особенно в немецкоязычной среде, термину – «Срединная Европа». Его беда, как и близкого к нему определения «Центральная Европа», заключается в том, что «он не распространяется на страны, входившие до 1990–1991 гг. в состав Советского Союза» (с. 17), то есть прежде всего на Украину, а также Белоруссию.

Наконец, Е. Ключовский не может не признать разногласий по поводу термина «Центрально-Восточная Европа» с российскими коллегами, отмечая, что такого термина «в традиционной русской историографии нет». Понимая, что это название, по крайней мере, спорно, польский историк подчеркивает, что «разные исторические школы иногда отстаивали и отстаивают разные положения», и «порой эти определения диктовались и диктуются геополитическими интересами» (с. 17).

С этим трудно спорить, но представляется, что как раз политическими сообра-

жениями и вызвано во многом появление термина «Центрально-Восточная Европа» вместо бытующего в российской историографии деления территории к востоку от Западной Европы на три части: Центральная Европа (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, возможно, Австрия и Литва), Юго-Восточная Европа (Балканы и карпато-балканская Румыния) и Восточная Европа (Россия, Украина, Белоруссия, возможно, Молдавия). Латвия находится между Центральной Европой и скандинавским Севером, к которому относится и Эстония. Кстати, такой же позиции по поводу Латвии и Эстонии придерживается Ключовский (с. 5).

Конечно, любые схемы и дефиниции не отражают полностью реальную жизнь, они могут уточняться и пересматриваться, но тогда новые определения не должны вызывать больше вопросов, чем старые. Пока же необходимость ввода термина «Центрально-Восточная Европа» совсем не убеждает. Повторю, что слишком уж предложенная схема выглядит политически мотивированной. И действительно, разница между Центральной Европой и Центрально-Восточной только в том, что во втором случае добавлены Украина и Белоруссия. При такой схеме азиатская Россия, наподобие Османской империи, в течение всей истории постоянно угрожает чуждой ей по культуре, но гомогенной внутри себя Центрально-Восточной Европе. Таким образом, в этих построениях Украина цивилизационно отделена от России. Для этого, похоже, и весь сыр-бор.

Еще неизвестный З. Бжезинский не устал подчеркивать, что только с Украиной Россия – великая держава. В историографическом плане эта же мысль проводится введением в оборот термина «Центрально-Восточная Европа», означающим объединение стран Центральной Европы с Украиной и Белоруссией, но без России. И если русско-украинско-белорусская Восточная Европа делится, если появляется Центрально-Восточная Европа, то Россия в лучшем случае остается Восточно-Восточной Европой, что даже по названию выглядит абсурдно.

В качестве курьеза добавлю, что несколько лет назад в одном из исторических

учреждений НАН Украины мне предложили подписать соглашение о сотрудничестве по изучению Центрально-Восточной Европы (куда, естественно, входила и Украина) и Северо-Восточной Европы. Так что фантазии по поводу обозначения России могут быть безграничны.

Ключовский пишет, что внимание авторов труда «привлекают не границы государств и принадлежность к тому или иному государству – реалии столь часто меняющиеся, в том числе и в течение XX в., – а большие языковые и культурные общности, народы, потенциальные или уже сформировавшиеся нации, сознающие свою идентичность» (с. 18). Все верно, однако и по языку, и по культуре украинский и белорусский народы никак не отстоят друг от друга и от русского народа дальше, чем от поляков, чехов, словаков и тем более венгров.

Эти противоречия устранить нелегко. Приходится даже брать себе в союзники российскую историографию, не разделяющую в целом подобные построения. Такие попытки не раз предпринимаются в рецензируемом труде, когда выпячивается значение российских евразийцев – от эмигрантской школы Н. Трубецкого и П. Савицкого и до этнических построений Л. Гумилева, – чтобы показать, что в отличие от украинских российские ученые сами в цивилизационном плане противопоставляют себя остальной Европе. Ключовский пишет, что глубинные различия между Россией и остальной Европой – «скорее в непохожести Европы и Азии, чем в различии между Римом и Византией» (с. 10), а Д. Бовуа подчеркивает, что евразийская «историографическая конструкция – преданная забвению на время всего советского периода [...] – была с необычайным увлечением встречена в России после 1991 г. в националистических кругах» (с. 653).

Заметим совсем кратко, что, во-первых, евразийская теория никогда не имела в России широкого хождения (как до, так и после 1991 г.). А во-вторых, самый известный из современных «евразийцев» А. Дугин, хотя и действительно находится на националистических позициях, но занимается скорее другим – схоластически-

ми геополитическими построениями, идущими еще от немецкой геополитической школы (борьба «моря» и «суши» и т.п.). Никакого взлета «евразийства» в России по-прежнему нет. Возможно, он наблюдается в некоторых российских мусульманских республиках, в Казахстане, Киргизии. Там эта тема намного более актуальна.

Между тем термин «Центрально-Восточная Европа», родившийся в польских головах на чужбине, автоматически перенимается в некоторых российских работах последнего времени. Правда, как правило, форма воспринимается без содержания, этот термин распространяется на весь регион Центральной и Юго-Восточной Европы, но не на Украину и Белоруссию. Сошлемся, в частности, на коллективный труд в трех томах бывшего Института международных экономических и политических исследований РАН, который называется – «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века» [1].

Теперь посмотрим, как трактуют авторы рецензируемого труда украинскую, а также белорусскую историю, поскольку именно здесь кроется главное противоречие.

Д. Бовуа критикует не только российскую, но и якобы идущую у нее на поводу французскую историографию, в которых преобладает мнение о Киеве «как первой столице и колыбели России». Он же признает справедливость украинских историков, «особенно из числа эмигрировавших в Америку», утверждающих, что между Киевским государством IX–XI вв. и Московским государством XIV–XVI вв. нет ничего общего, кроме религии» (с. 650). Хочется спросить, а что общего с будущим украинским государством, еще даже не существовавшим в тот период? Но, когда речь идет об Украине, никаких сомнений не возникает, и «кажется логичным принять выводы украинских исследователей, которые видят свои корни в Киевской Руси» (с. 652). Тем более и переходную форму на этом пути при желании можно найти, например, в Галицко-Волынском княжестве и позже Галиции (Галичине). Бовуа пишет, что «эту территорию, которая станет частью Украины, совершенно справедливо можно рассматривать как твердое звено в цепи различных государ-

ственных форм, которые потребуются этой поздней нации, чтобы утвердить свою преемственность» (с. 651).

Но все же главная проблема истории Украины и Белоруссии – провал государственности после Киевской Руси – остается. Авторы рецензируемого труда для заполнения этого пробела вводят понятие двух Русиний, для будущей Украины – Южная Русиния и для Белоруссии – Белая. Название происходит от слова «русин» – самоназвания жителей этих территорий. Обе Русинии по названию схожи между собой, но якобы коренным образом отличаются от Московии, которой упорно отказывают в праве на наследство Киевской Руси.

Тот же Бовуа пишет, что они всегда «развивались различными путями». А «идея об единстве территорий древней Руси» была как-то очень «своевременно подтверждена в год раздела Польши в 1795 г. нахождением апокрифической рукописи, подлинность которой сразу же вызвала сомнения, – споры эти продолжаются и поныне; одной из ее основных идей было избежать распада “земли Русской”» (с. 662). Если у кого-то еще есть сомнения в подлинности шедевра древнерусской литературы, отошлем его к известной работе А.А. Зализняка [2] и не будем дальше останавливаться на этой проблеме.

Разумеется, в разделе по украинской истории есть и другие сюжеты. Скажем, совершенно справедливо сказано, что российские историки традиционно «сосредоточивали свое внимание на дате Переяславского договора 1654 г., ознаменовавшего, по их мнению, присоединение Украины к России»; сторонники независимой Украины «делали особый упор на чертах, подтверждающих казацкие вольности; польские историки указывали «на значение постоянного польского присутствия». И все эти подходы, «если исключить националистические крайности, дополняли друг друга и свидетельствовали о сложности отношений того времени» (с. 658). Если бы вся книга польских и французских историков была выдержана в таком ключе. Однако так происходит далеко не всегда. Например, когда говорится о заключении Гадячского договора 1658 г. между Речью Посполитой и гетманом

Выгодским. Этот договор утверждал «на днепровских землях великое княжество Русиния, столицей которого становился Киев». «К сожалению, – отмечает в связи с данным событием Е. Ключовский, – этот разумный проект [...] не был одобрен украинским народом, вопреки согласию казацкой элиты и польского сейма. Гадячский союз вызвал также яростную реакцию со стороны России, и Москва возобновила военные действия» (с. 216). Вот так – где «к сожалению» и «разумный», а где «яростная критика», и моментальные «военные действия». Но получается, что Россия действовала заодно с украинским народом. И наверное, именно «поэтому вопреки длительным и тесным связям украинской элиты, состоявшей из глав казачества или эрудитов, с польской культурой, связи между русскими и украинцами становились все крепче» (с. 217).

Расхождения между элитами и народными массами восточных земель Польши становились все больше. Элиты «наследников Киевской Руси и позднейших княжеств, Галицко-Волинского (Галиция) либо Полоцкого, Витебского, Новогрудского (последние составляли Беларусь, Белую Русинию или Белоруссию)» либо в XVI, либо в XVII в. «отказались от своей религиозной и лингвистической самобытности, усвоив католицизм (римский либо греко-римский) и польский язык». В то же время «подавляющее большинство жителей Белой Русинии и Украины было крепостными, но первая сносила свое положение намного с большим смирением, чем вторая». Восстания крестьян против поляков заставляли, помимо всего прочего, «умерить активность насильственного обращения из православия в католицизм». Это «поощряло царей претендовать на звание повелителей “всех русских”», «это значительно способствовало уже аннексии Левобережной Украины». Петр Великий придал отчетливый облик русскому империализму, «объявив Россию империей, для чего воспользовался мифом, что “Москва – третий Рим” (после Византии, причем Киев из хронологии православных столиц исключался)» (с. 311–313).

Похоже, что Москва была виновата даже в том, что использовала польскую политику насильственного окатоличивания. Да и

Киев никак не был обойден в русских мифах – и «мать городов Русских» и «общий Иерусалим» и т.п. Однако претендовать на свое место в цепочке сменявших друг друга «Римов» Киев, конечно, никак не мог: когда он был престольным градом в Древнерусском государстве, еще существовал Константинополь – «второй Рим».

Актуальная ныне тема, связанная с предательством Мазепы, трактуется следующим образом: он «держался только благодаря русским», но его «охватило честолюбие, и он возмечтал освободиться, а затем объединить обе половины Украины». Причем объединить «под знаком западничества». «Известны результаты злополучного союза Мазепы со шведами и тот позор, каким русские заклемили его мнимую измену, но его борьба 1709 г. осталась в памяти украинцев и европейцев» (с. 315). Таким образом, по мнению авторов, измена у Мазепы мнимая, хотя его и охватило честолюбие, а европейцы, в отличие от русских, его помнят с благодарностью, как чуть ли не одного из предшественников будущих объединителей Европы.

Несколько позже, в 1774 г. в отличие от поляков австрийцы «предоставили греко-католической церкви юридическое равноправие». В то время как Россия «непрестанно урезала права униатской церкви, слишком подозрительной в качестве проводницы полонизма, Австрия наоборот «поощряла независимость униатской церкви в отношении полонизма, способствуя тем самым ее отделению как от православия, так и от поляков, благодаря чему за несколько десятилетий появились украинцы – западноевропейцы» (с. 318). Хочется согласиться с оценкой полезности толерантной религиозной политикой австрийских властей, пусть и в своих собственных интересах, но вывод об украинских западноевропейцах вызывает недоумение.

В целом после прочтения книги остается впечатление, что бы Россия не делала, все плохо. Понятно, что российская политика была разной, но ее критикуют и где надо, и где не надо. И конечно, не Россия, а «Украина заплатила тяжелую дань Крымской войне» (с. 352). И конечно, Гоголь был не самый великий писа-

тель, которого родила украинская земля, а всего лишь – «русифицированный украинец» (с. 349). Да и развитие капитализма в России привело к тому, что Украина еще сильнее попадала «в зависимость колониального типа». Но, тем не менее, «на поляков смотрели как на классовых врагов, отличавшихся своей религией и национальностью, в то время как православие и кириллица подчеркивали связь между украинцами и русскими» (с. 509–510).

Плох капитализм, плох и его антипод. Говоря о I съезде РСДРП, состоявшемся в Минске в 1898 г., П. Вандич констатирует простую мысль, что «участие местных жителей в нем было очень ограниченным». Но делает смелый вывод что это, «кстати, предвещало другой этап русификации, которая откровенно проявится в конце двадцатых годов XX в. Под фасадом интернационализма уже скрывался великорусский национализм» (с. 348). А сколько неисчислимых бедствий принес большевизм России, никого не интересует.

И конечно же, по Вандичу и Бовуа, «искусственно спровоцированный ужасный голод, жертвами которого в 1932–1933 гг. стали миллионы украинцев, вкпе с террором можно расценивать как геноцид», и «сейчас это не является предметом для споров», поскольку волна голода «признана международным сообществом как одна из самых трагических страниц геноцида XX в.» (с. 547, 665). Не будем говорить, насколько морально разделять по национальной принадлежности жертв того страшного рукотворного голода. Непредвзятый человек знает, что подход был классовый, а не национальный.

В то же время авторы польско-французского труда правы, когда говорят, что «политика утаивания источников, которой до сих пор придерживается Россия, позволяет замалчивать историческую реальность и делает невозможной всякую полемику». В результате отсутствия источников образуется «незнание», которое погружает нас «в неисторическую» область обширных темных полос» (с. 665). Но, кстати, как раз по голоду 1930-х годов российские архивы сегодня широко раскрыты.

Как всегда много вопросов вызывает такая болезненная тема, как Вторая мировая

война. Так, присоединение перед войной Советским Союзом Западной Украины названо всего лишь «иллюзией» объединения украинской нации в рамках единого государства, которую пытались создать советские власти (с. 564). Но ведь действительно объединение произошло, что, впрочем, никоим образом не оправдывает всех преступлений советского режима. В другом месте, правда, признается, что реализация на практике пакта Молотова – Риббентропа на востоке Польши касалась «на самом деле ее русинских территорий», хотя в польской истории это еще долго будет трактоваться как «завоевание» (с. 666).

Странной выглядит и почти благожелательное отношение Вандича к деятельности комиссара оккупированной Белоруссии Вильгельма Кюбе (Кубе), потому что тот якобы был «вдохновителем политики привлечения белорусов, призванной основать государство под протекторатом Германии, а с 1942 г., чтобы бороться с советским сопротивлением». И далее: «Даже если его конфликт с СС по поводу уничтожения евреев и касался скорее методов, чем принципов, он все равно оказался серьезным и завершился его смертью в результате необъяснимого покушения» (с. 570). Напомним, что взрыв, в результате которого был убит Кубе, организовали белорусские партизаны, а он оставил о себе память «палача Белоруссии», хотя и был при этом склонен к некоторым тактическим маневрам. Но главное, получается, что цель оправдывает средства и даже сотрудничество с фашистами вроде бы допустимо для каких-то высших целей. Но дилемма эта ложная. Героический белорусский народ дал на нее свой однозначный ответ.

Вандич по-своему оправдывает и сотрудничество с немцами украинцев, достигшее на Украине куда больших размеров, хотя и признает, что они, в частности, «активно участвовали в убийствах евреев». Однако сотрудничество с немцами – «тактическим ли оно было или идеологическим – подчинялось национальным интересам и требует нюансированной оценки» (с. 571). Нюансированной оценки требуют, наверное, все события в истории и даже предательство, которое тоже слу-

чается по какой-то причине. Но при этом оно не перестает быть предательством, как и массовое истребление беззащитных евреев нельзя оправдать никакими национальными интересами. А как сочетался с национальными интересами украинцев гитлеровский план «Ост», предусматривавший, как известно, массовое уничтожение славянского населения Восточной Европы, включая и СССР?

Получается, что в разделе, посвященном украинским и белорусским сюжетам времен Второй мировой войны, Вандича интересует главным образом только история коллаборационизма: скажем на Украине – деятельность дивизии СС «Галичина». Достаточно места уделено и украинской повстанческой армии (УПА). Однако понятно, что история Украины или Белоруссии в годы войны коллаборационизмом совсем не исчерпывается. Но то, что происходило по другую сторону фронта в Красной армии или в советских партизанских отрядах, в концепцию «Центрально-Восточной Европы», по-видимому, не вписывается. Причем все заслуживают «нюансированной оценки», кроме Советского Союза. Так, говоря о «трагическом и героическом Варшавском восстании», Вандич без всяких полутонов и желания выслушать другие аргументы констатирует, что «Москва не только отказала в любой помощи повстанцам, но и помешала сделать это западным союзникам» (с. 573).

Далее в книге описывается жизнь «под ярмом СССР», под которым после войны страдали все восточноевропейские страны и все советские республики. Исключение вновь только одно – Россия (РСФСР). О ней просто ничего не говорится. Есть только констатация, что «Крым был присоединен к Советской республике Украина как подарок по случаю трехсотлетия Переяславского договора» (с. 588). И все, без комментариев. По-видимому, такой феодальный дар земли вместе с населением кажется Вандичу вполне нормальным. Можно только представить, сколько гневных слов было бы высказано по поводу великорусского национализма, имперской политики и т.п., если бы Украина в те годы передала России «в подарок», например, Луганскую или Донецкую область.

Согласно своей концепции, авторы пытаются и далее рассматривать развитие европейских социалистических стран без СССР, а Украины и Белоруссии в СССР, но без России. И это по-прежнему выглядит искусственно. Иногда это приходится признавать. Например, в связи с началом перемен, связанных с приходом к власти в Советском Союзе Горбачева, сказано о высвобождении «сил, которые уже никогда не суждено было обуздать». И далее: «Даже если перемены в Кремле оказали фундаментальное влияние на развитие некоторых процессов в странах Центрально-Восточной Европы, сам этот регион не остался пассивным» (с. 596). Такая констатация уже не вызывает возражений.

Я специально остановился лишь на двух спорных сюжетах и на некоторых моментах, которые вызывали у меня возражение. Содержание рецензируемого труда гораздо глубже и интереснее. Книга пропитана демократическими, гуманистическими идеями, описанием сосуществования различных народов и культур в разные периоды, веротерпимостью. Интересны сюжеты, посвященные национальным меньшинствам региона — немцам и евреям. К сожалению, такого же внимания не уделено цыганам, но они всегда плохо интегрировались в окружение и лишь в последнее время стали серьезно изучаться. Есть попытки объективного подхода. В частности, польские авторы часто довольно резко критикуют польскую политику по отношению к украинцам и белорусам. Все это, разумеется, можно только приветствовать.

Перекус получился в другую сторону, и в отдельных частях книгу можно назвать даже проукраинской. На ее страницах практически не встречается критика украинской историографии, в значительной части своей болеющей, к сожалению, «детской болезнью» почти любого молодого государства. Однако все спорные моменты в книге трактуются в пользу украинских версий. Например, любимые для авторов труда русины — это только будущие украинцы и белорусы. К современным карпатским русинам и их сородичам в сопредельных странах это не относится. По мнению, П. Вандича, просто население «Прикарпатской Русинии» или

Закарпатья было «экономически отсталым», «испытывало сильное венгерское влияние» и «лишено национального сознания». Другими словами, закарпатские русины в силу своей ущербности просто не поняли, что они стали украинцами. И сегодня, идя у них на поводу, «некоторые отказываются приравнивать русинов к украинцам» (с. 511–512).

Рассуждения об Украине заканчиваются высокопарными фразами о том, что сегодня она впервые в своей истории «не осталась один на один со своими соседями, но вошла в содружество разных наций. Мировое сообщество ответственно за ее права и обязанности, и особая ответственность отныне вменяется Европейскому Союзу» (с. 667). В научном издании такой пафос выглядит странно. Зададимся вопросом, просил ли обо всем этом украинский народ, который, как уже бывало в истории, в отличие от части своей элиты все-таки в большинстве своем ощущает родство с русским?

Авторы претендуют на новое, «европейское» прочтение центрально- и восточноевропейских сюжетов. Но прочтение часто до боли старое. Например, М.-Э. Дюкрё пишет, что слово «панславизм» было придумано словаком Геркелем в 1826 г. для обозначения «литературного единства всех славян», но «постепенно оно стало обозначать русскую версию славизма, согласно которой Россия имеет призвание объединить под эгидой своего царя всех славян Австрии, Пруссии и Османской империи. Этого не предполагали ни программа чехов, ни программа славян южной части монархии (Габсбургов. — *К.Н.*)» (с. 472). Но этого не предполагала и ни одна официальная программа внешней политики России. Сколько бы об этом ни говорилось, жупел «панславизма» по-прежнему в большом ходу. Об известном способе переключивания с больной головы на здоровую, о практике раздувания ложных страхов пред «русской угрозой» еще полвека назад писал В.К. Волков [3].

«История Центрально-Восточной Европы» издана при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России». И это очень правильно, что такие

этапные и дискуссионные книги доходят до российского читателя. Но не помешало бы показать ее предварительно специалистам для исправления разных неточностей, образующихся при переводе, а также было бы весьма полезно снабдить русское издание специальной вступительной или заключительной статьей с целью помочь читателю сориентироваться в сложных спорных вопросах. Пусть читатель имеет возможность сравнивать разные точки зрения.

© 2010 г. К.В. Никуфоров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945–1965; М., 2002. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989; М., 2002. Т. 3. Ч. 1–2. Трансформации 90-х годов.
2. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
3. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

Славяноведение, № 1

Российские и славянские исследования. Минск, 2008. Вып 3. 367 с.

Появление очередного, уже третьего по счету, объемного выпуска «Российских и славянских исследований» свидетельствует об укреплении позиций исторической славистики в Республике Беларусь. Инициатива, энтузиазм и настойчивость руководителей (А.П. Сальков и О.А. Яновский) и преподавателей кафедр истории южных и западных славян и истории России ведущего вуза страны – координаторов и организаторов проекта – содействуют превращению Белорусского государственного университета в национальный центр славистики и реставрации общественного интереса к прошлому славянских народов.

Структура ежегодника и содержание статей отчетливо отражают особенности развития славяноведения в белорусском государстве. Следует вспомнить, что в советское время историки союзных республик концентрировали усилия на изучении собственного национального прошлого. Не была исключением в этом отношении БССР, где всеобщей историей, в том числе историей зарубежных славян, занимались немногочисленные исследователи. Повышенная востребованность трудов по отечественной истории формируется и

постсоветскими государственно-политическими реалиями Республики Беларусь. Поэтому закономерно, что более половины всех публикаций сборника связаны с сюжетами по истории Белоруссии. При этом актуальные задачи белорусской исторической науки, состоящие в осмыслении и утверждении общей парадигмы собственной национальной истории, обусловили концептуально-методологическую (Смехович Н.В., Сидорцов В.Н.) и историографическую (Карев Д.В., Яновская В.В., Филатова Е.Н., Мацук А.В., Голенченко Г.Я.) направленность многих статей белорусских авторов. Как справедливо отмечает в одной из них Д.В. Карев, синтезная история государства и культуры должна создаваться «только на основе предварительных историографических, компаративистских работ системного характера». Иначе происходит «очередное «изобретение велосипеда» или риск многократно наступить на «старые грабли» (некритическое повторение старых историографических мифов и ошибок)» (с. 251). В посвященной истории Великого княжества Литовского (ВКЛ) сравнительному историографическому обзору Д.В. Карев пытается доказать, что, начи-

ная с 1950-х годов, белорусские историки лидируют в изучении истории ВКЛ, тогда как мощные школы российской и украинской «литванистики» были разрушены еще в советское время (с. 249), хотя и в Белоруссии история ВКЛ не является комплексным и целостным объектом исследования (с. 251). Автор отмечает, что в литературе о ВКЛ «большой удельный вес имеют историографические мифы, необоснованные гипотезы и компилятивные выводы» (с. 251), но не раскрывает их сущности, тогда как именно эти противоречивые оценки и представляют наибольший интерес в современных исследованиях историографии Белоруссии. Подчеркивая сохранение позитивизма как основного метода изучения истории ВКЛ в соседних республиках, Д.В. Карев обходит, по сути, стороной вопрос о методологической стороне истории белорусской исторической науки.

Подобный характер имеет и статья А.В. Мацука, который представляет читателю широкий обзор польской литературы о внутриполитическом положении ВКЛ в 1717–1763 гг., определяет научные школы, направления и пробелы в изучении проблемы. Отмечая существование дискуссии в среде польских историков о причинах и событиях бескоролья 1733–1736 гг., автор, однако, не анализирует ее подробно.

Не отрицая информационно-аккумулятивного научного вклада Д.В. Карева и А.В. Мацука, следует все же выделить историографические работы белорусских авторов иного характера. В частности, известный исследователь наследия Ф. Скорины Г.Я. Голенченко предлагает квалифицированный анализ Скоринианы, насчитывающей уже более шести тысяч публикаций (с. 123). Он акцентирует внимание на многочисленных дискуссионных проблемах, возникающих из-за недостаточности источниковой базы при изучении биографии Скорины: от даты рождения до момента ухода из жизни. Тем самым Г.Я. Голенченко дает будущему исследователю путеводную нить и показывает, что, несмотря на наличие многочисленных трудов, в изучении биографии Ф. Скорины точку ставить пока рано.

Для ориентации в потоке исторической литературы по политической истории белорусских земель в конце XVIII–XIX вв. не менее важна работа В.В. Яновской и Е.Н. Филатовой, пытающихся определить наиболее спорные исторические явления и сопоставить национальные версии их видения в польских, белорусских и российских работах, за которыми, как справедливо отмечено в статье, часто «стоит не столько основательное знание источников, сколько политическая позиция автора» (с. 188). Несмотря на то, что не все заголовки подразделов статьи соответствуют их содержанию, а авторы не всегда оперируют результатами собственного анализа польской исторической литературы, им удалось отразить противоречия российской и белорусской историографии в оценках роли таких событий, как включение белорусских земель в состав Российской империи и восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. в формировании белорусской нации.

Исследования по истории Белоруссии, помещенные в ежегоднике, ориентированы на национально-государственные аспекты. Учитывая обстоятельства появления суверенной Республики Беларусь и задачи консолидации нации, актуальность поиска истоков национальной государственности вполне объяснима. Следует учитывать и то, что проблемы формирования нации и государства являются наиболее дискуссионными в современной белорусской исторической науке. Сам сборник открывает «теоретико-методологическое эссе» заведующего отделом белорусской государственности Института истории НАН РБ Н.В. Смеховича, призванное закрепить в науке официальную концепцию развития исторических форм и этапов белорусской государственности, найти компромисс в контроверсиях подходов, выполнить насущные идеологические задачи. Суть представленной схемы сводится к тому, что Полоцкое княжество и ВКЛ являются формами государственности на территории Белоруссии, но не носят национального характера (с. 12, 17). Российская же империя в качестве такой формы исторической государственности рассматриваться не может (с. 22). Нацио-

нально-государственное строительство началось в 1918 г., с провозглашением Белорусской Народной Республики (БНР), которое, однако, лишь осложнило процесс. В итоге, первая национальная форма государственности сложилась на советской основе. Ею стала провозглашенная 1 января 1919 г. Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ), в качестве преемницы которой следует рассматривать нынешнюю Республику Беларусь (с. 23). Несмотря на отсутствие собственного государства, по мере формирования белорусской народности (XIV–XVI вв.) и нации (с конца XIX в.), по мнению Н.В. Смеховича, интенсивно разрабатывалась идея национальной государственности. К ее творцам причислены все хрестоматийно известные гуманисты, просветители и политические деятели от Ф. Скорины до Д.Ф. Жилуновича. Едва ли можно согласиться с наличием концепции *белорусской* государственности в трудах многих из них, поскольку выдвигаемые тезисы о социальной справедливости и самоуправлении не могут отождествляться с концептом нации и национального государства. Остается открытым и вопрос: за чью государственность боролся Наполеон Орда?

Если Н.В. Смехович обходит стороной этнические процессы на белорусских землях в межвоенный период, то сразу три публикации, рассредоточенные в разных рубриках альманаха, обращены к проблеме формирования территории белорусского государства в начале 1920-х годов. А.В. Тихомиров, рассматривая процесс формирования территориально-государственных основ Белоруссии в период перед подписанием Рижского мирного договора 1921 г., в отличие от Н.В. Смеховича, полагает, что БНР, как и ССРБ, являлась важным этапом государственного строительства (с. 94). Однако непризнание БНР со стороны западных держав и двусмысленность статуса ССРБ (самостоятельная республика и составная часть РСФСР) стали причиной раздела территории Беларуси. При этом основная вина столь печального исхода возлагается на большевиков, которые не допустили белорусскую делегацию на переговоры и

были «склонны к уступкам» значительной части территорий Украины и Белоруссии. Поляки же, по мнению автора, готовы были согласиться с созданием «буферных» государств на своих восточных рубежах и признать независимость Белоруссии при условии вывода с ее территории всех войск и проведения плебисцита (с. 95). Но они, в конечном итоге, лишь настояли на определении польско-советской границы по «линии военных окопов» (с. 94), отказавшись от политики формирования федеративного государства и подпитывающей ее концепции прометеизма. Сущность политики прометеизма в отношении белорусских земель исследует в своей статье украинский ученый В.Л. Комар. А профессор БГУ В.Е. Снапковский публикует с комментариями переводы документов из книги руководителя польской делегации на мирных переговорах в Минске и Риге Яна Домбского, подтверждающие основные тезисы статьи А.В. Тихомирова и иллюстрирующие процесс «торговли белорусскими территориями в интересах сохранения большевистской власти» (с. 237). Таким образом, в совокупности работы А.В. Тихомирова, В.Е. Снапковского и В.Л. Комара формируют целостное представление о процессах определения белорусских границ в начале 1920-х годов. Однако парадигма трех исследователей базируется преимущественно на польских источниках, что ставит под сомнение ее объективность. Более широкая доступность опубликованных документов в Польше (с. 235) не может являться оправданием такого подхода. Кроме того, предмет исследования предполагает обращение к карте, наличие которой в книге значительно облегчило бы восприятие текста. Обилие иллюстраций и хороший полиграфический уровень ежегодника свидетельствуют об упущенной авторами возможности привлечения картографического материала.

Вызывает заинтересованность представленная в статье А.Ф. Великого перспектива изучения похозяйственных книг сельских советов как источника для осмысления этнонациональных процессов в Западной Белоруссии. Причиной изменения национальности целой деревни в

течение трех лет (с польской на белорусскую) автор называет неопределенность советско-польской границы и государственной принадлежности населенных пунктов в 1944–1945 гг. После 1946 г. поляки, как полагает А.Ф. Великий, не видя для себя перспектив в БССР, сменили национальную принадлежность на более выгодную (с. 193). Однако, как думается, не только деполонизация и советизация вынуждали отказываться от прежней национальности. В основе процессов следует искать невыраженное национальное самосознание местного населения. Сам А.Ф. Великий приводит примеры районов Молодеченской области, где, несмотря ни на какие обстоятельства, большая часть населения продолжала утверждать, что они поляки. Несомненно, обозначенная проблема требует дальнейшего изучения с привлечением значительно большего количества учетных книг сельских советов.

Несмотря на приоритет белорусской тематики, рецензируемый сборник носит общеславянский характер и доказывает, что историческая славистика в Республике Беларусь развивается. Мэйнстримом белорусской науки по изучению зарубежных славян традиционно является полонистика, начало которой было положено В.И. Пичетой в его бытность ректором БГУ. К слову, в рецензируемом сборнике представлена содержательная статья Е.В. Барановой и О.А. Яновского о научной, педагогической, организаторской, краеведческой и общественной деятельности В.И. Пичеты в БССР в 1920-е годы, раскрывающая его роль в «нациотворении» белорусов.

Устойчивый интерес белорусских ученых к истории Польши определен географической близостью двух стран, и, следовательно, тесным соприкосновением исторических судеб белорусов и поляков, наличием территориальных и этноконфессиональных «болевых точек». Именно к ним в первую очередь и обращаются авторы сборника. Сюжеты, не менее драматичные, чем упомянутые выше исследования об определении советско-польской границы на белорусских землях, затрагивают в своих статьях российские ученые. Так, Т.В. Волокитина обстоятель-

но анализирует политику по отношению к православной церкви в Польше (ППЦ), объединявшей белорусское, русское и украинское население, с момента подписания Рижского мирного договора до начала 1950-х годов. Как показывает автор, произвол по отношению к ППЦ и попытки ее полонизации 1920–1930-е годы во многом связаны с конформизмом ее руководства, прежде всего митрополита Дионисия (Валединского), возглавлявшего церковь с 1923 г. до отставки декретом Б. Берута в 1948 г. В годы Второй мировой войны митрополит Дионисий сотрудничал с немцами, а по ее окончании возносил моления «за Пресвятую республику польскую» (с. 37). Наибольшее внимания заслуживает последний раздел исследования Т.В. Волокитиной, в котором на основе документов российских архивов раскрывается процесс определения статуса ППЦ и подбора ее новой главы в контексте политических процессов послевоенной Восточной Европы. Дарование Синодом Русской православной церкви новой автокефалии в 1948 г., как доказывает исследователь, привело к установлению контроля над ППЦ нового партийно-государственного руководства.

Статью другого российского историка А.Ф. Носковой отличает новизна подхода к одной из дискуссионных проблем польско-советских взаимоотношений. В частности, причины сталинских репрессий в отношении Армии Крайовой (АК) анализируются с точки зрения геополитических интересов советского руководства. По мнению автора «главным раздражителем во всем блоке советско-польских отношений» был вопрос о территориях, присоединенных к СССР осенью 1939 г. (с. 316). Антисоветизм поляков обусловило стремление к восстановлению независимости и границы 1921 г. В свою очередь, советское руководство, которое видело в антисоветизме классовые корни, еще до войны рассматривало польское подполье как фактор, угрожавший национальной целостности СССР. Как доказывает автор, отсутствие необходимости в АК как вооруженной силе, ее враждебные настроения, о которых в Кремль регулярно поступала информация, не-

желание Сталина, стремившегося иметь «возможность выбора иного польского государственно-политического партнера» (с. 321), восстанавливать отношение с эмиграционным правительством сделали невозможными контакты советского руководства с АК в годы войны и привели к разоружению, арестам, интернированиям ее воинов летом 1944 г.

Российская проблематика, которая специально выделена из общеславянской в названии сборника, как представляется, оказалась растворена в общем комплексе исследований третьего выпуска. Очевидно, что история белорусских земель с Россией связана не меньше чем с Польшей. Более того, весьма трудно определить, например, национальный характер исторических явлений XIX – начала XX в., которым посвящены статьи В.В. Сергеевской, О.И. Ершовой, М.А. Гулюк и Е.И. Шараевой об образовательной политике российского правительства в Виленском учебном округе, или изыскания И.Л. Грибко о генеалогии автора первого «Обозрения истории Белоруссии с древнейших времен» российского чиновника О.П. Турчиновича, которого В.И. Пичета причисляет к столичной школе историков-юристов (с. 140). Непосредственно связано с историей СССР и формирование границы Белоруссии в 1921, 1939 и 1945 гг., которое, как указывалось, занимает значимое место в сборнике. На этом фоне смежных сюжетов выделяется статья белорусского исследователя А.В. Мартынюка «Лихие люди Московской Руси», поднимающего в процессе анализа судеб ярких харизматических личностей – сподвижников Ивана Грозного – вечные морально-нравственные проблемы предательства и геройства, патриотизма и сопротивления тирану. В центре внимания автора, обращающегося к истокам русского национального характера, «лихость» как качество, объединяющее избранных исторических персонажей и выделяющее их на фоне современников. При этом в силу особенностей исторической эпохи «лихость» выступает одновременно в двух ипостасях: и как удаленность, и как злодейство.

Если тематически представленный выпуск «Российских и славянских ис-

следований» все же не до конца отвечает бренду, то с точки зрения состава авторов его с уверенностью можно назвать продуктом творчества российских и восточнославянских (прежде всего белорусских) исследователей. Несмотря на то, что в сборнике представлены работы исследователей из Санкт-Петербурга, Северного Кавказа, Гродно, особенностью авторского коллектива является его элитарность, обусловленная тяготением к столицам государств (Минску и Москве) и двум институциональным структурам с высокой квалификацией исследователей: Белорусскому государственному университету и Институту славяноведения РАН.

Российские ученые, хотя и уступают в количественном соотношении белорусам, дают мощную поддержку ежегоднику, определяют исследовательскую планку и «восточную» ориентацию издания. Последнему обстоятельству способствует также отсутствие польских историков в числе авторов третьего выпуска.

Привлекает внимание тот факт, что ни полонистика, ни русистика, научно-исследовательские приоритеты которых традиционно подпитываются геополитическими интересами Республики Беларусь, не стали определяющими составными частями рецензируемого сборника, поскольку значительное внимание составители уделили южнославянской тематике. Если исключить весьма полезную для практики современной партийной жизни работу московского специалиста А.Л. Шемякина, анализирующего идеологию сербской радикальной партии по письмам ее лидера Н. Пашича, все остальные статьи по истории южных славян написаны белорусскими авторами. При этом работы этого блока отличает не только широкий страноведческий, тематический и хронологический диапазон, но и разный исследовательский уровень. В частности, давно и плодотворно изучает отношения «титовской» Югославии с СССР и США ныне живущая в Америке Е.Н. Космач. В представленной в сборнике статье на основе документов внешнеполитических ведомств и периодической печати 1960-х годов она исследует роль ФНРЮ в восточноевропейской стратегии Дж. Кеннеди. Автор показыва-

ет трудности в американо-югославских отношениях, которые объясняет волной антикоммунизма в США и «тщательно рассчитанным цинизмом» И. Броз Тито, стремившегося упрочить положение в СССР ориентированного на укрепление отношений с Югославией Н.С. Хрущева (с. 170). Позитивной оценки заслуживает и статья А.Л. Евдокимовича, обратившегося к македонскому национально-освободительному движению и показавшему влияние на него политики Коминтерна.

Однако трудно выявить научную новизну в сообщении А.А. Александровича о деятельности русской гражданской администрации в Восточной Румелии. А содержание статьи В.И. Ермоловича, кроме того, не раскрывает ее названия «Эволюция институтов брачно-семейного права средневековой Сербии». По сути, автор характеризует основные нормы славянского брачно-семейного права, без анализа их эволюции. Указание на то, что «брачно-семейное право средневековой Сербии является типичным образцом становления и развития этой отрасли права в славянских странах» (с. 101) еще не дает основания исследовать сербское право по источникам других славянских стран (Устав князя Ярослава, Закон Судный Людем и т.д.) и проводить полную аналогию норм права восточных и южных славян. Уделяя внимание применению «Эклоги» в русском праве автор не доказывает связь ее вариантов с сербским юридическим бытом. Возникает вопрос и о хронологическом диапазоне сербского Средневековья. Автор опирается на памятники раннефеодального периода, тогда как на Законник Стефана Душана в работе сделано лишь три ссылки, а «Синтагма Матфея Властаря» не упоминается вообще.

Вместе с тем в условиях современных внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь, не особенно благоприятных для развития славистики (в 2008 г., например, был отменен курс истории государства и права славянских народов в белорусских университетах) и ориентирующих специалистов по всеобщей истории в «дальневосточном» направлении исследований, ростки научных изысканий белорусских исследователей по истории

южных славян, несомненно, заслуживают поддержки.

Наименьшее внимание традиционно, как и в советской исторической науке, в современном белорусском славноведении, уделяется истории чехов и словаков. Тем не менее в рецензируемом издании присутствует и богемистика, представленная статьей Н.Н. Приступы, раскрывающей сущность идеологии «неклассового национального социализма» Чехословацкой национально-социалистической партии и причины ее поражения в межпартийной борьбе после Второй мировой войны.

С учетом ориентации сборника в основном на белорусских читателей, о чем свидетельствуют его академический тираж (250 экземпляров) и двуязычие, а также принимая во внимание актуальные задачи пробуждения интереса к славянским исследованиям в Республике Беларусь, не менее важной представляется объемная часть сборника, посвященная критике, библиографии и событиям научной жизни. Авторы знакомят исследователей с более чем двумя десятками новейших книг по славянской истории, изданных в Белоруссии, России, Польше, Украине, США, Хорватии, Чехии, Словакии, Германии, выявляя наиболее спорные концепции в современной науке. Такая открытая, «будительская», общеславянская направленность рецензируемого альманаха выделяет его на фоне «национально-замкнутых» изданий.

Подтверждая еще раз высокий профессиональный уровень ежегодника, отметим, что не совсем понятно распределение материала по многочисленным рубрикам. В частности, статья И.В. Крючкова скорее относится к разделу «сообщений», но не к «историческому событию» или «личности в истории», поскольку проблематика ее достаточно узка, автор рассматривает процессы экономического развития Венгрии, а о самом генеральном консуле России в Будапеште В. Львова и его деятельности сведений не приводит. То же самое можно сказать и об исследовании Е.Н. Космач, где речь идет о факторах формирования американо-югославских внешнеполитических отношений в 1961–1963 гг., выходящих за рамки личного участия в процессах Дж. Кеннеди и И. Броз Тито.

Остается открытым вопрос о том, какой критерий, по мнению составителей, отличает статьи от сообщений: широта проблематики, источниковая база, научная значимость, объем? Представляется, что в данной публикации дублируют друг друга рубрики «Исторические портреты» и «Историческое событие – личность в истории». На общем хорошем фоне редакторской и оформительской работы вызывают досаду технические погрешности: сбои в написании польских букв по всему тексту, опечатки.

Несмотря на эклектичность ежегодника, неизбежную при столь широком страноведческом, хронологическом и тематическом охвате, есть нить, соединяющая его в одно целое – это национальный аспект. Сборник раскрывает процессы становления не только белорусской, но и македонской наций, проблемы развития польской государственности, формирова-

ния сербской и чехословацкой национальной идеи. Даже в статье об экономике Венгрии рубежа XIX–XX вв. И.В. Крючкова концентрирует внимание на факторах австро-венгерских национальных противоречий, заключающихся, по мнению автора, в слабом развитии мадьярской экономики на европейском фоне и складывании образа венгерского «иждивенца» в глазах австрийского бизнеса (с. 158).

Таким образом, ежегодник выходит далеко за рамки обозначенной в аннотации к нему «социально-политической истории славянских народов». В нем присутствуют работы по истории экономики, духовной культуры, педагогики. Слависты, специализирующиеся в самых разнообразных направлениях и периодах истории, смогут обнаружить в книге сюжет, относящийся непосредственно к их научным интересам.

© 2010 г. *О.В. Петровская*

Славяноведение, № 1

Р. ДАМЯНОВА. Эмоциите в културата на българското възраждане. София, 2008. 199 с.

Р. ДАМЯНОВА. Эмоции в культуре болгарского возрождения.

Культура болгарского возрождения до настоящего времени исследовалась в основном в исторических и литературоведческих работах. При этом памятники культуры, которая неотделима от эмоций, вернее, является их производной, с точки зрения эмоциональной составляющей до сих пор не исследовались.

Именно эта интереснейшая тема раскрывается в книге Румяны Дамяновой. Она не стала писать ни очередную «историю», ни литературоведческую работу, выбрав «эмоции», присущие изначально человеку, и наиболее ярко проявляющиеся во времена «брожения умов».

Именно творчество великанов болгарского возрождения – их раздумья, чувства, ожидания, рожденные прошлым, настоящим и будущим своей страны, стало основой для исследования, открывающего

новые перспективы в сфере приумножения исторического знания.

При этом, как не забывает подчеркнуть автор, «возрождение – не только патетика, но и умолчание, не только гнев, но и страх, не только опьянение, но и заблуждения, не только надежды, но и обманутые ожидания» (с. 35).

И сами главы в книге Р. Дамяновой носят такие названия, как «Травма», «Вина», «Страх», «Гнев», «Смех», «Радость». Отдельная глава посвящена ожиданиям, истоки, мотивы и формы которых отчетливо прослеживаются автором в текстах болгарских деятелей возрождения.

Исследуемая автором проблематика позволяет глубже понять не только конкретное историческое пространство, в котором действуют, мыслят, переживают

такие творцы возрождения, как Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, Константин Огнянович, Неофит Бозвели, Христодул Костович, Васил Априлов, Любен Каравелов, Георгий Раковски, Христо Ботев, Константин Жинзифов, Петр Берон, Петко Славейков, Константин Фотинов, Нафанаил Охридски, но и направление их мысли, самой деятельности.

В качестве своеобразных комментаторов в книге выступает целый ряд знаменитостей – от Аристотеля до Шпенглера, что позволяет Дамяновой создавать историко-логическую цепь, органически встраиваемую в авторский текст.

Книга интересна и самим многообразием привлекаемых автором текстов эпохи возрождения: от традиционной «истории» до некрологов, в которых создается «представление об идеале» человека эпохи болгарского возрождения и одновременно передают «образ времени», рисуют «картину нравов» – политических, литературных, общественных.

Читая книгу Р. Дамяновой, я вспомнил расхожую фразу о том, что истинное просвещение соединяет в себе умственное и нравственное начала. Именно они и проходят красной нитью в литературе/культуре болгарского возрождения. Человек того времени с конца XVIII в. и в первые десятилетия XIX столетия начинал усваивать нравственные уроки и проявлять их в своей деятельности как активный член общества (с. 77). Так, например, чувство вины в текстах того времени связывалось и с «угрызениями совести, и с самооб-

винением, и с горестным признанием, и грустной констатацией» (с. 85), с нереализованными намерениями, неудовлетворенными ожиданиями, рождая многочисленные вопросы, на которые не всегда находились ответы.

Причем, говоря о своей вине, болгары, как подчеркивает автор, писали и о «чужой». Для различных деятелей болгарского возрождения виновницей всех бед стала Европа. И здесь «чужая вина» связывается автором с «болгарским гневом», что ведет к обогащению новыми нюансами историко-культурного пласта эпохи болгарского возрождения.

Весьма интересен небольшой очерк, посвященный «смеху в публицистике, в памфлетах» и т.д. Тут Р. Дамянова много пишет об историко-культурном толковании смеха, о рассуждениях П. Славейкова на эту тему, об охранительной и воспитательной функциях смеха и его видах. При всех достоинствах этого исследования все же можно было бы шире представить круг болгарских текстов, в которых смех выступает «в главной роли».

В сущности, книга подчинена не только задаче по освещению эмоциональной сферы в культуре болгарского возрождения. В ней речь идет о проблематике, касающейся многосложной истории болгарского народа, о личностях, строящих новую культуру своей страны, о самом слове, печальном, гневном, радостном, с которым жила Болгария.

© 2010 г. В.И. Косик

M. ČUDIĆ. Danilo Kiš i moderna mađarska poezija. Beograd, 2007. 328 s.

М. ЧУДИЧ. Данило Киш и современная венгерская поэзия

Одной из ключевых тенденций современной филологической науки является акцентирование сопоставительного аспекта как в лингвистических, так и в литературоведческих исследованиях. Славистика в этом смысле не составляет исключения, сопоставительные исследования в данной области имеют давнюю традицию, в которой в последние годы намечаются некоторые изменения. Если раньше главный акцент делался на сопоставительном изучении родственных или генетически связанных языков и культур, то теперь все большее внимание уделяется ареальным исследованиям языков и культур, генетически не связанных, однако объединенных общим историческим прошлым и общим ареалом проживания. Данная проблематика, начиная с 1960-х годов, была хорошо разработана на материале балканских языков и культур, в последние годы намечается тенденция к сопоставлению центральноевропейских языков и культур, а также к установлению взаимосвязей между центральноевропейской и балканской этнокультурными общностями.

В контексте вышесказанного особенно актуальным представляется выход в свет рецензируемой книги. Ее автор, М. Чудич, — преподаватель кафедры хунгарологии Белградского университета. Предметом рассмотрения в книге являются поэтические переводы с венгерского языка на сербский, выполненные Данило Кишем — крупнейшим сербским прозаиком второй половины XX в.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении обосновывается принимаемая методика описания и делаются предварительные замечания касательно построения книги. В первой главе М. Чудич, развивая в том числе идеи Й. Леви и А. Бермана, излагает основные

теоретические положения, ставшие основой монографии. Во второй главе рассматривается первый этап переводческой деятельности Д. Киша, когда он переводит Э. Ади. Поскольку данного автора Д. Киш особенно ценил и переводил в течение всей своей жизни, в этой главе также анализируются и последующие его переводы Э. Ади. Кроме того, рассматриваются переводы Д. Киша стихотворений венгерских поэтов А. Йожефа и М. Радноти. В третьей главе М. Чудич описывает следующий этап переводческого пути Д. Киша, когда тот переводил современных ему венгерских поэтов. В четвертой главе М. Чудич разбирает переводы классиков XIX в. В пятой главе анализируется заключительный этап переводческой деятельности Д. Киша, когда тот переводил главным образом своего современника Д. Петри. В шестой главе дана панорама критических оценок, высказанных в адрес переводов, сделанных Д. Кишем с венгерского языка. Наконец, в седьмой главе освещается возможное влияние венгерской литературы на оригинальное творчество Д. Киша.

Исследователь подчеркивает билингвальный и интеркультурный характер переводческой деятельности. В психолингвистическом аспекте билингвален любой переводчик. Д. Киш, будучи сербско-венгерским билингвом (отец Д. Киша был носителем венгерского языка, мать — сербского), был билингвален еще и в функциональном аспекте. В связи с этим языковая и творческая компетенция Д. Киша в переводе взаимно дополняют и обуславливают друг друга, что делает творчество данного литератора особенно интересным для рассмотрения.

В переводе, пишет М. Чудич, необходимо четко разграничивать прозаический и поэтический переводы. Первый представляет собой перекодирование информации,

изложенной средствами одного языка, на другой язык. Второй представляет собой перенос именно образно-экспрессивной структуры текста; текст перевода, по мысли М. Чудича, должен производить на читателя примерно такое же впечатление, какое производил на читателей текст оригинала.

При этом переводной поэтический текст, в отличие от текста оригинального, амбивалентен – с одной стороны, он априори представляет собой интертекстуальный феномен, с другой стороны, перевод обогащает новыми образами «свою» литературу и выступает функциональным эквивалентом оригинала. Эта амбивалентность позволяет включить переводные тексты в сферу действия идиостиля переводчика и рассматривать их как важную составляющую его идиолекта. Изучение взаимодействия идиолекта автора оригинального текста с идиолектом переводчика может идти двумя путями – рассматривать либо влияние переводимой литературы на стиль и картину мира оригинальных произведений переводчика, либо то, насколько гармонично идиолект автора оригинального текста и идиолект переводчика взаимодействуют в переводном произведении. М. Чудич выбирает второй путь и рассматривает переводную литературу под углом идиолекта переводчика. Следовательно, специфику исследования в его направленности именно на личность переводчика задает уже сам предмет рассмотрения. Поэтому биографический принцип композиции глав книги представляется абсолютно логичным и обоснованным. М. Чудич подчеркивает динамику развития взглядов Д. Киша на венгерскую поэзию и связанную с этим динамику выбора текстов для перевода и соответствующих версификаторских решений.

Следующий важный композиционно-исследовательский принцип М. Чудича логически вытекает из диахронической направленности на исследование взаимодействия идиолектов переводчика и авторов оригинальных стихотворений. История перевода Д. Киша с венгерского языка трактуется М. Чудичем как межличностный диалог с переводимыми

авторами. Через призму межличностного творческого диалога М. Чудич проводит также конкретно-лингвистический анализ переводов, выполненных Д. Кишем. Он убедительно показывает, что результатом успешного творческого взаимодействия переводчика и автора оригинального стихотворения является высокая точность перевода. Ключевым фактором, формирующим точный поэтический перевод, по мысли М. Чудича, является принцип поэтической компенсации, основанный на том факте, что созданию поэтического образа как содержательной составляющей поэтического произведения служат формальные средства всех языковых уровней. При создании отдельных образов доминирующую позицию занимают средства конкретного, выбранного автором уровня. Помимо авторской интенции, иерархию и принцип отбора языковых уровней формирует также культурный контекст региона. Если некоторый образ, заданный в оригинале, в переводе не может быть выражен средствами соответствующего уровня, он должен быть выражен средствами другого уровня. Таким образом, главным критерием точности перевода является именно адекватность передачи образно-экспрессивной структуры стихотворения.

Все главы, кроме первой, выстроены сходным образом. Изложение материала строится на движении от макроуровня/макрокосма к микроуровню/микрокосму и от внешних обстоятельств перевода через творческое осмысление Д. Кишем переводимой лирики к конкретно-версификаторским решениям при переводе отдельных стихотворений как результату этого осмысления. М. Чудич ставит перед собой задачу более сложную, чем исследователи, сопоставляющие различные переводы одного и того же автора. При сопоставлении различных переводов одного и того же автора исследователи обычно прослеживают, как одна и та же формально-содержательная структура преломляется и трансформируется в разных переводах, что неизбежно влечет за собой их градацию по точности/неточности и введению нормативного критерия полноты перевода, которому в

большей или меньшей степени соответствуют анализируемые тексты. М. Чудич в своей книге последовательно проводит идею отказа от критерия нормативности. Вернее, критерий нормативности в книге присутствует в виде уже упомянутого принципа компенсации, однако у данного исследователя он фигурирует именно как творческий принцип, а не как основание для вынесения критических суждений. М. Чудич в самом ее начале говорит, что, с его точки зрения, Д. Киш этому критерию в полной мере соответствует и именно поэтому лирика в его переводах является предметом рассмотрения в данной книге. Соответственно, акцент рассмотрения смещается с «правильности» перевода на «правильность» избираемого автора, и книга становится историей взаимодействия творческих личностей и историей поиска людей, наиболее соответствующих ожиданиям и настроениям Д. Киша как самостоятельной творческой личности. Тем самым предметом рассмотрения в книге – на содержательном уровне – является творческая индивидуальность, которая находит самореализацию в том числе через восприятие и интерпретацию литературы, которые в концепции М. Чудича носят подчеркнуто творческий характер, не менее творческий, чем оригинальная креативная деятельность.

Процесс перевода поэтического произведения в концепции М. Чудича разворачивается как коммуникативный акт и включает в себя несколько фаз: поиск собеседника – переводимого автора, интерпретация его произведений в соотношении с собственным жизненным опытом (картиной мира переводчика), вытекающее из нее перекодирование его произведений на свой язык с применением принципа компенсации, т. е. передача всех экспрессивно значимых элементов стихотворения. При этом определение экспрессивной значимости конкретных элементов и определение направленности компенсации (выбор языкового уровня, на котором происходит компенсация) всецело зависят от переводчика и его интерпретации переводимого произведения. Происходит, таким образом, переосмысление и пере-проживание переводимого стихотворения, которое

становится частью идиолекта и идиостиля переводчика. Успешность перевода как коммуникативного акта, по мысли М. Чудича, зависит от степени близости между картинами мира переводчика и переводимого им автора.

Примечательно, что в творческом пути Д. Киша как переводчика выделяются периоды, когда его внимание было фокусировано на отдельных личностях, и периоды, когда его внимание сфокусировалось в целом на стилях, направлениях. Проблема периодизации творчества любого литератора, который вместе с тем является переводчиком, по мысли М. Чудича, представляет собой сложный многоаспектный вопрос. Ядро идиолекта каждого литератора составляет его оригинальное творчество, вместе с тем в идиолект входят также переводные произведения, выполненные данным литератором. И те, и другие представляют собой интертекстуальный феномен, основное различие между ними проходит в имплицитном либо эксплицитном характере интертекстуальной составляющей. Поэтому периодизация переводного творчества литератора строится на выявлении в области его интересов стилиевых и мировоззренческих доминант, которые затем связываются с конкретными именами переводимых им авторов.

Результатом подобного рассмотрения является реконструкция авторизованного взгляда на литературу или субъективная история литературы, в которой особенно важны ее целостность и одновременно ее оригинальность. Целостность субъективной истории литературы заключается в том, что Д. Киш в течение всей своей жизни интересовался не каким-то отдельным периодом венгерской литературы или отдельным автором, а всей литературой и переводил авторов как XX, так и XIX в. Оригинальность его субъективной истории литературы состоит в том, что во всем спектре венгерских писателей он выделял наиболее близких ему авторов и высказывал критические суждения, часто не совпадавшие с официальной позицией венгерских критиков второй половины XX в.

Книга М. Чудича подчеркнуто исторична, однако это историзм несколько иного характера, чем биографическое описание

жизненного и творческого пути автора. Это история отдельной литературы, пропущенная через историю отдельной творческой личности и нашедшая свое отображение в переводах, выполненных данной личностью. История венгерской литературы в ее творческой интерпретации является неотъемлемой составной частью картины мира Д. Киша, и, одновременно, пути осмысления венгерской литературы являются мотивированными индивидуальностью Д. Киша. Коллективное и индивидуальное предстают величинами соотносимыми, поскольку их объединяет общность духовного поиска, развития. Национально-культурное и идиостильное при выбранном ракурсе изложения оказываются тесно переплетенными, и конкретные подробности биографии Д. Киша отступают на задний план, а на авансцену выходит история его внутрен-

него, духовного становления, показанная на материале анализа переводной лирики через призму конкретных версификаторских решений.

Российскому читателю данная книга может быть интересна по нескольким причинам. Во-первых, исследователь освещает круг вопросов, принципиальных как для теории перевода, так и для лингво-поэтики, и выработанная им теоретико-методологическая основа исследования, несомненно, будет продуктивной при анализе поэтических переводов. Во-вторых, книга открывает новые аспекты творчества Д. Киша. Наконец, книга может быть полезна при сопоставлении венгерской литературы со славянскими – подобные исследования в России только начинаются и имеют большую перспективу.

© 2010 г. Д.Ю. Анисимова

Славяноведение, № 1

Slovník pomístních jmen v Čechách. T. I. A. Praha, 2005. 109 s.; T. II. B–Bau. Praha, 2006. 168 s.; T. III. Bav–Bíd. Praha, 2007. 184 s.
Словарь микротопонимов Чехии. Т. I–III

Анализ топонимической лексикографии в России и других славянских странах показывает, что приоритетные задачи словарей изменялись по мере накопления опыта. Так, топонимические словари 1960–1980-х годов были посвящены преимущественно топонимии небольших территорий (выделенных по историко-географическому или административному принципу): районов, областей, республик и т.п. К концу XX в. накапливается значительный объем топонимического материала по большим территориям (топонимия отдельных стран, бассейнов крупных рек). Условия для развития топонимической лексикографии складываются как в ономастической науке (разрабатываются унифицированные модели оформления связей топонима), так и в информационной сфере (расширяются возможности создания электронных баз

данных и геоинформационных систем, ускоряющих работу с большим количеством материала).

Одним из удачных опытов топонимической лексикографии нового типа является «Словарь микротопонимов Чехии» под редакцией Я. Матюшовой. В авторский коллектив словаря вошли сотрудники отдела ономастики Института чешского языка Академии наук Чешской республики: Л. Оливова-Незбедова, Й. Маленинска, М. Гарвалик, М. Мацковичева.

Создание словаря осуществляется в рамках проекта по полному описанию топонимов Чехии. В 1991 г. был опубликован индекс лексических единиц, засвидетельствованных в топонимии Чехии [1], в 1995 г. вышла коллективная монография о происхождении топонимов Чехии [2].

В 2000 г. был издан проспект «Словаря

микротопонимов Чехии» [3], содержащий описание принципов отбора материала для словаря и структуры словарных статей, а также примеры статей. К настоящему моменту издано три тома словаря.

Материал словаря – топонимы, зафиксированные на территории Чехии во второй половине XX столетия (по данным полевых исследований), а также названия, извлеченные из письменных источников (исторических памятников, топонимических словарей и т.п.).

В данном обзоре мы обратим внимание преимущественно на структуру словарной статьи, поскольку именно эта сторона деятельности авторского коллектива наиболее значима для теории и практики топонимической лексикографии. Предложенная авторами словаря структура подачи информации о топонимах является новой и нетривиальной (тогда как методика анализа географических названий – ареальный, дистрибутивный, словообразовательный, мотивационный, этимологический и другие методы – достаточно традиционна). Избранный авторами словаря способ структурирования топонимических данных, позволяющий получить максимальный спектр сведений о топониме в рамках топонимической системы Чехии, нужно признать удачным. Представляется, что опыт «Словаря микротопонимов Чехии» может быть полезен и в топонимической лексикографии других славянских стран.

В словаре разработана схема многоаспектного описания топонимии. Подача характеристик топонима осуществляется в рамках нескольких лексикографических зон. Для выделения разных типов информации используются графические обозначения. Структура словарной статьи едина, некоторые модификации связаны только с ареальной характеристикой топонимов: если топонимическая основа широко распространена, статья сопровождается картой; если же основа узколокальна, приводятся названия населенных пунктов, близ которых фиксируются соответствующие географические объекты.

Краеугольным камнем для любого ономастического словаря является вопрос об определении заголовочной единицы и количества фактов, включаемых в одну

словарную статью. В том случае, если существует несколько/много географических объектов, носящих одно и то же имя, авторы могут предпочесть один из двух способов их словарного представления. В первом случае словарная статья составляется отдельно на название каждого объекта, т.е. «заглавное слово повторяется столько раз, сколько существует объектов, носящих данное имя» [4. S. 130]. Во втором случае – на имя, независимо от того, сколько раз оно встречается в пределах данного ономастикона, т.е. «словарным словом является лексема, взятая в абстракции от конкретных отношений “объект – имя”» [4. S. 130]. Авторы «Словаря микротопонимов Чехии» пошли по второму пути, что позволяет расставлять в представленном материале собственно ономастические акценты, выявляя распространенность того или иного имени, круг используемых в топонимии лексем и собирая спектр возможных этимонов в одной статье.

Словарная статья состоит из следующих разделов:

1.1. Заглавное слово служит входом в словарную статью (например, **APARÁT**). Поскольку речь идет о диалектном материале, определение единого заглавного слова для нескольких топонимов и их вариантов (в первую очередь, фонетических) представляет некоторые трудности. Особенно остро проблема выбора основного варианта встает при интерпретации топонимов, неясных в этимологическом отношении. В таком случае при определении формы заглавного слова авторы словаря ориентируются на фиксацию топонима в письменных источниках. Учитывается также собственно ономастическая специфика топонимов: в частности, принимается во внимание то, что базой для их образования нередко являются фамилии. Заглавный топоним может иметь фонетические и графические варианты, на которые составляются отсылочные статьи (**APERÁT viz APARÁT**). У заимствованных слов выбирается та форма, в которой топоним функционирует в чешском языке. Например, в качестве заглавного топонима избрана закрепившаяся в чешском языке форма **AUŠPERK**, хотя из этимологической части статьи чи-

татель узнает, что топоним образован «z něm. kompozita *Auersberg* 'Auerův vrch'» (Т. I. S. 84).

1.2. При работе с топонимией большой территории возникает необходимость отражения частотности топонимических основ. Данные о частотности (повторяемости) заглавного слова в топонимах вводятся нижним индексом, например **ANĎĚL**₃₀ (иначе говоря, отмечается, сколько раз данная номинация встречается на территории Чехии). Частотность указывается в статье трижды: после заглавного слова, при ареальной характеристике заглавного слова и при дистрибуции по видам объекта.

1.3. Грамматическая характеристика заглавного слова вводится при помощи латинских сокращений (m., f., n., pl., adj. и т.п.).

1.4. Ареальная характеристика топонимов дается в соответствии с административно-территориальным делением по состоянию на 1923 г. [5]. Эти сведения являются наиболее полными, так как включают в себя названия ныне не существующих деревень.

При ареальной характеристике топонимов возникает вопрос об отражении топонимов с высокочастотными основами (например **AMERIKA**₉₅₉, **BABA**₄₅₃, **VAŽANTNICE**₆₉₉). С одной стороны, большой объем топонимических данных ставит лексикографов перед необходимостью определенного абстрагирования (каждый топоним представлен не отдельной словарной статьей, а рассматривается наряду с другими «одноименными» названиями), что обусловлено как соображениями разумного объема словаря, так и удобством восприятия для читателя. С другой стороны, подобная компрессия в известной мере препятствует отражению особенностей функционирования топонимической основы.

Авторы «Словаря микротопонимов Чехии» видят разрешение этого противоречия в создании разных типов словарных статей. Привязка топонимов к местности и подача конкретных примеров осуществляются различным образом для редких и частых топонимов.

Для основ с низкой частотностью (как правило, до 5, не выше 10) приводится

территориальная привязка каждого объекта, поименованного топонимом. Сбор синхронных диалектных данных позволил сопроводить большинство топонимов характеристикой географического положения объекта.

У слов с высокой частотностью (например **APARÁT**₁₀) обозначается только ареал (если ареал сплошной, выделены его границы) или дается общая характеристика распространения названий, восходящих к заглавному слову (например: *celočeské, jednotlivě v sv. Čechách*).

В случае широкой распространенности топонимов на территории Чехии сделана отсылка к карте (все словарные статьи с шестью и более фиксациями топонима снабжены картами, отражающими ареальное распределение объектов).

Решение, которое предлагают авторы «Словаря микротопонимов Чехии», представляется очень плодотворным для исследования топонимии в различных аспектах. Наличие карт, показывающих ареальное распределение топонимической основы, открывает возможности для лингвогеографического изучения топонимии, а отражение частотности топонимических основ позволяет делать выводы о степени популярности в топонимии отдельных тематических групп и конкретных лексем.

1.5. Внутри статьи отдельно подаются первичные географические названия (обозначены буквой **а**) и названия-ориентиры, представляющие собой сочетание с предлогом (обозначены буквой **б**). В статье приводятся фонетические, словообразовательные и структурные варианты заглавного слова. Варианты подаются по степени усложнения структуры: вначале однословные, затем двухсловные с атрибутивной частью, многословные и т.п. Внутри каждого из названных рядов первыми даются формы единственного числа. В разных разделах представлены топонимы, образованные от апеллятивов и от имен собственных.

Верхний индекс служит для соотнесения формы конкретного топонима (в разделе 1) с типом географического объекта (в разделе 2). К сожалению, данное соотнесение проводится далеко не в каждом случае, а причины своего выбора авторы

словаря никак не комментируют. Так, в статье на **BÍDA**₅₈ (Т. III. S. 159–160) приводится 9 типов применения заглавного имени в топонимической системе, которым соответствуют 17 типов географических объектов. Как именно они накладываются друг на друга, остается неясным: в статье обозначена только одна связь – между *Bida*₁₆¹ и *byv. důl*¹.

2. В данном разделе производится распределение названий по видам объектов (поле, луг, лес, ручей и т.д.) с указанием частотности каждого из них. Поскольку в письменных источниках не всегда есть сведения о виде называемого объекта, у заглавных слов с низкой частотностью стоит помета «не указан» (т.е. не указан в источнике). У предложных названий-ориентиров, а также у топонимов, которые в источнике относятся к нерасчлененному множеству объектов, даны соответственно пометы «положение» (положение относительно другого объекта) и «пространство» (пространство вокруг чего-либо).

3. В этой зоне определяются происхождение (т.е. указывается слово, которое стало основанием номинации – апеллатив, антропоним или другой топоним) и словообразовательные средства, с помощью которых образован топоним. В некоторых случаях этимологический анализ осуществляется на уровне праславянской реконструкции – например, в статье на **BERNICE**₁: «Ze základu **brn-* (k psl. **brъnъje* ‘bláto, hlína ap.’; viz ŠmPřír 43) + *-ice*» (Т. III. S. 120). Если этимон не засвидетельствован в письменных источниках, то дается соответствующее примечание, а реконструированная или предполагаемая форма помечается знаком (*).

Во второй части этого раздела проясняются мотивы номинации (т.е. то, что послужило поводом для именованья). В некоторых случаях мотив номинации очевиден (например, мотивация названий частей деревень фамилиями жителей обусловлена имущественными отношениями). Есть случаи, когда мотив номинации скрыт от исследователя или является гипотетическим, что отражается в соответствующих комментариях лексикографов: «Motivace nejistá» (**BAREVNÝ**₂ – Т. II. S. 98–99), «Méně pravděpodobné» (**BERNICE**₁ –

Т. III. S. 120). Иногда информация о мотиве номинации содержится в письменных источниках.

Если во внимание принимается несколько версий происхождения или мотивации, соответствующий раздел разбивается на подразделы. Факультативно может присутствовать дополнительная информация (например, указание на исторические условия, в которых возник топоним, что иногда дополняет лингвистическую картину). Так, в статье на **BATERIE**₆ дается следующий комментарий: /Zde prý šlo o pomník se sochou Austrie. – Proto také paralelní název *U Panny*/ (Т. II. S. 139). Этимологический и мотивационный разделы словарной статьи подкреплены историческими свидетельствами.

4. В этом разделе даются ссылки на упоминания заглавного топонима в ономастических словарях, статистических справочниках и списках населенных мест. Производится сопоставление с ойконимами (т.е. названиями деревень или их частей) по всей территории чешского языка, функционирующими как официально, так и в качестве местных названий, от которых образован топоним. Так, в статье на **BĚLOHRAD**₁₂ записи **4 Bělohrad** (Stat Lex34), **Lázně Bělohrad** (Pf) (Т. III. S. 74) свидетельствует о том, что топонимы с данной основой отмечаются в источниках [6] и [7].

5. Последний раздел служит для определения словообразовательных возможностей топонимов. В статье объединяются производные и сложные слова с одной словообразовательной основой. Например, в статье на **ALEJ**₆₂₁ (Т. I. S. 40–42) в данном разделе представлены формы **ALEJČEK**, **ALEJČKA** и т.д. Сведения о дериватах заглавного топонима вводятся двумя способами:

а) если этимоном считается апеллатив, то в статье приводятся все дериваты заглавного топонима (например, **APARÁT**_{10... 5} **APARÁTEK**, **APARÁTNI**);

б) иной подход применяется для описания топонимов, образованных от имен собственных (антропонимов или топонимов). Например, топоним *Alexandrov* возник путем метонимического переноса «готового» местного названия на другой объект. Форма *Alexandrov* в статье на

ALEXANDR₂ (Т. I. S. 45) не приводится, на нее составляется отдельная статья – **ALEXANDROV**₃.

Два последних раздела словарной статьи являются факультативными.

Приведем примеры статей из первого тома «Словаря микротопонимов Чехии»:

ALTAJ₁ m.

1b Na *Altaji* Lou/Úherce

2b hon

3 Z české podoby jména *Altaj* pro «horský system v Asii na území Ruské federace, Kazachstánu, Mongolska a Číny» (GeoMSIS 29) (rusky *Altaj* – Nikonov 21, mongolsky *Altajn nurú* a čínsky *A-er-tchaj-šan* – VČVJG 10). Patrně metaforický název podle vyvýšeného terénu. /Jde o nový název po r. 1950 po vytvoření honu JZD. Původně se pozemkům v těchto místech říkalo *Pod strání* (SPJ)/ Ve slovnících češtiny je počeštěný název *Altaj* poprvé zaznamenán r. 1878 (Kott I, 23)./ – LON

ALTÁN₅₃ m., jednotlivě po celých Čechách.

1 ALTÁN₄₃ a *Altán*₁; *Rýzmburský a.*; *A. na Rýzmburku* **b** *Na a-ně*₄/ *-nu*, *Nad a-nem*, *Pod a-nem*₆/ *-ny*₂, *U a-nu*₁₄/ *-nů*, *Za a-nem*₄; *Mlýny pod a-nem*² ♦ **HALTÁN**₉ a *Haltán*₆ **b** *Pod h-nem*, *U h-nu*, *Za h-nem* ♦ **HALTÁN**₁ **b** *U h-nu*

2 a *kopec*, *les*₄, *pole*₃, *stráň*, *vyhlídka*; m.č.¹ **b** *hon*₆, *les*₁₃, *louka*, *pole*₉, *poloha*₆, *pozemek*, *skály*.

3 Z *apel. altán* ‘nevelká, zčásti otevřená stavba se střechou chránící před sluncem a deštěm; besídka’ (SSJČ). Z označení staveb a jiných objektů (na něž bylo jméno přeneseno) nebo podle polohy u nich. Forma *haltán* vznikla přidáním nář. protetického h- (Běl 74n.), u její varianty *haltan* došlo k nepravidelnému krácení á > a.

5 ALTÁNEK – MH.

Статья на **ALTAJ**₁ (Т. I. S. 47–48) – пример представления топонима с раритетной основой, статья на **ALTÁN**₅₃ (Т. I. S. 48) демонстрирует способ организации информации о топониме с распространенной основой (и, соответственно, большим числом фиксаций). Ромбом (♦) отмечены фонетические варианты заглавного топонима.

С использованием графических обозначений связаны некоторые трудности, возникающие при работе со словарем. В

«Словаре микротопонимов Чехии» применяется 11 графических обозначений, из которых общепринятыми являются только 3 (* – реконструированная форма, < – восходит к другому слову, > – является этимологически исходным для другого слова), что вынуждает читателя периодически возвращаться к списку условных обозначений. Кроме того, между условными обозначениями, используемыми в первом и втором томе, нет полного соответствия. В первом томе используется знак /-, которым отмечены варианты окончаний топонима. Во втором томе такой знак отсутствует, зато появляется новый – (▲), сигнализирующий о формах женского рода. Очевидно, такое несоответствие вызвано тем, что словарь находится на стадии разработки: с выходом последующих томов взгляды авторов на необходимость выделения тех или иных параметров меняются, а структура статьи совершенствуется по мере столкновения лексикографов с новыми трудностями. Содержание и структура словарных статей второго и третьего томов словаря не обнаруживают каких-либо расхождений, что говорит о том, что концепцию словаря можно считать сложившейся.

Несмотря на наличие карт, отражающих ареальное распределение топонимических основ, и помет, способствующих при необходимости выделению сведений о конкретном топониме из текста статьи, не теряет своей актуальности проблема отражения истории конкретного топонима. В большинстве случаев карты показывают ареальное распределение топонимов только по одному принципу (например, по признаку отапливаемого или отантропонимического происхождения у «омонимичных» названий, как это сделано в статье на **BAMBOUSEK**₂₈ (Т. II. S. 80–81) или на **BALOUN**₂₁ (Т. II. S. 76–77)). Отсутствие сведений о местоположении географического объекта, обозначенного данным топонимом, лишает исследователя возможности искать иные лингвогеографические закономерности.

«Словарь микротопонимов Чехии» является одновременно и исследованием по топонимии Чехии, представленным в форме словаря, и собранием полевых и архивных

материалов, доступных для последующего изучения. Прделана огромная работа по сбору, описанию, систематизации и интерпретации топонимии Чехии. Словарь может оказать значительную помощь в решении целого ряда лингвистических и этноисторических задач. На основании топонимических данных можно восстановить картину заселения Чехии в прошлом. Изучение лексических единиц, выступающих в топонимии, даст возможность более глубокого исследования лексического фонда чешского языка, позволит восстановить утраченные формы и значения апеллятивов, а также их исходные ареалы.

С 70-х годов XX в. работа, подобная трудам пражских ономастов, велась также на территории Моравии под руководством сначала Ф. Матейска, а потом Р. Шрамека. Был издан словарь «Названия населенных мест в Моравии и Силезии» [8]. В настоящее время собранные материалы хранятся в архиве диалектологического отделения Института чешского языка в Брно. Они переводятся в электронную форму – с тем, чтобы на их базе создать словарь топонимов Моравии (эта работа ведется под руководством М. Шипковой).

Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных культурных и языковых общностей (русские ономастические словари

как источник культурно-исторической информации» и Государственного контракта № П736 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», по проблеме «Время и человек в свете ономастической и ономастической номинации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Olivová-Nezbedová L., Matúšová J.* Index lexikálních jednotek pomístních jmen v Čechách. Praha, 1991.
2. *Olivová-Nezbedová L., Knappová M., Malenínská J., Matúšová J.* Pomístní jmena v Čechách. O čem vypovídali jmena polí, luk, lesů, hor, vod a cest. Praha, 1995.
3. *Olivová-Nezbedová L., Matúšová J.* Slovník pomístních jmen v Čechách. Úvodní svazek. Praha, 2000.
4. *Šrámek R.* Úvod do obecné onomastiky. Brno, 1999.
5. *Statistický lexicon obcí v Čechách.* Praha, 1923
6. *Statistický lexicon obcí v zemi České.* Praha, 1934.
7. *Profous A.* Místní jména v Čechách, jejich vznik, původní význam a změny. Praha, 1947–1957. Díl. I–IV.
8. *Hosák L., Šrámek R.* Místní jména na Moravě a ve Slezsku. Praha, 1970. T. I; Praha, 1980. T. II.

© 2010 г. А.А. Макарова

Международная конференция «X Славистические чтения памяти проф. Г.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова»

С 12 по 14 сентября 2008 г. в Санкт-Петербургском университете прошли традиционные, уже десятые Славистические чтения памяти проф. Г.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова, организованные кафедрой славянской филологии факультета филологии и искусств СПбГУ.

Перед началом конференции с приветственным словом к его участникам и гостям обратился декан факультета проф. *С.И. Богданов*. Он отметил важность контактов, которые развиваются и крепнут благодаря подобным международным научным форумам. Также были зачитаны приветственные телеграммы и письма руководителей зарубежных славистических центров в адрес организаторов и участников конференции.

Первые два доклады пленарного заседания по традиции были посвящены анализу огромного вклада профессоров Санкт-Петербургского университета, стоявших у истоков современной отечественной славистики. Проблема возрождения современной библеистики в их трудах была рассмотрена в совместном докладе проф. *Г.А. Лилич* и проф. *В.М. Мокиенко* (СПбГУ): выделены сложные этапы освоения этой темы и значимые события, сыгравшие важную роль в расширении и дальнейшей специализации данного научного направления. В докладе *Н.А. Бондаренко* (Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина) был сделан акцент на продолжении традиций, которые связаны с именами Германа Ивановича и Петра Андреевича, в других институтах нашей страны. В докладе *Д. Бойович* (Черногорский университет, г. Никшич) «Изучение сербского языка как иностранного (от названия до содержания)» была затронута важная тема нормирования и кодификации национального языка в новых политических условиях. Как отметила *Д. Бойович*, хотя по результатам социологических опросов две трети жителей Черногории назвали своим родным языком сербский, а значит, подтвердили сохранение литературно-языкового единства сербского языка, вместе с тем, заметны и новые тенденции: проблемы определения статуса языка, необходимости изучения процессов взаимодействия диалектов и литературного языка, вопросов стандартизации и нормирования литературного языка. В заключительном докладе пленарного заседания *Д. Фингаровой* (Софийский университет им. св. Климента Охридского) был представлен опыт разработки (на базе Института русского языка БАН) и введения в учебный процесс трехуровневой, лексически направленной модели по созданию и оценке устного владения славянскими языками – LINT.

Основная работа конференции, в которой приняли участие 20 иностранных ученых из славистических центров и университетов Болгарии, Белоруссии, Украины, Чехии, Сербии, Черногории, проходила в рамках шести секций.

В секции «Славянское литературоведение» (председатель – доц. *М.П. Мальков*), собравшей наибольшее количество участников, были заслушаны доклады *Й. Станека* (Западночешский университет, г. Пльзень) «Так называемый железный занавес в чешской прозе 50–60-х годов» и *Д.И.-Т. Дудинской* (Институт языка и литературы им. Я. Колоса и Я. Купалы НАН Белоруссии) «Междисциплинарный дискурс в литературоведении: воплощение национальных и мирового типов экзистенцирования в художественной литературе» (на примере сравнения произведений белорусской «деревенской» прозы и текстов русских авторов этого направления). Особое внимание было уделено проблемам

терминологического характера, например правомерности употребления таких понятий, как «когерентность», «бифуркация» и «аттрактор» и т.п. при литературоведческом анализе художественных текстов. Также был заслушан доклад *М.А. Петрович* (Пермский гос. педагогический университет) «Логика порождения текстовой картины мира (на материале македонских сказок)». *Е.Е. Бразговская* (Пермский гос. педагогический университет) обратилась к поднятой в творчестве Ч. Милоша проблеме соотношения языка и мира-станции между вещью и ее «воплощением» в художественном тексте, *М.Н. Дробышева* (СПбГУ) – к «Феномену Дубровника в свете концепции культурно-стилистической формации А. Флакера», в выступлении *А.Г. Бодровой* (СПбГУ) «Две парадигмы словенской автобиографической прозы (Янез Трдина и Иван Цанкар)» были рассмотрены вопросы развития жанра автобиографической прозы на протяжении XIX – начала XX в.

В рамках работы секции «История славяноведения» (председатель – доц. В.И. Ермола) прозвучали доклады *М.О. Мельниченко* (СПбГУ) «О.М. Бодянский и Вацлав Ганка», *В.И. Ермолы* (СПбГУ) «Адмирал А.С. Шишков – один из инициаторов изучения славистики в университетах России», в котором были представлены результаты кропотливой работы ученого по воссозданию неизвестных и малоизвестных страниц биографии деятеля русской культуры XVIII в., подчеркнута инициатива А.С. Шишкова в укреплении контактов с западноевропейскими университетами, в первую очередь в славянских землях, и известными учеными того времени; его усилия, направленные на развитие сопоставительного изучения славянских языков и памятников славянской письменности.

В секции «Взаимосвязи славянских литератур» (председатель – Н.К. Жакова) были заслушаны доклады *З. Матиушовой* (Южночешский университет, Ческе Будейовице), обратившей внимание на роль традиций русской «деревенской» прозы, произведений А. Солженицына, В. Белова, В. Астафьева и других в развитии схожих явлений в чешской и словацкой литературах; *Т.И. Чепелевской* (ИСЛ РАН) «Художественный образ Балкан в путевых очерках и корреспонденциях конца XIX – начала XX в.», проанализировавшей произведения, которые можно отнести к паралитературным явлениям (книги очерков, репортажи и корреспонденции, авторами которых являлись писатели Е.И. Витте, Е.Л. Марков, А.В. Амфитеатов, Я. Лаврин и др.); *Н.К. Жаковой* (СПбГУ) «Славянство и Россия в поэтическом мире Ф.И. Тютчева»; *Е.М. Янчук* (Белоруссия) «Иносказание польских образов в творчестве М. Цветаевой».

Работа секции «Славянское языкознание» (председатель – А.В. Бабанов) проходила во временных рамках, заданных программой, но с некоторыми изменениями по составу участников. Из заявленных в программе восьми докладов состоялись только два – выполненный на материале сербского и русского языков доклад *М. Стефанович* (Университет г. Нови Сад) «Проблемы семантического анализа ассоциативных полей – значение или коннотация» и аспиранта СПбГУ *В.Е. Москвина* «Становление и развитие театральной терминологии в славянских языках (на материале чешского и польского языков)». Однако высвободившееся в силу объективных причин время было предоставлено трем другим докладчикам, проявившим интерес к конференции уже после опубликования официальной программы. В результате участники секции получили возможность прослушать и обсудить доклады доцента Ярославского педагогического университета *М.М. Кондратенко* «Понятие времени в родопских говорах», преподавателя РГПУ им. А.И. Герцена *Н.Б. Ершовой* «Типология противительных отношений», выполненные на материале болгарского языка, и доклад магистрантки СПбГУ *Э.Л. Манчик* «Межязыковые омонимы в современных литературных сербохорватском и русском языках». Проблемы, поднятые в выступлениях на секции, вызвали активный интерес и крайне заинтересованное обсуждение.

Традиционной для ежегодных Славистических чтений стала и секция «Теория перевода» (председатель – Г.К. Волошина), в рамках которой, к сожалению, прозвучали лишь два доклада из шести заявленных: *Г.К. Волошиной* (СПбГУ) «Принципы анализа стихотворного перевода» и *А.А. Корзининой* (СПбГУ) «Взаимодействие оригинала и перевода в творческой интерпретации лирики А.А. Фета на чешском языке».

В секции «Рецепция славянской культуры в неславянском окружении» (председатель – проф. М.Ю. Котова) были объединены два тематических блока: «Славяно-английские языковые сопоставления» и «Восприятие чешской культуры на Британских островах». Докладом, задавшим общий тон обсуждения вопросов в рамках данной проблематики, стало выступление *М.Ю. Котовой*, посвященное опыту прочтения спецкурса «Британско-чешские культурные связи» для чешско-английского отделения СПбГУ. Были рассмотрены базовые понятия и их составляющие (модуль, компетенция, кредит и др.), а также выявлены и проанализированы практические результаты проведенной работы на примере первой, обучавшейся по новой программе чешско-английской языковой группы. В докладе акцентировалось внимание и на успешном продолжении данной программы в болгарско-немецкой и других языковых группах, возможности сопоставить опыт работы Санкт-Петербургского университета с опытом подобных разработок в других европейских университетах (например в университете г. Оставы, Чехия).

Другие доклады, прозвучавшие в блоке «Восприятие чешской культуры на Британских островах»: *Н.М. Ханаевой* («Восприятие творчества Богумила Грабала в Великобритании»), *О.В. Храмовой* («Чехи и чешская культура в Ирландии») и *М.А. Семеновой* («Судьба чешского кино в Великобритании») – явились показателем реализации практических переводческих навыков и творческого научного потенциала выпускников СПбГУ. Проблемы чешско-английских языковых сопоставлений были подняты в выступлениях как российских (*А.В. Елфимова* «Английские вкрапления в чешском художественном тексте и в переводах с чешского на английский язык» – СПбГУ), так и чешских исследователей (*И. Йелинек* «О переводах песен В. Высоцкого на чешский и английский языки» – Оставский университет).

В заключение хотелось бы отметить, что Славистические чтения из года в год привлекают славистов разных поколений из разных стран, порой меняется состав участников, но неизменным остается необычайно теплая атмосфера конференции. Это и заинтересованные обсуждения новостей из разных уголков славянского мира во время заседаний и перерывов между ними, и неформальная прощальная встреча «У самовара», во время которой обычно звучат стихи и песни на всех славянских языках. Особый дух конференции ощущается и при посещении могил Петра Андреевича и Германа Ивановича, когда прошлое встречается с настоящим, а настоящее устремляет свой взор в будущее.

© 2010 г. *А.Г. Бодрова, Т.И. Чепелевская*

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ ИЛЬИНОЙ

24 января 2010 г. – знаменательная дата в жизни крупнейшего отечественного литературоведа-югослависта и историка литературы, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, д-ра филол. наук, проф. Галины Яковлевны Ильиной. Научная жизнь Г.Я. Ильиной тесно связана с развитием российского славяноведения: она более полувека посвятила исследованию литературы южных славян, внося существенный вклад в их систематическое изучение и популяризацию.

Выпускница славянского отделения филологического факультета МГУ (1952), Г.Я. Ильина работает в Институте с 1956 г. За это время ее связь с высшей школой не прерывалась: она являлась членом специализированного диссертационного совета филологического факультета, читала спецкурсы на славянском отделении, участвовала и участвует в совместных с факультетом научных проектах.

С первых лет работы в институте определились основные направления научных интересов Ильиной. Это история южнославянских литератур в XX в., сравнительное изучение литератур стран ЦЮВЕ, теория и методология литературоведческих исследований, русско-югославянские литературные связи. Особое внимание исследовательницы было обращено к истории и функционированию национальных литератур Болгарии и Югославии в межнациональном контексте. Г.Я. Ильина широко известна в литературоведческих кругах России, стран СНГ и за рубежом, в том числе благодаря своим выступлениям на многочисленных международных конгрессах и конференциях, съездах славистов, а также благодаря публикациям в совместных с учеными стран Восточной Европы трудах и в иностранной периодике (хорватские журналы «Umjetnost i jeci», «Croatica», «Kronika»).

Перу Г.Я. Ильиной принадлежат свыше ста пятидесяти работ, среди которых широкую известность получили монография о романе в литературах СФРЮ «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX века», а также разделы, посвященные истории литератур народов Югославии в академических изданиях историй литератур: «История литератур западных и южных славян в трех томах». Т. 3. (М., 2001); «История литератур Восточной Европы после второй мировой войны в двух томах» (М., 1995. Т. I; М., 2001. Т. II). Она один из авторов учебника истории зарубежной литературы для высшей школы (1989). Последнее крупное достижение исследовательницы – разделы «Хорватская культура» и «Сербская, боснийская и черногорская культуры» в коллективной монографии «История культур славянских народов. В 3-х т. Т. 3: Культура XX века: от модерна до постмодернизма. Народная культура славянского региона» (М., 2008).

Галина Яковлевна Ильина – достойный пример ученого, думающего о перспективах развития славяноведческой науки, о научной смене. Под ее руководством в 1989–2009 гг. подготовлено и защищено шесть кандидатских диссертаций по четырем основным литературам Югославии (сербской, хорватской, словенской, македонской), а также по проблемам русско-югославянских литературных связей, она выступала как научный консультант, оппонент, рецензент нескольких десятков диссертационных работ. Ее ученики продолжают благородное дело изучения и пропаганды славянских литератур в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Минске, Белграде, Баку, Загребе. В лице Г.Я. Ильиной они нашли истинного Наставника, сумевшего увлечь, привить вкус к исследовательской работе, дать путевку в самостоятельную научную жизнь. С полным правом Галину Яковлевну можно назвать одним из корифеев российской школы литературоведческой югославистики.

Важное место в научной деятельности Г.Я. Ильиной занимает еще одно весьма трудоемкое направление – редакторская работа. В 1970–1980-е годы она была членом редколлегии РЖ РАН по литературоведению, членом редколлегии «Библиотеки югославской литературы», выступала в качестве ответственного редактора шести монографий и члена редколлегии более пятидесяти коллективных трудов. Как ведущий специалист по литературам Болгарии и Югославии XX в. она также выступала как составитель, автор предисловий и примечаний к целому ряду переводов ведущих славянских авторов, среди которых М. Крлежа, Й. Йовков, А. Константинов, А. Цесарец, В. Калек и многие другие. Благодаря ее рецензиям в журналах «Художественная литература за рубежом»,

«Советское славяноведение» («Славяноведение»), «Вопросы литературы» наша читательская аудитория знакомилась с новыми именами и явлениями современных югославянских литератур.

Научная деятельность Галины Яковлевны тесно связана с работой Центра по изучению литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы после 1945 г., она участница всех научных проектов, осуществленных Центром за последние десять лет. Принципиальное значение имеют такие ее работы, как «К вопросу о судьбе левой художественной интеллигенции XX в. (Мирослав Крлежа и его последний роман “Знамена”»)» («Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа». М., 2006); «Национальная мифология и история и истории литератур югославянских народов на рубеже XX и XXI веков» («Литература и глобализация». Любляна, 2006); «Переакцентуация прозы о Второй мировой войне. Бранко Чопич “Сухой порох”, Добрица Чосич “Солнце далеко”, “Разделы”» («Вторая мировая война: опыт истории – опыт литературы». М., 2007). О прекрасной научной форме юбиляра говорит и тот факт, что в настоящее время она возглавляет такой масштабный проект, как «Лексикон южнославянских литератур». Мы рады, что Галина Яковлевна активна в работе и полна энергии, для нас она – не только признанный научный авторитет, но и человек огромного личного обаяния. Присущие Галине Яковлевне жизнелюбие, доброжелательность, чувство справедливости снискали ей глубокое уважение всего научного коллектива.

Друзья, коллеги, ученики – мы поздравляем Галину Яковлевну с днем рождения, желаем ей крепкого здоровья, душевной гармонии и новых научных свершений.

© 2010 г. *Н.Н. Старикова*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vinogradov V.N.</i> (Moscow). The Collapse of Austria-Hungary and Romania	3
<i>Astashin N.</i> (Moscow). Far East Vector of Hungarian Foreign Policy: 20th Century	12
<i>Kolontari A.</i> (Petch). Negotiations on the Establishment of Diplomatic Relations Between the USSR and the Hungarian Kingdom in 1934	19
<i>Morozov S.V.</i> (St. Petersburg). On the Role of so-called Bukovina Rail in the Developing of the Munich Crisis	31
<i>Arzhakova L.M.</i> (St. Petersburg). Long Pause after the Brilliant Success: History Polish Studies in the Late 19th Century	44
<i>Shvedova N.V.</i> (Moscow). «I could not see the darkest things in the world». Waiting for the Future in the Surreal Poetry of Vladimir Raysel.....	54
<i>Pylypenko G.P.</i> (Moscow). Development Issues of Interference and Borrowing in Linguistic Literature	62
<i>Shabalina E.B.</i> (Ekaterinburg). Numerals: Mechanisms of Generation of Evaluative Connotation (in Russian and Polish Languages)	74

COMMUNICATIONS

<i>Ptytsyn A.N.</i> (Stavropol). Entrepreneurs of the Austro-Hungarian Lands in Russia (19th – Early 20th Cent.)	83
<i>Bukharin N.I.</i> (Moscow). To Russian-Polish Relationships (1992–2008)	91

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Nikiforov K.V.</i> Н. Алексун, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич. История Центрально-Восточной Европы	98
<i>Petrovskaya O.V.</i> Российские и славянские исследования. Вып. 3	106
<i>Kossyk V.I.</i> Р. Дамянова Емоциите в културата на българското възрождане	112
<i>Anissimova D.Yu.</i> М. Čudić. Danilo Kiš i moderna mađarska poezija	114
<i>Makarova A.A.</i> Slovník pomístních jmen v Čechách	117

SCHOLARLY LIFE

<i>Bodrova A.G., Tchepelevskaya T.I.</i> Conference «10th Slavic Readings in Memoriam of Profs. G.A. Dmitriev and G.I. Safronov».....	123

ANNIVERSARIES

<i>Starikova N.N.</i> Towards the Anniversary of Galina Yakovlevna Ilyina	126

Сдано в набор 01.10.2009 Подписано в печать 23.11.2009 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл. печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,3 тыс. Уч. изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 401 экз. Зак. 884

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

Славяноведение, 2010, № 1

ISSN 0132-1366